ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

СЕНТЯБРЬ
ОКТЯБРЬ N5(167)

МОСКВА 2026

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2026. № 5 — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
академик НАНУ А.А. Гриценко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); А.А. Козлачков;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. П.С. Лемещенко (Белоруссия); к.ф.н. С.С. Мерзляков;
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; к.э.н. Н.П. Недзвецкая;
д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.и.н. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); Т.С. Сухина;
д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарев (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов, И.Г. Морозов,
Н.П. Недзвецкая, С.С. Нипа, М.Ю. Павлов, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина,
О.Б. Лемешонок, В.В. Осипов

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год
Адрес редакции: *119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. +7(495)939-4183*
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>
сайт: ***http://www.philh.ru***
http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/, http://www.css.msu.ru
Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).
121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Тираж 1000 экз. Заказ №
Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»
тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2026

Содержание

Jubilaeus annus (Главный редактор).....7

Раздел I. Ю.М. Осипову — 85
С.Г. Ковалев
Философия хозяйства Ю.М. Осипова как судьба и служение.....11
Н.Б. Шулевский
Гуманитарная парадигма русского духа в творчестве
Ю.М. Осипова.....22
В.В. Чекмарев, Г.А. Губин
Вершина культурно-исторического синтеза
(заметки о феномене Ю.М. Осипова).....31

Раздел II. Философия хозяйства
Д.К. Стожко, К.П. Стожко
Субъектная природа хозяйственной деятельности.....41
А.Ю. Козловский
Модели социально-экономической типологии
ведущих стран Древнего мира.....57

Раздел III. Экономическая теория
Д.С. Ушаков
Стоимость без субстанции: основания конфигурационной
политической экономии.....83
С.Г. Ковалев
От обманывающейся России к России созидательного развития
Часть 1. Концептуальная необходимость и подход
к модели экономического созидания.....103
М.Л. Хазин, Д.К. Комаров
Эффективность макроэкономического управления
и долговая нагрузка экономики: модельный анализ.....120
Нин Цзин, П.С. Лемещенко
Эффект мультипликации в развитии благосостояния
при политико-экономическом сотрудничестве
Китая и Белоруссии.....135
Н.П. Недзвецкая
Актуальные вопросы адаптации к современным
реалиям нейросетевой модели экономики.....156

Ф.К. Абдулкеримов, В.В. Атаян, Т.А. Макареня
Устойчивое развитие региона: проблемы и возможные пути решения с учетом опыта незападных стран 164

Раздел IV. Актуальная философия
Н.Б. Шулевский
Иное в контексте философии 185
Л.А. Мурзанова
Амбивалентность традиционных ценностей в условиях современного общества 198
М.А. Кандауров
Абсурд как антропогенетический сбой: реконструкция теории Б.Ф. Поршнева 208
Г.В. Эрдман
Подчинить технику духу или исчезнуть в ней 226
К.В. Молчанов
Киберсубъект: новая парадигма мыслящей машины — от критики рассудочного ИИ к функциональной субъектности 233
А.П. Секерин
Технологический регламент и архитектоника власти: переосмысление генезиса государства 255
Л.И. Коростелева
«Лес» как философский и художественный проект: предыстория одной выставки 267

Научная жизнь
Т.С. Сухина
Мировая экономика как управляемое из глобального финансового центра казино (Орленковские чтения — 2026) 282

Анонсы — 2026 293
Наши авторы 294

Contents

Jubilaeus annus (*Chief Editor*).....7

Part I. Yu.M. Osipov — 85
S.G. Kovalev
Yu.M. Osipov's Philosophy of Economy as Destiny and Service.....11
N.B. Shulevsky
The Humanitarian Paradigm of the Russian Spirit
in the Works of Yu.M. Osipov
V.V. Chekmarev, G.A. Gubin
The Pinnacle of Cultural-Historical Synthesis
(Notes on the Phenomenon of Yu.M. Osipov).....31

Part II. . Philosophy of Economy
D.K. Stozhko, K.P. Stozhko
The Subjective Nature of Economic Activity 41
A.Yu. Kozlovskiy
The Models of Social and Economic Typology
of the Ancient Leading Countries 57

Part III. Economic Theory
D.S. Ushakov
Value without Substance: Foundations of Configurational
Political Economy.....83
S.G. Kovalev
From a Russia of Delusion to a Russia of Creative Development
Part 1. Conceptual Necessity and Approach
to a Model of Economic Creation 103
M.L. Khazin, D.K. Komarov
The Effectiveness of Macroeconomic Management
and the Debt Burden of the Economy:
A Model-Based Analysis 120
Ning Jing, P.S. Lemeshchenko
The Multiplier Effect in Welfare Development under Political
and Economic Cooperation between China and Belarus 135
N.P. Nedzvetskaya
Current Issues of Adapting to Modern Realities
of Neural Network Model of the Economy.....156

F.K. Abdulkerimov, V.V. Atayan, T.A. Makarenya
Sustainable Development of the Region: Challenges
and Possible Solutions Based on the Experience
of Non-Western Countries 164

Part IV. Actual Philosophy
N.B. Shulevsky
The Other in the Context of Philosophy 185
L.A. Murzanova
Ambivalence of Traditional Values
in Modern Society 198
M.A. Kandaurov
Absurdity as an Anthropogenetic Failure: Reconstruction
of B.F. Porshnev's Theory 208
G.V. Erdman
Subordinating Technology to the Spirit, or Vanishing within It 226
K.V. Molchanov
Cybersubject: A New Paradigm of the Thinking Machine —
from Critique of Verstand-Based AI to Functional Subjectivity 233
A.P. Sekerin
Technological Regulation and the Architectonics of Power:
A Reassessment of the Genesis of the State 255
L.I. Korosteleva
«The Forest» as a Philosophical and Artistic Project:
The Prehistory of an Exhibition 267

Scientific Life
T.S. Sukhina
The Global Economy as a Casino Managed
from a Global Financial Center
(The Orlenkov Readings — 2026) 282

Anounce — 2026 293
Our Authors 297

Jubilaeus annus

Jubilaeus annus (лат.) — юбилейный год. Чей или для кого? Увы, мой и для меня, тут все одно!

Да-а, в 2026 г. выпал на меня 85-летний юбилей, ибо родился я 09.09.1941 г.

Сам я, конечно ни на какое юбилейное действо не пошел бы, да вот мое общественное положение плюс и сама общественность, меня окружающая: из учеников, соработников, соратников и просто, скажу так, симпатизантов, еще и из коллег-администраторов, про юбилей не забыли, отчего делать было нечего, пришлось пойти на юбилей, благо, как случается, не на какой-нибудь административно-когнитивный «эшафот».

О самих «торжественных» действах я помолчу, скажу только, что прошли они замечательно: в профессиональных разговорах на приуроченном к юбилею симпозиуме, в дружеском общении коллег в неофициальной обстановке. Однако есть что надо особо отметить: состоялось ежели не торжество, то явное утверждение (или подтверждение) как собственно философии хозяйства, ее общегуманитарного, мировоззренческого значения, так и моего в философию хозяйства личного вклада, включая и возникшую по моей инициативе и моем деятельном участии современную, как принято говорить, *научную школу*, а именно **школу философии хозяйства** как органично вобравшую в себя размыслительные прорывы первооткрывателя философии хозяйства С.Н. Булгакова (1912), ставшие, увы, известными мне и современникам лишь с начала 1990-х гг., так и восприняв софиологический подход к бытию и той же философии хозяйства со стороны С.Н. Булгакова и русской софийной философии конца XIX и XX вв., развив сию софиологию, как кому ближе, до *софиасофии хозяйства* либо же до *софиологии бытия*.

Помимо ораторских обращений участников симпозиума к философско-хозяйственной проблематике возымело место и весомое к ней письменное (печатное, книжное) дополнение, аккурат из двух весьма объемных монографий: моей книги, которую я внезапно назвал при живом одобрении трудившейся над ее переводом из рукописи в компьютерный образ Н.П. Недзвецкой «Потрясающая книга»,

и столь же внезапно явившейся передо мной юбилейной книги «Познание — миссия!..», хоть и обращенной к моему творчеству, но содержащей очень много иных ценных размышлений авторов 57 статей, составивших сию книгу (готовившуюся как сюрприз, секретно от меня, Е.С. Зотовой, лабораторцами, авторами). Свою книгу я обозначил как «книгу-дивертисмент», поскольку она, создававшаяся достаточно спонтанно и прерывно, без общего плана, состоит как бы из ряда книг, однако связанных все-таки между собой единым смыслосодержательным императивом — философско-хозяйственным, софиасофским: от соответствующего сему императиву трактования известных и вновь мною вводимых понятий, а также необычных восприятия и трактовки исторического бытия Руси-России до освещения, если так можно выразиться, непростой истории-бытия собственно философии хозяйства, включая не только ее непосредственных творцов, но и вовлеченных в нее или в философско-экономическое сообщество акторов: людей, институтов, как и, разумеется, достигнутых акторами разнообразных итоговых свершений, причем вовсе не только размыслительных, но и вполне себе практических, не исключающих и жгучего социополитического контекста.

Что остается? Помимо чувства удовлетворения от выраженного в адрес философии хозяйства широкого, хотя и не массового, но зато вполне квалифицированного, признания (утверждения, подтверждения), потребно выразить, ничтоже сумняшеся, сердечную признательность ***всем, всем, всем*** причастным так или иначе к исключительно замечательному юбилейному действу — его организаторам, участникам сего многопланового действа, создателям письменных (печатных) памятников (скрижалей!), чего греха таить, и себе в таком разе тоже!

Спа-си-бо!

Главный редактор

I

Ю.М. ОСИПОВУ — 85

С.Г. КОВАЛЕВ

Философия хозяйства Ю.М. Осипова как судьба и служение*

Аннотация. В статье раскрывается диалектика личностной жизненной судьбы и судьбы страны, единство познания истины и индивидуальной жизнедеятельности. Дается иное понимание экономической науки как науки о хозяйстве. Предлагается трактовка философии хозяйства как софиасофии.

Ключевые слова: судьба, служение, жизнь, философия хозяйства.

Abstract.The article explores the dialectic of personal destiny and the fate of the country, the unity of the knowledge of truth and individual life activity. It offers a different understanding of economics as a science of economics, interpreting the philosophy of economics as a sophiosophy.

Keywords: fate, service, life, philosophy of economics.

УДК 330
ББК. 65в

Во все эпохи Россия порождает людей, пытающихся дать свое видение известных общественных явлений разных сфер жизни и их познания, будь то философия — например, русский космизм, будь то социология — например, П. Сорокин, будь то судьба России — например, Н. Бердяев, А. Зиновьев. Осмысление экономики как сферы человеческой жизнедеятельности не исключение: есть целая самобытная плеяда мыслителей рубежа XIX—XX вв. — А. Богданов, Н. Кондратьев, С. Булгаков. Рубеж XX—XXI в. потребовал нового взгляда, иного погружения в постижение явлений социальных пертурбаций по вектору Российская империя — СССР — РФ. Творче-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ковалев С.Г. Философия хозяйства Ю.М. Осипова как судьба и служение // Философия хозяйства. 2026. № 5. С. 11—21. DOI: 10.5281/zenodo.23559435.

ство Ю.М. Осипова в значительной мере восполняет пробел в постановке, возможных подходах их осмысления, решении. Выбранная им линия философско-научного взгляда на хозяйственную действительность, несомненно, и заслуга, и выбор собственной судьбы как служения истине и России. Отмечая 85-летие Юрия Михайловича, важно констатировать, что он возложил на себя очень сложную миссию — миссию познавательного осмысления и переосмысления хода исторических событий как единства человеческого бытия и человеческого познания в процессах хозяйственной жизнедеятельности. Отсюда свой самобытный, широкий подход к экономическим явлениям как триединству взаимодействия природы, человека, общества сквозь новую призму прочтения и трактовки отечественной философии хозяйства С.Н. Булгакова. Это очень сложная гносеологическая задача и очень тернистая стезя для собственной жизненной судьбы, для служения стране на гране риска недопонимания и его преодоления. Это личностный выбор и путь. Путь подвижничества, путь научного заклания, путь жертвенности — подставления головы гильотине мук творческого познания. При таком подходе к феномену самого Ю.М. Осипова можно констатировать, что в его биографии счастливо соединились наука, стезя служения, теория осмысления экономической действительности и собственная судьба жизни. А с позиции внешнего наблюдателя — науковедения и науковидения юбилейного рубежа — это вклад личности в неразрывность истории.

Не раскрывая всего многообразия идей юбиляра, констатируем и выделим два наиболее значимых момента его творчества для нашего внешнего восприятия.

1. Более прикладное — авторская теория хозяйства и более глубинное — авторская теория софиасофии.

2. С позиции пройденного уже юбиляром пути жизни важны восприятие бытия самой личности, ее жизненная колея и как освещенного судьбой бытия, и как служения.

Концепт и категория судьбы приобретают в наше время не мистическое, а общетеоретическое звучание, выходят за узкое обывательское восприятия на уровень философско-религиоведческого и секулярного осознания пути жизненного бытия, на осознание макроисторического процесса (судьба страны) и индивидуальной траектории человека (судьба личности). На уровень поиска баланса между

государственным детерминизмом и личной свободой. Является важнейшей проблемой социальной философии, культурологии. Заставляет думающих индивидов оценивать меру своей субъектности и ее реализации посредством своих целевых действий, целевого поведения. Реальная судьба — это не только божественное предназначение, индуистская карма, но и осознанный волевой выбор самого человека, в том числе по служению истине, служению обществу, служению собственному университету.

Служение — осознанная человеческая деятельность, направленная на благо других людей, общества, государства, достижение высших идеалов. Осуществляется добровольно, бескорыстно и зачастую воспринимается как внутренний долг или призвание. Деятельность не ради заработка или под внешним рабским принуждением, не как выполняемая обыденная работа, а как осознанный выбор, как ответственность, как самоценность, как желание добра и блага людям. Соответственно сформулируем и подытожим выводы из вышесказанного применительно к конкретному человеку с большой буквы О.

1. *Человеческая жизнь как единичное явление* — это момент, фантом, краткий миг в планетарном бытии — иногда оставляет значительный след в историческом процессе, вкладе в общественную науку, в ее новое прочтение, понимание, осмысление. Жизнь человека — это и его личная жизнь, и жизнь страны. А ход исторического процесса — это поток многих жизнедеятельностей людей, их творческих усилий, осознания реальности бытия, его отражения в их деятельности. Сплетение локальных судеб и созидательного творчества людей неотделимо от страновой жизни, общественных изменений, выражает квинтэссенцию исторического процесса той или иной эпохи. В истории России это эпохи перепутья. Восьмидесятипятилетие Ю.М. Осипова — это не только его личностная судьба, определенный рубеж, но это судьба, вписанная в судьбу страны, в ее иную суть и нераздельно с нею связанная. Посвятив свою жизнь служению общественной и экономической науке, Юрий Михайлович внес очень весомый вклад в ее новое прочтение, в новое осмысление ее предмета. Рубеж XX—XXI вв. — это момент «ломки» советско-российской социально-экономической науки, ее кризис восприятия про-

блем трансформации, жизни советского общества, становления нового российского общества как переходного от социалистического к капиталистическому. Расцвет и пик творчества Ю.М. Осипова пришлись на эпоху перемен, стык тысячелетий, соответственно на эпоху смены социальных, экономических, технологических, культурных укладов, мировоззрений, переоценки и поиска нового понимания жизни сменяющимися поколениями и нового восприятия цели и содержания науки.

Когда вглядываешься в жизнь и судьбу человека во всей ее многогранности, многоплановости, всегда есть соблазн рассказать биографию, выделить определенные узловые моменты в жизни и творчестве. Вся жизнь Ю.М. Осипова связана с МГУ: путь от студента, аспиранта до профессора, зам. декана по науке экономического факультета, руководителя лаборатории философии хозяйства, Центра общественных наук. Ю.М. Осипов очень многомерен как личность, но одним из ключевых, узловых моментов его жизни и творчества является обращение к переосмыслению экономической науки, ее проблематики, ее оснований, разработки иного — альтернативного существующему — ракурса, взгляда на экономическую теорию. А помимо и наряду с этим — огромная работа в области литературной, публицистической, издательской деятельности, в сфере проведения научных конференций, ведущаяся на протяжении последних четырех десятилетий, с опорой на коллектив сотрудников и единомышленников.

Выделим две отличительные черты присущие его творчеству: поиск не просто нового, но нового как иного — софиасофия хозяйства и редкое интуитивное чувство грядущего — технонейрореволюция и хаотизация в социальной жизни. Сквозь призму отмеченного остановимся более основательно на выделенной новизне, прежде всего проблематике и понимании экономической науки сквозь призму жизни и грядущего, которые навевает творчество ценимого и глубокоуважаемого Ю.М. Осипова

2. *Экономическая наука как теория хозяйства, ее смысловая особенность и онтологическое основание*. До середины XX в. упрощенно сосуществовали четыре аспекта светского восприятия мира: мир как материя (природа), мир как разум, мир как воля, мир как жизнь. И важнейшие проблемы: возникновение природного мира и

жизни, человек и его деятельность, будущее мира. В XXI в. — проблема планетарного управления миром. А в основе категориального познания — вышеназванный сонм сопряженных понятий: *жизнь, жизнедеятельность, хозяйство*. Жизнь можно трактовать как повседневность и как воспроизводство жизни, а значит, и как хозяйственную деятельность, как хозяйствование, хозяйство. А хозяйство — как экономику. Жизнь разворачивается и воспроизводится: во времени (календарном, социальном), в пространстве (очаги распространения и масштаб), в качестве самой жизни (набор, содержание процессов). Страновая жизнь общества предполагает и включает: 1) гражданское общество — естественное упорядочивание, соорганизованное воспроизводство жизни населения; 2) государственную власть — сознательную организацию упорядочивания жизни населения (общества) на основе выделения и обособления части общества в отдельно организованный слой со своими интересами, осуществляющий внешнюю регуляцию воспроизводства общества. Соответственно субъектами и носителями жизни выступают люди-индивиды: мужчины и женщины в различных жизнедеятельностных процессах, социальных ипостасях и ролях, отношениях, организованные в упорядоченные группы, образующие и создающие социальную ткань, социальную структуру и слои общества, включая различные социальные институты. Люди своей деятельностью создают хозяйство (производство благ), культуру (духовные ценности), организованные группы (коллективы по интересам — единицы гражданского общества), нормы поведения (институты), иерархию (структуры подчинения — власть), тем самым воспроизводят и индивидуальную, и страновую, и планетарную жизнь путем потребления природных ресурсов в процессах удовлетворения собственных потребностей. Страновая жизнь протекает в окружающей среде — в оболочке для жизни: геосфере, биосфере, внешней социосфере (иные страны). Помимо странового существует и планетарный уровень социального воспроизводства — это население Земли как целое, как космическая единица со своими космическим законами планетарного существования и условиями для биологической и социальной жизни и ее воспроизводства. Подход к жизни как бытийной самоценности, как деятельности по ее про-

изводству и воспроизводству более всего присущ немецкой философии — как материалистической, так и идеалистической, русской философии, философии хозяйства.

Смысл слова «жизнь» двойственен: это и жизненное бытие (онтология), и осознание бытия жизни самой живой сознательной жизнью (гносеология), это и ценности жизни (аксиология), это и прохождение бытия (философия эсхатологии). Значит, жизнь многомерна: она означает быть, воспроизводиться в процессах и через процессы жизнедеятельности и познавать данные процессы исторически (в диапазоне «прошлое, настоящее, будущее»), их осознавать, прогнозировать и их нравственно оценивать. Из вышесказанного вытекает: осмысление жизни — атрибут самой жизни. Экономическая наука в этом плане — на «стыке», двойственна: и естественная наука имеет дело с эмпирическими фактами хозяйственной деятельности во взаимодействии с природой, ее результатами; и наука о духе имеет в основе цель, смысл, оценку хозяйственной деятельности, воплощенную в материальную и духовную культуру, их толкование как личностью, так и обществом.

Обращение Ю.М. Осипова к категории хозяйства и цикл работ по данной проблематике в конце 1980-х—1990-х гг. и в начале XX столетия — это во многом интуитивный, но плодотворной шаг ученого, осознавшего смену смысловых и житейских вех, почувствовавшего человека как многомерное явление, выходящее за рамки марксистско-ленинской политической экономии («Основы теории хозяйственного механизма» [8], «Теория хозяйства [6]», «Очерки философии хозяйства» [3], «Философия хозяйства» [7], «Метафизика: код доступа…» [2]). В последние годы изданы труды «Сущее и вещее» [5] и два трехтомника: «Российское перепутье…» [4] и «Иное достояние…» [1]). В названных трудах отражен новый ракурс осмысления складывающейся реальности и ее интерпретации, современное возвращение и переосмысление идей С.Н. Булгакова, их авторское преломление к проблемам современного мира. Вскрыт целый пласт проблем экономического бытия, его многомерности и нестационарности, осуществлен выход на качественно новый уровень социального познания экономической действительности на основе автор-

ского взгляда на единство смысла и практики экономической деятельности, дано новое — иное — понимание методологии социальной науки и выражена гражданская позиция автора.

Хозяйственная деятельность является бытийным основанием и смыслом жизнедеятельности, сущностным основанием выражения практической экономики и теоретическим содержательным и мировоззренческим смыслом экономической науки. Наука отражает хозяйственную жизнедеятельность как непрерывный, целесообразный (инстинктивный либо рациональный) процесс воспроизводства жизни, как бытийную реальность и многомерный объект исследования — непрерывный переход процессов хозяйства в процессы социально воспроизводства, а также в экономику, а экономики — в хозяйство. В целом это проявление неразрывной дуальности человеческой жизнедеятельности: либо реальной, созидательной, либо фиктивной, базирующейся на ней, отрывающейся, производной, подменяющей реальную продуктивную деятельность. Для науки об экономике характерно ментальное содержательное многообразие — это и ее недостаток, и ее достоинство. Употребление термина «хозяйство» подчеркивает воспроизводственную, социальную стезю экономики, а акцент на термине «экономика» в отношении хозяйства подчеркивает, воплощает эффективность, рациональность хозяйствования и определенную его историческую эпоху.

Хозяйство — это категория материализации целенаправленной социальной воспроизводственной деятельности в житейское практическое бытие и, наоборот, воплощение практической хозяйственной деятельности в новое социальное бытие. Хозяйствование — это один из срезов воспроизводственной жизнедеятельности, это не просто деятельность по собственному воспроизводству и производству жизни путем присвоения и создания благ в системе «природа—общество», а деятельность, выходящая за пределы настоящего, задел для устремления общества в будущее, создающая особый продукт — субъекта и организационную форму социальной жизни, хозяина и хозяйство. Современная хозяйственная деятельность двойственна: имеет и производительное начало, созидательное содержание — трансформацию материи в блага, и социальное наполнение, содержание — извлечение денежного дохода от деятельности в обществе по критериям экономической целесообразности: а) экономии

времени как в физическом, так и в денежном выражении (снижение издержек, скорость оборота средств), т. е. принцип: меньше денежных затрат — больший денежный доход; б) первичность дохода, а не жизни, доход, его извлечение — самоцель, а производство реальных благ — вторичная цель; и также имеет и сознательное конструктивное наполнение. А, кроме того, имеет целью и овладение властью в обществе и над обществом путем контроля над экономической деятельностью и ее результатами, в том числе путем контроля над денежными потоками — биметаллическими, фиатными (бумажными), электронными (цифровыми). Тем самым налицо трансформация экономических ценностей в новые, социальные, замена ими традиционных. А по закону обратных связей — навязывание этих новых социальных ценностей остаточному традиционном хозяйству. В современном обществе доход приносят не только (и не столько) произведенные реальные блага, но также и социальные блага, искусственно конструируемые и востребованные обществом — как действительные, так и мнимые, в том числе и симулякры благ, разрушающие общество. Соответственно экономика — это не только часть воспроизводства жизни на основе хозяйственной деятельности, ведения хозяйства, но и современный критерий оценки социально-хозяйственной деятельности, ее современной цели — успешности (либо неуспешности) жизни индивидуумов. А в ней, в терминологии Ю.М. Осипова, все более весомую роль играет не реальная экономика, а ее современный капиталистический, олигополистический производственно-банковский транснациональный суррогат — финансомика.

3. *Хозяйственное жизнеотправление и софиасофия как иное понимание экономического исследования*. Адекватное восприятие жизни, экономической жизнедеятельности неодномерно, ее картины отражения человеческим сознанием разнятся. Во-первых, сама по себе жизнь — сложный феномен, во-вторых, возможно не только сугубо научное восприятие, но и более сложная познавательная траектория, рефлексия, например, в парадигме софиософии хозяйства Ю.М. Осипова — углубление и расширение проблематики экономической науки, ее иная трактовка — раскрытие человеческого хозяйствования не как экономики, а как софийного Замысла Творца и его

реализация в человеческой жизни как жизнеотправление самого человека (от его первичного небытия до его постбытия) и осознания «данной данности» им самим. Как следствие, иное восприятие, понимание науки о хозяйственной деятельности, важность разработки альтернативного взгляда, несводимого к существующей экономической теории, к ее методологии (восприятию земной жизни как сугубо рациональной экономической деятельности по удовлетворению потребностей в условиях ограниченных ресурсов), а выявление нового ракурса. Формирование на этой основе мировоззренческого космическо-философского осознания и осмысления хозяйственной деятельности, судьбы и проблем России. В эссе «Философия хозяйства как уникальный феномен российской и мировой гуманитарной мысли: что, где, когда?» [1, 652] Ю.М. Осиповым выражено понимание философии хозяйства, ее методологии — полиалектического метода и софиасофии. Всего 15 пунктов, но каких! В них речь идет о философии хозяйства как параллельной, независимой от мировой отечественной мысли — смысловой, понимающей парадигме (в западной науке есть подход — философия экономики, но в нем взгляд с позиции позитивизма), парадигме осознания, что на явления хозяйственной деятельностной действительности нужно смотреть шире, глубже и не только с научно-позитивистской и материалистической парадигмальной позиции, но и с позиции Вселенной, с позиции единого Разума — Разума Творца, неважно в какой ипостаси он нисходит: то ли Замысла Божьего, то ли разума человеческого, то ли вселенского. Важно, что Разум проявляется и замыслы надо осознавать, отсюда понимание философии хозяйства как знания-размышления о мире, как откровения, но не только от мира сего… отсюда и развитие содержания философии хозяйства — уже и не хозяйство, и не наука, и не философия, и не софия, а все вместе — София Софийности — софиасофия, мудрость мудрости — и земной, и иной. Налицо *иное* иного в жизни, в человеке и его жизнедеятельности, а соответственно иная природа хозяйственного знания — оно более синтезированное, не только научное. А экономическая наука, теория — лишь искривленный зеркальный фрагмент, фрактал в человеческом осознании бытия мира и собственного хозяйственного бытия по линии от неве-

домого знания к ведаемому человеческому знанию. Отсюда и проблемы грядущего — будущего: судьбы человека, судьбы России, смены эпох под воздействием технологического развития.

4. *Технонейрореволюция как продукт социально-хозяйственной жизнедеятельности, отрицающий ныне существующий, традиционный тип человечества*. Общество вступает не просто в новую, но в иную эпоху своего бытия, эпоху собственного социально-биологического конструирования как симбиоза естественного человеческого и машинного интеллекта. Куда заведет данный путь, пока неясно, но сама постановка и обсуждение траектории возможного грядущего не просто правомерна, но и сверхзначима. В этом плане можно по-разному воспринимать идеи Ю.М. Осипова о новой техноэпохе и судьбе человечества, о смене эпох через хаотизацию, но можно попытаться разобраться, осознать: «А что грядет, какие изменения, что они означают для человека, для РФ?». Для РФ это, прежде всего, изменения в народнохозяйственном комплексе под воздействием новой НТР — нано-, нейротехнореволюции, на важность которой для развития РФ и обращает внимание Юрий Михайлович.

Подводя итоги вышеизложенному и поздравляя автора в знаменательный день его жизни, нужно пожелать оставаться по-прежнему таким же многомерным, граждански ориентированным, нацеленным на осознание нового, научно востребованным обществом светлым человеком, сохранять творческий потенциал как можно дольше, передавая обаяние и энергетику своей личности всем окружающим людям, в том числе и молодежи.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Иное достояние: собрание превентивных текстов от политэкономии к философии хозяйства, от софиологии к софиасофии: В 3 т. Т. 3. М.; Тамбов: ИД «Державинский», 2025.

2. *Осипов Ю.М.* Метафизика. Код доступа о потаенной реальности и возможности ее постижения. М.: ТЕИС, 2019.

3. *Осипов Ю.М.* Очерки философии хозяйства. М.: Юристъ, 2000.

4. *Осипов Ю.М.* Российское перепутье: из века двадцатого в век двадцать первый. 1990—2023: избранные тексты, включая и остросюжетные: В 3 т. М.; Тамбов: ИД «Державинский», 2024.

5. *Осипов Ю.М.* Сущее и Вещее: собрание актуальных текстов. 2022—2024. М.; Тамбов: ИД «Тамбов», 2024.

6. *Осипов Ю.М.* Теория хозяйства: В 3 т. М.: Изд-во МГУ, ТЕИС, 1995.

7. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства: В 2 кн. М.: Юристъ, 2001.

8. *Осипов Ю.М.* Основы теории хозяйственного механизма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.

References

1. *Osipov YU.M.* Inoe dostoyanie: sobranie preventivnyh tekstov ot politekonomii k filosofii hozyajstva, ot sofiologii k sofiasofii: V 3 t. T. 3. M.; Tambov: ID «Derzhavinskij», 2025.

2. *Osipov YU.M.* Metafizika. Kod dostupa o potaennoj real'nosti i vozmozhnosti ee postizheniya. M.: TEIS, 2019.

3. *Osipov YU.M.* Ocherki filosofii hozyajstva. M.: YUrist", 2000.

4. *Osipov YU.M.* Rossijskoe pereput'e: iz veka dvadcatogo v vek dvadcat' pervyj. 1990—2023: izbrannye teksty, vklyuchaya i ostrosyuzhetnye: V 3 t. M.; Tambov: ID «Derzhavinskij», 2024.

5. *Osipov YU.M.* Sushchee i Veshchee: sobranie aktual'nyh tekstov. 2022—2024. M.; Tambov: ID «Tambov», 2024.

6. *Osipov YU.M.* Teoriya hozyajstva: V 3 t. M.: Izd-vo MGU, TEIS, 1995.

7. *Osipov YU.M.* Filosofiya hozyajstva: V 2 kn. M.: YUrist", 2001.

8. *Osipov YU.M.* Osnovy teorii hozyajstvennogo mekhanizma. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1994.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Гуманитарная парадигма русского духа в творчестве Ю.М. Осипова*

Аннотация. Выделено семь аспектов гуманитарной парадигмы русского духа в творчестве Ю.М. Осипова. Ученый превратил идею хозяйства в новую продуктивную силу мысли; создал новую метафизику — софиасофию; разработал новую форму диалектики — софиалектику (полиалектику); создал новый тип русского гуманитарного языка; развернул институциональную властную структуру русского духа; обосновал статус русского духа как утешителя бытия. Выявлен апофатический смысл творчества Ю.М. Осипова.

Ключевые слова: творчество, Россия, русский дух, Ю.М. Осипов.

Abstract. Seven aspects of the humanitarian paradigm of the Russian Spirit in the work of Yu.M. Osipov are singled out. The scientist turned the idea of economy into a new productive force of thought. He created a new metaphysics — sophiasophy. He developed a new form of dialectics — sophalectics (polyalectics). He created a new type of Russian humanitarian language. He developed the institutional power structure of the Russian Spirit. The status of the Russian Spirit as a comforter of being is substantiated.

Keywords: creativity, Russia, Russian Spirit, Yu.M. Osipov.

УДК 111
ББК 65в

Многогранное, во многом таинственное и непостижимое творчество выдающегося мыслителя, ученого Ю.М. Осипова наиболее адекватно нужно трактовать в контексте и посредством русского духа.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шулевский Н.Б. Гуманитарная парадигма русского духа в творчестве Ю.М. Осипова // Философия хозяйства. 2026. № 5. С. 22—30. DOI: 0.5281/zenodo.23559486.

Дух представляет наивысшую, предельную, интегративную категорию мысли, выражая онтологическую и смысловую целостность мироздания, бытия-истории, человека, понятия. А потому лишь глаголам духа доступно субстанциальное содержание вещей, идей, мыслей, личности.

Если искать наиболее краткое выражение смыслового глагола Библии, то мы неизбежно примем трехсловную когнитивную формулу апостола Павла: «Духа не угашайте!» (1 Фес. 5: 19).

Именно дух зажигает пламя веры, охраняет ее свечу, превращает ее в жизненную силу. Сохранить дух — значит сохранить веру, жизнь и смысл, а при потере духа и сам Христос не поможет!

Если условно обобщить религиозные, художественные, моральные и философские представления о духе, то можно выделить в его организме семь органов, семь причин и функций, семь источников и составных частей.

Во-первых, дух представляет деятельную, продуктивную, производящую, творящую силу, порождающую бытие, его предметное и когнитивное многообразие, отвечая на вопрос: *что есть, что было и что будет*. А есть и будет дело-делание, творческий акт, превращающий ничто в содержание бытия.

Во-вторых, дух представляет когнитивную силу познания, утверждая, что изначально все творится в мысли и посредством ее высшего знания — истины. На вопрос «Чем творится?» дух отвечает: мыслью и знанием.

В-третьих, дух представляет методологию, метод делания, познания, выражения в слове, образах, символах, алгоритмах и законах мысли. Основным методом духа является целостная диалектика, изучающая моноречия ничто, переходящие в противоречия бытия, переходящие в единоречия самообновления, самоумножения вечности. На вопрос «Как творится?» дух отвечает: посредством и в контексте цельной диалектики.

В-четвертых, дух представляет высшую власть, власть над мирскими властями и начальствами. На вопрос «Зачем, для чего существует бытие, порождается знание, работает диалектика?» дух отвечает: для установления власти вечной жизни, живого бытия, подчиняющего, преобразующего отрицания, смерть в продуктивные, обновляющие силы вечности. И эту высшую власть дух осуществляет

посредством диалектических институтов Логоса, который представляет законодательное начало мира, мысли, жизни, возлагая исполнительные и судебные начала на разум и диалектику.

В-пятых, дух является создателем и воплощением логоса, слова, языка.

В-шестых, дух является единственным утешителем, источником радости в мире бед и скорбей. «Утешитель же, Дух Святый, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам» (Ин. 14: 26).

В-седьмых, дух воплощает апофатику мироздания, нераскрываемую загадку и тайну бытия, превращая свою неизвестность в плодоносящее начало жизни и мысли.

Имеет дух еще и другие орудия действия, в частности, он использует бессознательное и безумие в качестве своих почтовых лошадей, доставляющих послания узникам смерти, но для оценки творчества и деяний Ю.М. Осипова выделенных аспектов в первом приближении достаточно.

Ю.М. Осипов — яркий представитель, выразитель и деятель русского духа, обогативший все его основные проявления новым субстанциальным содержанием.

Во-первых, Ю.М. Осипов воссоздал и развил открытую С.Н. Булгаковым философию хозяйства, которая представляет новую продуктивную силу мысли и бытия.

Хозяйство представляет более широкий и высокий горизонт мысли, практики, чем экономика. Хозяйство опирается на большой и малый социальный домострой, ищет и утверждает единоречия противоположных сил, сторон, факторов жизнедеятельности человека. Экономика же живет противоречиями прибыли-убыли, ищет балансы, но с выгодой, с креном в сторону прибыли, оставляя без адекватных умственных и онтологических реакций рост деструктивной и необратимой убыли природы, человечности, осмысленности жизни. В своих отдельных тактических операциях и построениях экономика демонстрирует высокую эффективность, однако в стратегическом плане она представляет деструктивную форму жизнедеятельности, выстраивая региональные и глобальные финансовые пузыри и

башни. Экономика понимает тщетность и опасность своих финансовых конструкций, но не строить их она не может, подчиняясь какому-то темному антижизненному владыке.

Философская и хозяйственная защита Ю.М. Осиповым коренных жизненных интересов русского духа стала порывом — и прорывом в мир традиционных ценностей бытия-истории, превратилась в полигибридную производительную силу мысли, социального бытия, работая на интеллектуальный и реальный суверенитет России.

Во-вторых, Ю.М. Осипов создал уникальную философскую и метафизическую парадигму (концептуальную программу) познания, названную им софиасофией. Эта программа представляет когнитивное пространство, в котором осуществляются взаимодействия, откровения, отражения объективной истины Софии Премудрости Божией и субъективных познавательных сил человека, формируется гносеологическая целостность русского духа, охватывающая его логические, интуитивные, чувственные, эмоциональные, символические, волевые, художественные силы.

Познание вещей неизбежно завершается познанием познающих сил самого познания, становится гносеологией (эпистемологией, когнитологией). Мыслящее познание вещей неизбежно завершается познанием законов самой мысли и становится логикой, логическим познанием. Метафизическое исследование оснований знания, культуры, гуманитарных ценностей неизбежно завершается исследованием оснований самой метафизики и становится софиасофией, исследованием статуса всех реалий бытия в идеальном мире, в сакральном мире Софии Премудрости Божией. Софиасофские штудии Ю.М. Осипова исполняют когнитивный и смысловой долг русского духа перед абсолютным духом мироздания.

В-третьих, Ю.М. Осипов создал новую методологию познания и мышления, соответствующую задачам и целям русского духа по обустройству общего дома народов России. Есть методы монолектики (монизма), объясняющие предметный мир бытия и мысли посредством и в контексте одного начала (субстанции). Есть метод диалектики, объясняющий динамику и развитие мира посредством противоборства и единства двух начал, противоречий. Та же диалектика, развивающая объяснительный принцип до уровня троичной структуры (тезис — антитезис — синтез), становится триалектикой.

Ю.М. Осипов развил диалектику до уровня полилектики и софиалектики. Полилектика рассматривает вещи как некие светила, испускающие лучи вовне и внутрь, и синтез этих лучевых сторон-посланий определяет качество исследований. Софиалектика развивает полилектику до высшего уровня, на котором противоборства противоположных сторон противоречий работают на укрепление их единства, их целостной структуры, действующей посредством глаголов их единоречий. Софиалектические исследования Ю.М. Осипова представляют единственный и уникальный опыт диалектического развития самой диалектики после Гегеля, Маркса, Ленина, Лифшица, Ильенкова.

В-четвертых, Ю.М. Осипов создал малую властную модель русского духа. Центр общественных наук при МГУ (Научный совет «Центр общественных наук МГУ»), журнал «Философия хозяйства» представляют малый институциональный властный субъект русского духа, осуществляющий всю полноту полномочий его идеального мира. Власть эта не директивная, не прямая, а дирижистская, опирающаяся на высокий профессионализм и моральные качества ученых и мыслителей, добровольно взявших на себя труднейший долг — стать слугами, подчиненными, соработниками русского духа. И эта власть проявляет себя не только в России, но и за ее пределами.

В-пятых, исключительно важным проявлением и деянием русского духа стал язык, созданный Ю.М. Осиповым для выражения его миротворной программы, его основных интенций. Кажется, что этот язык наш мыслитель получил в дар от русского духа и бережно сохранил, освятил его для блага людей России. Язык Ю.М. Осипова органично, на уровне корневых смыслов сочетает в себе художественные, логические, символические, архаические и неологические новациии, напоминая своей семантикой, синтаксисом, орфографией первоначальный ведический язык России. В его языке живет невероятная мощь, напоминающая архитектуру монастырей. Он преисполнен смысловой символикой, требующей вдумывания, вчитывания, весь уходя своими значениями в почву, в глубину, в корни, выражая их мысли о поверхностном мире. Этот язык неотразимо доказывает, что мысль Ю.М. Осипова стала жрецом, воином и чернокнижным пахарем русского духа.

В-шестых, духовное творчество Ю.М. Осипова представляет величайшее утешение мыслящим людям России, всем ее когнитивным монадам, давая им в распоряжение непостижимые тексты. Наконец-то русская мысль, философия создала концептуальные построения, которые сложно, трудно, да, пожалуй, вообще невозможно понять. А признаком подлинной, вечной философии является наличие в ней непонятного, непостижимого, непознаваемого ядра. И мысль, кружа вокруг этого ядра, только и может порождать новые идеи, смыслы, контексты, контенты, пробуждаясь к настоящей творческой жизни.

Наличие непонятности радует, утешает мысль и разум, ибо для них в известном пользы нет, им лишь одно неведомое нужно. Непонятное — абразив, о который мысль затачивает свое смысловое острие. Радует, утешает жизнь непонятное, даря надежды благие… В творчестве Ю.М. Осипова содержится немало непонятностей («непоняток»): Иное, софиасофия, софиалектика, полилектика… В этом плане наш ученый исполняет христианский долг перед мыслью. Христос обещал приход духа, который станет Утешителем, источником радостной жизни.

И творчество Ю.М. Осипова своей непонятностью дарит утешение, излучает неописуемую радость. И великая миссия ученого состоит в том, чтобы умножать непонятность ядра *русского духа*, защищать его от мнимых пониманий. Труды Ю.М. Осипова представляют творческую непонятность русского духа, который является единственным утешителем человека в мире рыночного монотеизма, определяя истину Лица человеческого.

Жизненная программа русского духа, не признающая разделения на господ и рабов, изначально была основным и нетерпимым врагом всех региональных и глобальных Кощеев. Уже в древнерусском фольклоре Кощею Бессмертному (?!) было невыносимо дурно, опасно просто из-за того, что существует русский дух. И даже бессмертие не утешало его, а становилось для него ядом просто оттого, что он знал о существовании русского духа. Видимо, могучий чародей чувствовал, что в русском духе сокрыта некая другая программа — подлинного, а не виртуального бессмертия.

З. Бзежинский, продолжающий традиции кощеевской русофобии в «евриканском» мире XXI в., заявил, что новый глобальный миропорядок будет установлен против России, за счет России и на ее руинах. Но для разорения России нужно прежде всего сокрушить русский дух. И на эту информационную войну против нее работает вся безумная рать рыночного глобализма.

В-седьмых, Ю.М. Осипов создал для русского духа несокрушимую крепость ИНОГО. Русский дух, как и сакральный дух, неуязвим для любых врагов, будучи укрытым в несокрушимой крепости Иного, среди его неведомых и неизвестных войск. Сакральный «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит» (Ин. 3: 8). И русский дух дышит, где хочет, и никто не знает, откуда он приходит и куда он идет и уходит. И Русь-Россия бытует, укрываясь в этом незнании как от врагов, так и от себя, оставаясь неизвестной, а потому и непобедимой, ибо невозможно победить тайну незнания.

Глубоко и точно апофатическую суть России постиг Ю.М. Осипов: «Понять Россию ни пытливым умом, ни изощренной ученостью, ни изящной словесностью невозможно, ибо Россия не предназначена для понимания даже самой себя, а предназначена как раз для непонимания, прежде всего самой же себя» (цит. по: [1, 9]). И вот это понимание России как непознаваемого феномена, служащего источником знания, постижение России как тайны даже для самой себя, представлено лишь в русском духе.

Сама Россия есть особый гнозис, для которого познание есть продолжение Божьего творения, есть зачатие и создание на его основе нового мира с новыми возможностями жизни, смерти… тоже. В то же время русскость — есть идея, неведомый гнозис, содержащий в себе программу исследовательского развертывания русского бытия в назначенные времена.

Русская идея — это не человеческое творение, а та неведомая сила духа, которая посредством истории, разума, безумия и мистики творит Россию с ее парадоксами, проблемами, трагедиями, войнами, страданиями, достижениями. Знание говорит: делай то-то и так-то, а тайная Идея требует, чтобы субъект сказал самому себе: «Будь!», т. е. вершил акты духовного творения реальности. И творчество Ю.М. Осипова тоже подчинено закону русского духа: никто не знает,

где и как оно родилось, откуда оно идет и куда оно нацелено. В нем представлено чудо непонимания, обильно взращивающее плоды понимающего знания. Разработка Ю.М. Осиповым апофатического концепта *непознаваемости* важна в позитивном плане, так как русский ум, осваивая непознаваемое, превращая тайну в когнитивное средство, черпает из неизвестности смысловое сырье, энергию, алгоритмы решений проблем. Поэтому русский разум всегда устремлен к целям, осуществление которых лежит за пределами бытия-истории, в царстве творческих инициатив духа.

Творчество Ю.М. Осипова направлено на защиту интеллектуального и информационного суверенитета российской гуманитарной мысли и науки. Творчество этого таинственного, непонятного и непонятого мыслителя кричит всем нам: «Есть, есть у России свои собственные гуманитарные идеи и мысли, которые нужно осознавать, использовать в качестве орудий самосохранения страны и человечности!».

И в заключение поэтическое напутствие русского духа:

Того, что сделано, неясен мне исход.
Но Что-то сделано, я это твердо знаю.
И стоит только отвернуть свой взор,
Как мысли снова за делами прибегают.
А раз есть мысли, то за ними появятся и люди, ищущие их.
Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.

Философами, мудрецами являются лишь те мыслители, которые находят непознаваемое, непонятное и непонимаемое нечто, которое предназначено именно для сохранения своей непонятности, таинственности, а не для ее раскрытия и понимания. А пределом непознаваемого и непонятного служит незнание. И обретение знания о незнании, выявление критериев отличия знаемого от незнаемого составляют муки и восторги победоносной мысли, извлекающей от контакта с незнанием свои смысловые глаголы. Сократ утверждал, что он знает лишь то, что ничего не знает. Но в рабочем общении с этим «ничегонезнанием» он создал первую модель целостной и

субъективной диалектики. Гегель полагал, что лишь диалектика является смысловым орудием, посредством которого разум затачивает свои познавательные и логические глаголы, порождающие знания и понятие.

Но именно отчаянные штурмы мысли и сознания этих непознаваемых и непонятных редутов позволяют этим идеальным силам максимально реализовать свои возможности, порождать новые глубинные и возвышенные мысли и знания. Чем тверже и неприступней абразив, тем лучше и быстрее затачивается смысловое лезвие умаразума. Чем темнее ночь, тем ярче восход солнца.

Ю.М. Осипова нужно благодарить не только за то, что он сделал многие гуманитарные реалии более ясными и понятными: этого у него не отнять. Он не только зажег новые смысловые свечи, но и открыл, разработал смысловой рудник Незнания, в котором рождаются сами свечи познания и понимания, ждущие сегодня своих факельщиков. Его мысль обогащает тайну незнания, которое служит материалом, сырьем знания и практических решений. Ю.М. Осипов взращивает НЕТ русскому отчаянию, из которого вырастают ДА надежды для всех. Понятное, известное несет заботы и беды, а непонятное дарит надежды.

Литература

1. Предназначение. К 80-летию Ю.М. Осипова / Под ред. Е.С. Зотовой М.: ТЕИС, 2021. 400 с.

References

1. Prednaznachenie. K 80-letiyu YU.M. Osipova / Pod red. E.S. Zotovoj M.: TEIS, 2021. 400 s.

В.В. ЧЕКМАРЕВ, Г.А. ГУБИН

Вершина культурно-исторического синтеза (заметки о феномене Ю.М. Осипова)*

Аннотация. Предлагаются размышления о феномене выдающегося ученого Ю.М. Осипова, его научной школе философии хозяйства, личности мыслителя.

Ключевые слова: Ю.М. Осипов, философия хозяйства, софиасофия, Иное.

Abstract. Reflections on the phenomenon of the outstanding scientist Yu.M. are offered. Osipov, his scientific school of philosophy of economy, personality of the thinker.

Keywords: Yu.M. Osipov, philosophy of economy, sophiasophy, Another.

УДК 330
ББК 65в

В юбилейный сентябрь, когда каждый день как научный праздник, позволим себе высказать восхищение от общения с Ю.М. Осиповым, а также подчеркнуть, что лаборатория философии хозяйства оживляет пустоту *реальной экономики*. Раскрасим моральный ландшафт общения с ученым важными штрихами.

Приступая к портрету Ю.М. Осипова, на наш взгляд, основное — понимание его как основателя потребности желания жить. Профессор Осипов не только *Иной*… Он повелитель *грез*! С ним хорошо дышится. Он ***кудесник***, зовущий за край света. Он помогает нам любить быть человеком, перестать быть наблюдателем и не страдать декартизмом[1].

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Чекмарев В.В., Губин Г.А. Вершина культурно-исторического синтеза (заметки о феномене Ю.М. Осипова) // Философия хозяйства. 2026. № 5. С. 31—38. DOI: 10.5281/zenodo.23559542.

[1] Декартизм научной мысли — это забывание и исчезновение из памяти человечества фундаментальных работ.

Подчеркнем творческую смелость профессора Ю.М. Осипова. Ему, знакомому с работами М. Вебера «Хозяйство и общество» [2] и С.Н. Булгакова «Философия хозяйства» [1], удалось пойти дальше них и создать концепцию философии хозяйства, суть которой в значительной мере отличается от работ указанных авторов. Так он стал *Иным*, и таким он далее пошел в *Иное*.

Осипов не дает осуществиться *разрыву времени*. Обращаясь к молодым читателям трудов по философии хозяйства, не пытается сделать их патриотами через цифровизацию или через превращение молодых в *квалифицированных потребителей русской культуры*. Он просто держит планку национальных традиций. По Осипову, патриотизм — это человечность!

Осипов всегда обращен в будущее. Читать его непросто, ибо он вдохновляет думать. Можно сказать, что это его миссия. Во многом Юрий Михайлович представляет собой человека для подражания. Поэтому философию хозяйства можно рассматривать как философию *ненасильственного* развития. Философия хозяйства воплощает *образ мышления*. С одной стороны, непосредственность и прямота, а с другой — бережливая экономность в отношении языковых средств, когда каждое слово несет смысловую и эмоциональную нагрузку. Осипов прекрасно владеет искусством выстраивать свою мысль, речевыми характеристиками и лексическим своеобразием. Его тексты превосходят по своей силе известные толстые романы. У него яркий и своеобразный талант создавать нехудожественые произведения, обладающие большой художественной силой. Осипов многогранен, и его книги — это настоящий пир для эмоционально мыслящего читателя. Он толкает нас к разгадыванию *тайны* хозяйственной деятельности через понимание ее природы. Он как бы *слышит* тренды будущего. Философия хозяйства сама по себе есть ресурсосбережение того, что природа дала людям, ибо она удовлетворяет не материальные потребности, а духовные.

Осипов всем своим жизненным укладом практически продемонстрировал разницу между *пользой* и *выгодой*. В экономической науке есть теория полезности, но нет термина «*польза*». В экономических словарях это слово вообще отсутствует — есть лишь термин «*полезность*». В экономических словарях смысловую нагрузку понятия «*выгода*» заменяют понятием «*экономические интересы*». Но

«*выгода*», «*польза*» и «*экономический интерес*» не являются синонимичными понятиями.

Осипов в качестве фундамента своей морали принимает пользу как *принцип* наибольшего участия. А счастье — и есть благо для каждого индивида. И лучше быть недовольным человеком, чем довольным глупцом[2].

Осипов *предлагает* обозначить свои «дорожные знаки» за *других*.

Будут ли они полезны другим? Выведут ли на *правильную дорогу*?

Есть о чем поразмышлять и с чем поспорить.

Как бы в продолжение линии Осипова, наша землячка — костромская поэтесса Василиса Ковалева — написала стихотворение «Игра» [5], выдержку из которого приведем далее.

Думаешь, что сам ходы продумываешь,
Сюжет придумываешь,
о будущем думаешь,
А на самом деле все запрограммировано,
Давно известно,
Математически выверено,
Практически отсканировано
И пресно.
И как ни относись к этой теме,
Друг, — это жизнь в системе…

И если ты в жизни
составляешь свои схемы,
Делаешь новое, выпадаешь из системы,
Оставь им свои дорожные знаки,
Чтобы не сбились с пути,
не загрызли собаки,
И не сбылись сюжеты трагикартин.
Друг, ты будешь в дороге уже не один.

[2] Более подробно см.: [6].

Сформулируем несколько тезисов о философии хозяйства.

1. Философия хозяйства как боголюбие и предтеча новой методологии экономической науки. А экономическую науку можно рассматривать как теорию хозяйственной деятельности человека на пути к наиболее *объективному* пониманию деятельности. Вопрос: какова же потребительная стоимость философии хозяйства?

2. Осипов обладает сам (и побуждает других) *искусством памяти* (примером служит его обращение с «Философией хозяйства» С.Н. Булгакова). Как тут не вспомнить высказывание о том, что «культура — это мера человеческого в человеке»…

3. Философия хозяйства — это там, где ясно. Тогда как софиасофия философии хозяйства — это там, где неясно.

Заметим, что Осипов при осмыслении будущего философии хозяйства не использует новомодный форсайт, т. е. не придумывает образы будущего и не конструирует методы их воплощения. Он сам — форсайт, он как бы подталкивает действительность саму к себе. И в этом его *запредельная сила*. *Творческая сила*.

У Осипова философия хозяйства — это любовь к мудрости, монолектика, диалектика, триалектика, а в целом — полиалектика… И в этом — богология философии хозяйства, софиасофия философии постхозяйства. Философия хозяйства не ограничивается анализом производства-потребления благ, а находится в мировоззренческом пространстве души и хозяйства — творить любовь к жизни. Исходя из философии хозяйства труд и капитал не находятся в отношениях рабовладельца и раба, возникает как бы новая социофилософия, где капитал выступает как колонизатор. В новой системе отношений фактором производства становится образ жизни (псевдосвобода), а ресурсом — информация.

Философию хозяйства можно осмыслить как тип мировоззрения. Оттесняя и разрушая прежнее отношение человека к окружающей его действительности, философия хозяйства способствует формированию любви к мудрости, другими словами, веры в будущее.

Контуры *разума* не определяются рациональностью, рассудком, мудростью (по Осипову), не связаны с представлением об общем и существующем с необходимостью и тем отличаются от рассудительности, имеющей прагматическую значимость. Мудрость фи-

лософии хозяйства — это ступень познания чувств. И в этом *интуитивное* познание, опирающееся на веру в будущее как *всеобщую целесоообразность*.

Особо подчеркнем, что философия хозяйства — это инструмент формирования нового экономического уклада, это модель наукоемкого развития. Но Ю.М. Осипов — это не С.Ю. Глазьев, он Иной. *Колея* (по В. Высоцкому) у *Иного* (Ю.М. Осипова) своя.

Поделимся с читателями подробностями нашего восприятия кудесника Осипова в связи с представлением о философии хозяйства как об авторском неорационализме (духовном рационализме)[3].

Заметим, что создатель концепции философии хозяйства к ней никого «не припрягал», хотя и основал Академию философии хозяйства. Но с ее помощью нигде облав *не проводил*. Однако для людей, которые пока существуют в приемлемой для жизни среде, философия хозяйства стала частью этой среды. Потому что философия хозяйства — это образ будущего, горизонтов категории «радость бытия», надежды жить в веках…

Ю.М. Осипов — почетный профессор наших душ. За общение с написанным им он всем нам платит *любовями*. За это мы и числим философию хозяйства среди наук как науку мудрости, разрушающую «колониальное наследие» ЕГЭ и Болонского процесса и его анестезию. Философия хозяйства — это энергетическое обеспечение работы нашего мозга, а не функционирование ИИ.

Осипов не просто *Иной*, он тиховейный, прозрачно звучащий в душе.

С ним времени скользкое блюдо
Всегда выпадает из рук,
Но слышится голос и звук.
Когда же сметаешь осколки,
То видишь, как слово «хозяйство»
Колюче застряло в окне.

Иногда просто сидишь у окна — и ждешь телефонного звонка… Или пинка «оттуда»… Но пока мы веруем в Осипова, нет ни беды, ни чуда. И будем прикасаться губами к острому кончику

[3] Подробнее см.: [3].

ножа сочинений о философии хозяйства. И неизвестно, чем это закончится! Ведь Осипов — это рентген душ, но пока об этом он ничего не расскажет.

Мы являемся членами консорциума Ю.М. Осипова. Консорциум (по Л.Н. Гумилеву) состоит из личностей общества, схожих по своим представлениям, направленным в будущее. Наша фантропия[4] заставляет нас спросить самих себя: а несет ли Осипов сегодня свой крест, не сдулся ли, не изменил ли силе своего духа? Определенно нет! Ведь Осипов обладает несколькими способами видеть мир системным, т. е. обладает системным мышлением. А критическое применение — это его фильтр. Все вместе составляет его самостоятельный тип мышления. Самостоятельный тип мышления характеризуется наличием души → воли → духа. Структурные части души — это воля и честь, при этом воля — это качество духа (вспомним народные выражения: безвольный, волевой, испустил дух, доброй души человек). Ю.М. Осипов представляет собой человека с открытой душой. Может, потому мы к нему и тянемся. Ведь душа — это биологическая энергия человека. Автора учения философии хозяйства следует именовать Кудесником в силу наличия двух безусловно взаимосвязанных редких черт личности: искренности и бесстрашия.

Запретных тем, «белых пятен» и «черных дыр» для Осипова принципиально не существует. А все, что по каким-то соображениям считается или признается таковыми, подтверждается процедурой исследования по вполне верифицированной методологии «анализ — синтез — прогноз» на основе веских, обширно и непрерывно пополняемых объемов его знаний.

Будут ли в будущем (лет через 30—50) такие философы, как Осипов? Скорее всего таких, как Осипов, уже и не будет. Он такой единственный, неповторимый. Его тексты не являются бессмысленным философствованием (философским лабиринтом) о современных проблемах — в этом *сила* Иного. Осипова читают не ради сюжета, а для беседы с ним на расстоянии.

Целью этих заметок было раскрыть матрицу ценностей и универсальности профессора Ю.М. Осипова и показать, что его мудрость — это ум, настоянный на совести. Мы постарались обосновать,

---

[4] Фантропия — мнимый образ чаемых (т. е. небывалых, но привлекательно-возможных) укладов бытия (подробнее см.: [4, 36—40]).

что знание философии хозяйства не является абсолютным, но является в некотором смысле «молоком» знания, передаваемым школой философии хозяйства, накопившей опыт поколений ученого сообщества. Философия хозяйства Ю.М. Осипова — это знание наше о нашем миропорядке и о роли и месте человека в вечности.

Подчеркнем, что труды профессора Осипова — это письма в будущее. Да хранит судьба крепкодушного русича!

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.
2. *Вебер М.* Хозяйство и общество: В 4 т. М.: ИД Высшей школы экономики, 2016—2021.
3. *Воин А.М.* Неорационализм — духовный рационализм. Изд. 2-е. М.: Директ-Медиа, 2014.
4. *Захаров В.К.* Основы социоментология // Методология современной психологии. Ярославль: ЯрГУ, 2020.
5. *Ковалева В.* Игра: URL: vk.ru>wall-151948002_67871 (дата обращения 05.09.2026).
6. *Скаржинская Е.М.* Исследование системы экономических отношений методами топологического моделирования // Проблемы новой политэкономии. 1999. № 2. С. 19—25.

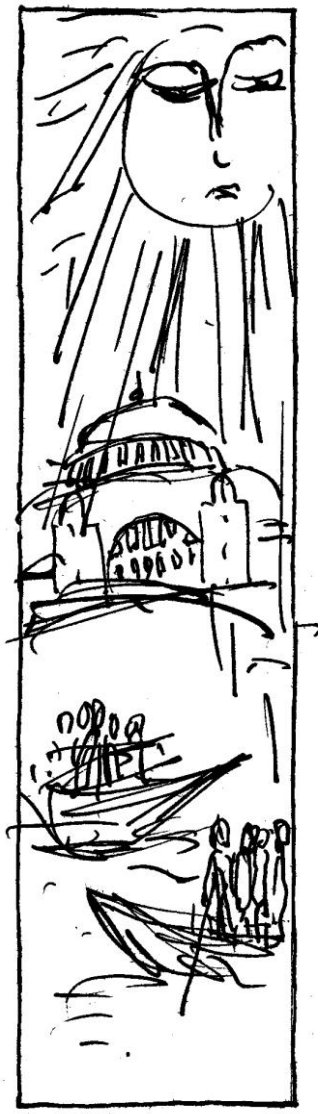
References

1. *Bulgakov S.N.* Filosofiya hozyajstva. M.: Institut russkoj civilizacii, 2009. 464 s.
2. *Veber M.* Hozyajstvo i obshchestvo: V 4 t. M.: ID Vysshej shkoly ekonomiki, 2016—2021.
3. *Voin A.M.* Neoracionalizm — duhovnyj racionalizm. Izd. 2-e. M.: Direkt-Media, 2014.
4. *Zaharov V.K.* Osnovy sociomentologiya // Metodologiya sovremennoj psihologii. YAroslavl': YArGU, 2020.
5. *Kovaleva V.* Igra: URL: vk.ru>wall-151948002_67871 (data obrashcheniya 05.09.2026).

6. *Skarzhinskaya E.M.* Issledovanie sistemy ekonomicheskih otnoshenij metodami topologicheskogo modelirovaniya // Problemy novoj politekonomii. 1999. № 2. S. 19—25.

II

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

Д.К. СТОЖКО, К.П. СТОЖКО

Субъектная природа хозяйственной деятельности*

Аннотация. Целью исследования является раскрытие субъектной природы хозяйственной деятельности и ее роли в развитии субъектных свойств личности (воля к совершенству, продуктивно-творческое воображение, совестливый акт, социальная ответственность и др.). На основе анализа идей российских (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, Н.О. Лосский) и зарубежных (Ф. Ницше, И. Фихте, А. Шопенгауэр) авторов показано глубинное различие в понимании сущности и роли воли в формировании субъектных свойств человека. Аргументировано положение о том, что социальное творчество — это процесс формирования и развития субъектных свойств и способностей личности в сфере хозяйственной деятельности, взятой в широком ее понимании, как деятельности, создающей новые блага и новые социальные формы, более совершенные, чем прежние. Конкретизированы различия между инновационным и творческим типами хозяйственной деятельности и общефилософские вопросы, встающие в процессе формирования субъектности акторов хозяйства (предопределенность, направленность, миссия).

Результатом социального творчества, основанного на субъектном характере хозяйственной деятельности человека, является формирование ценностных оснований его хозяйственного поведения и превращение таких ценностей в социальные институты (нормы поведения).

Ключевые слова: воля к совершенству, личность, опыт, представление, социальное творчество, совесть, субъектность, хозяйственная деятельность, ценность.

Abstract. The purpose of this study is to uncover the nature of the subjectivity of economic activity and its role in the development of indi-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Стожко Д.К., Стожко К.П. Субъектная природа хозяйственной деятельности // Философия хозяйства. 2026. № 5. С. 41—57. DOI: 10.5281/zenodo.23559641.

vidual subjective qualities (will to perfection, productive and creative imagination, conscientious act, social responsibility, etc.). Based on an analysis of the ideas of Russian (S.N. Bulgakov, I.A. Ilyin, N.O. Lossky) and foreign (F. Nietzsche, I. Fichte, A. Schopenhauer) authors, a profound difference in understanding the essence and role of the will in the formation of human subjective qualities is demonstrated. The proposition that social creativity is the process of forming and developing individual subjective qualities and abilities in the sphere of economic activity, taken in its broad sense as an activity that creates new benefits and new social forms more advanced than previous ones, is substantiated. The result of social creativity, based on the subjective nature of human economic activity, is the formation of the value foundations of its value foundations and their transformation into social institutions (norms of behavior).

Keywords: will to perfection, personality, experience, representation, social creativity, conscience, subjectivity, economic activity, value.

УДК 130.31.
ББК 87.6

Введение

Проблема субъектности, определения ее сущности, функций, форм и способов формирования давно является одной из наиболее дискутируемых в современных гуманитарных науках. В советский период истории ей посвятили свои работы Б.Г. Ананьев, П.П. Блонский, Л.С. Выготский, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, А.А. Смирнов и др. Считается, что впервые из отечественных исследователей термин «субъектность» употребил А.Н. Леонтьев в своей работе «Деятельность. Сознание. Личность» (1975).

Изучение субъектности отечественными авторами осуществляется на пути развития представлений об активной роли самого человека в процессе жизнедеятельности и трактуется в качестве «продуктивной оппозиции функциональному и когнитивистскому подходам, рассматривающим отдельные психические функции (аттитюды и другие параметры когнитивных стилей человека) как отдельные, часто слабо связанные характеристики, определяющие индивидуальные особенности его деятельности и поведения» [11].

Следует почеркнуть, что проблема субъектности исследуется в современных публикациях с разных сторон: философии, истории, психологии, педагогики и образования, социологии, профессиональной деятельности и т. д. Такой предметный подход имеет свои достоинства. Но необходим междисциплинарный интегративный взгляд на проблему субъектности, который позволил бы сформировать системное и целостное представление о ней.

При всем многообразии теоретико-методологических подходов представляется правомерным рассматривать проблему субъектности с точки зрения опыта хозяйственной, в первую очередь, трудовой деятельности. «Понятие “субъекта” появилось, чтобы отражать сам модус нашего опыта живого, в особенности сознающего опыта, и обозначать наделенного им» [6, 34]. Исходя из положения о том, что «труд создал человека» [8, т. 20, 486] и «люди своим трудом выбились из первобытного животного состояния» [8, т. 23, 520], следует признать, что именно такой теоретико-методологический подход соответствует объективной реальности.

Целью исследования является раскрытие природы субъектности хозяйственной деятельности и ее роли в развитии человека как актора социального творчества.

Результаты

Современная хозяйственная деятельность может быть представлена не только как рутинный труд, организованный в формате «наемного труда», но и как социальное творчество людей, осуществляемое свободно, а не в рамках отношений «присутственного найма. Стремление к свободе (освобождению) труда давно стало фактом человеческой истории. Достаточно вспомнить, что еще в 1883 г. Г.В. Плеханов в Швейцарии организовал группу «Освобождение труда», которая ставила перед собой задачу создания социал-демократического движения в защиту труда и уничтожения его эксплуатации. И таких примеров в человеческой истории было много.

Идея освобождения труда представляет собой отнюдь не умозрительную конструкцию; это фундаментальная социально-философская и политико-экономическая концепция, рассматривающая труд не столько как средство выживания, сколько как процесс все-

стороннего развития человека, его стремление к выходу за рамки изолированности, социальной отчужденности, отношений эксплуатации к подлинному социальному творчеству. Именно на основе этого стремления формируется субъектность личности творца.

Осуществляя свою хозяйственную деятельность, человек непосредственно или опосредованно оказывается участником созидания новых благ и новых социальных форм реальности. Социальное творчество по самой своей природе как раз и отражает способность человека преобразовывать реальность, изменять ее, создавать новые и совершенные ее формы. Можно сказать, что «цивилизация — это совокупный результат творчества коллективного субъекта» [12, 7]. Вместе с тем человек становится субъектом хозяйственной деятельности и актором социального творчества вовсе не потому, что он вступает в отношения с другими людьми по поводу реализации своих потребностей и интересов, как это порой утверждается [9, 39—41], а потому, что он *осваивает* определенный *опыт* и становится *способным к социальному творчеству*, а в основу этой способности закладываются не инстинкты и рефлексы, а сознание и духовная практика.

Есть два основных типа хозяйственной деятельности: инновационный и креативный. Результатом первого является количественное воспроизводство *новых* благ и социальных форм за счет внедрения новых элементов; результатом второго — качественное *усовершенствование* благ и социальных форм. Первый тип хозяйственной деятельности может выступать в трех вариантах: суженного, простого и расширенного воспроизводства. При этом стремление к бесконечному накоплению благ и, соответственно, некоей перегруженности социальных форм, обусловленных ростом потребления и его фетишизацией, ведут к тому, что количество переходит в качество в соответствии с известным законом развития. Инновационное производство (от лат. *innovatio* — обновление, новшество) создает блага совершенно иного качества, нежели креативное производство (от лат. *creatio* — созидание, усовершенствование). Так что новое, как свидетельствует практика, далеко не всегда оказывается более совершенным. Развитие «поточного производства» — яркое тому свидетельство. Осознание этого заставляет развивать именно творческий компонент в современном производстве, переходить к быстро

реагирующему производству» (QRM — Quick Response Manufacturing) и более четко реагировать на изменения потребностей и интересов людей.

«Перегруженность» социальных форм быстро устаревающими в условиях современной научно-технической революции и перехода к новому технологическому укладу социальными «архаизмами» (бюрократизм, формализм и социальная некомпетентность и др.) детерминирует сохранение низкого качества организации труда и управления, а также качества образования, политических институтов, социального страхования и др. Причина этого — отчуждение субъекта труда от самого труда и его результатов. В системе «присутственного найма» субъектом хозяйственной деятельности выступает не сам труженик, а тот, кто его нанимает.

Определенной альтернативой данной системе, которую вполне может заменить искусственный интеллект (ИИ), выступают в настоящее время системы «гибридного найма» и «дистанционной работы», позволяющие работнику в большей степени сосредоточиться на решении творческих задач и избежать «присутственной» рутины. Последний формат взаимоотношений между работниками и контактными аудиториями (заказчики, клиенты, потребители) представляется более перспективным с точки зрения расширения автономии самого работника и, как следствие, возможностей развития его самостоятельных, субъектных свойств. В работах многих современных исследователей (И.А. Абрамовского, И.В. Волчкова, О.И. Геворгян, Н.И. Нагибиной, Е.В. Уфимцева, Н.Р. Шадейко и др.) содержится анализ «сильных» и «слабых» сторон различных альтернативных систем организации хозяйственной деятельности.

Социальное творчество как особый — *субъектный* — тип хозяйственной деятельности основано на креативных способностях самих тружеников как субъектов этой деятельности и, в первую очередь, на их субъектных способностях к *самостоятельному* развитию. Результатом такой деятельности становятся более совершенные блага и социальные формы, посредством которых улучшается само качество жизни, а не только хозяйственная деятельность. Важными факторами такого улучшения являются умеренность, сохранение человеком пропорциональности между потребностями и высшими ценностями как основаниями хозяйственной деятельности.

Тем самым хозяйственная деятельность проявляет себя, прежде всего, в хозяйственном поведении ее участников, в тех поступках, которые они совершают. Аристотель отмечал: «Совершать поступок можно по-разному… Между тем поступать правильно можно только одним-единственным способом… Это, стало быть, причина тому, что избыток и недостаток присущи порочности, а обладание серединой — добродетели… Однако не всякий поступок… допускает середину…» [1, 73]. Совершая поступки «по-разному», работник сталкивается с тем, что есть *правильное*, а что — нет. Если определять «правильное» как следование инструкциям и нормам, то это одно его толкование, а если определять «правильное» с точки зрения конечного результата и пользы, то это уже совершенно другое его толкование. Социальное творчество как раз и возникает там и тогда, где и когда субъект хозяйственной деятельности частично или полностью отказывается от существующих устаревающих социальных норм поведения и конструирует новые, которые позволяют ему создавать более совершенные блага и социальные формы. Такая «социальная реконструкция», осуществляемая к тому же на новых направлениях хозяйственной деятельности и на основе использования уже накопленного опыта, позволяет достичь высоких и действительно творческих результатов.

Существуют два направления в расширении самой свободы социального творчества: свобода спонтанного поведения, когда люди вольны руководствоваться собственными мотивами и делать то, что считают необходимым; свобода вести себя безотносительно прошлых способов поведения (*liberty of indifference* — безотносительная свобода), т. е. «поступать иначе, чем поступали раньше» [4, 385].

На практике хозяйственная деятельность допускает как спонтанное, так и не спонтанное (спланированное) поведение, но при этом она всегда остается социально детерминированной, а именно регулируемой социальными институтами. Соблюдение социальных норм в процессе хозяйственной деятельности объясняется просто: «Люди обнаружили, что в силу самых разных причин жить в социальных группах легче, чем в одиночку или отдельными семьями» [4, 381]. Это лишь доказывает, что свобода социального творчества — это всего лишь «осознанная необходимость» (Б. Спиноза),

но осмысливать эту необходимость и осуществлять свой выбор должен сам человек, а не кто-то за него.

И здесь особую роль в превращении хозяйственной деятельности в социальное творчество играют «представление» и «воля к совершенству» (И.А. Ильин). Собственно говоря, любая хозяйственная деятельность начинается с формирования в нашем сознании некоего представления о ней. Эти представления включают в себя представления о цели и задачах такой деятельности, ее содержании и характере, временных рамках (длительность, алгоритм), будущих последствиях и др. Проецируя собственные замыслы, планы, интересы и потребности на будущую хозяйственную деятельность, мы формируем некую мыслительную матрицу, чем-то напоминающую электронные платы или современные чипы (микросхемы).

Рассматривая наши представления в координатах «благо — зло» и как особую форму знания, полученного «на поле обширнейшего опыта», А. Шопенгауэр считал такие *представления* теми значениями, которыми человек в процессе своего опыта освоения мира наделяет его в целом и его проявления в частности. Он прямо подчеркивал, что «в своем анализе мы исходим не из объекта или субъекта, а из *представления*, которое содержит в себе, предполагает их оба…» [17, 68]. Дальнейшая конкретизация наших представлений связана с их «распадением на субъект и объект» [17, 82]. Последующая хозяйственная деятельность, соответственно, уже является деятельностью в координатах «субъект — объект».

Социальное творчество — это процесс формирования и развития человеком своих субъектных свойств и способностей в сфере хозяйственной деятельности, взятой в широком ее понимании, как деятельности, создающей новые блага и новые, более совершенные (чем прежде) социальные формы. И основой такого творчества является уже «духовное производство», «само-строительство человека» как *субъекта этого творчества.* Человек формирует свои *представления* о ценностях и социальных институтах, которые затем становятся актуальными характеристиками новой социальной реальности и которые обладают не просто признаком новизны, но и признаком совершенства, более высокого по отношению к прошлому.

Для социального творчества как процесса действительного совершенствования человека и мира, помимо *представлений*, необходима еще и *воля* для их актуализации, их практического воплощения в системе общественных отношений. В истории философии существовали и существуют разные трактовки воли. Например, А. Шопенгауэр рассматривал волю с двух сторон: как слепую силу природы (*toto genere*) [17, 200] и как наше представление о ней, «выражающееся произвольными движениями тела» [17, 193]. В свою очередь, Ф. Ницше, характеризуя волю, видел ее природу в инстинктах [10, 31]. Наконец, И.Г. Фихте утверждал, что «*воля* есть именно та точка, в которой умопостижение и созерцание, или реальность, тесно проникают друг в друга. Она — реальный принцип, ибо она абсолютна, и неудержимо определяет она силу, сама себя, однако держит и носит; она — умопостигающий принцип, она прозревает себя, и она созерцает долженствование. У ней способность исчерпана сполна, и схема божественной жизни возведена в ней в действительность» [14, т. 2, 788].

Тем самым, при всех нюансах и расхождениях в понимании воли, волевая интенция поведения человека является важной и неотъемлемой предпосылкой формирования его субъектности, превращения индивида в личность, а личности — в субъекта хозяйственной деятельности и социального творчества. Развитие воли способствует тому, что человек как хозяйствующее существо начинает выступать субъектом, т. е. активным, самостоятельным и свободным участником хозяйственного процесса и экономических отношений (взаимоотношений). Он свободно и осознанно делает выбор в пользу тех или иных сценариев поведения, тех или иных коммуникаций, тех или иных видов деятельности, не позволяя манипулировать собой извне, не подчинясь насилию и диктату, совместно выстраивая с другими участниками всей системы общественных отношений выстраивая процесс хозяйствования.

Воля способствует формированию ценностей и их превращению из абстрактных интенций в установки и нормы социального поведения; а ценностная основа хозяйственной деятельности является одновременно и основной формирования человека как *субъекта* хозяйственного процесса. Собственно говоря, можно констатировать, что личность создает ценности, которые затем развивают личность.

Значение духовной жизни в сравнении с материальной деятельностью как предикат хозяйственного творчества характеризуется также признаком *единства*. Этот признак реализуется в процессе своеобразной «катехизации» путем объединения в одной комплексной (всеобщей) идее (идеологии) целого ряда вопросов и ответов, касающихся основополагающей цели хозяйства. Такими общефилософскими вопросами хозяйства являются его *предопределенность, направленность, назначение (миссия)*.

С позиций традиционной науки, *предопределенность* хозяйства (хозяйственной деятельности) состоит в удовлетворении объективных интересов людей и *соответствующих* этим интересам субъективных потребностей. Это будто бы позволяет осуществлять *гармоничное* развитие человека и общества. Человек не может жить и развиваться без хозяйственной деятельности. Он объективно изначально вовлечен в сферу хозяйства, от момента своего рождения и до самой смерти оставаясь его субъектом и объектом.

Но это *узкое* понимание предопределенности хозяйства. При этом экономическая субъектность выступает как фактор дегуманизации социальных отношений [15]. На самом деле, высшими целями хозяйства (хозяйственной деятельности) являются развитие и совершенствование самого человека, а не простое удовлетворение его потребностей или желаний. В связи с этим С.Н. Булгаков отмечал, что «понимание хозяйства как явления духовной жизни открывает глаза на психологию хозяйственных эпох и значение системы хозяйственных мировоззрений» [3, 187].

Однако в рамках повседневности изначальное предопределение хозяйства претерпевает метаморфозы под влиянием самых разных факторов и обстоятельств. Его «чистая» форма оказывается измененной в процессе конструирования социальной реальности. Тем самым оказывается измененной и его *направленность*, которая представляет собой конкретно-историческую детерминацию (интенцию) хозяйственных практик. В силу разных причин, прежде всего в силу углубляющихся противоречий между субъективными потребностями и объективными интересами людей, когда объективный интерес, проходя через психику и сознание индивидов, трансформируется не столько в рациональные потребности, сколько в извращенные

потребности (в терминологии Н.О. Лосского — отрицательные ценности) [7], не соответствующие самому объективно существующему интересу как таковому, конкретно-историческая направленность хозяйственной деятельности отклоняется от его априорной (высшей) «*предопределенности*» и определяется уже в большей степени конъюнктурными факторами. Императивные (абсолютные) ценности, присущие изначальной «предопределенности» хозяйства, начинают подменяться функциональными, вторичными ценностями повседневной направленности, что постепенно ведет и к утрате самого смысла жизни человека, к экзистенциальному кризису личности.

Соответственно, трансформируется и социальное творчество: человек утрачивает часть своих субъектных свойств и способностей и оказывается неспособным противостоять нарастающим деформациям в своей психике, сознании, у него появляются нездоровое влечение к социальным отклонениям, зависимость от «социальных болезней» и т. д. И только «самодержавие духа», опора на абсолютные, высшие ценности бытия позволяют субъекту сохранить свою субъектность во всей ее полноте и эффективности [5].

Хозяйству (хозяйственной деятельности) присуща своя собственная *миссия* (*назначение*), связанная с повышением качества жизни человека, достижением полноты его бытия. Как общефилософский вопрос, миссия хозяйства изначально раскрывается как назначение субъекта хозяйственной деятельности, и, следовательно, не на уровне хозяйства, взятого в целом, а на уровне конкретных хозяйствующих субъектов (индивидов, компаний, корпораций). Но миссия — это не просто идея или цель, это «высшая цель» и «сильная идея», которые оказываются «под силу» только «субъекту» — творцу, созидателю, «субстанциональному деятелю» (Н.О. Лосский); миссия характеризует субъекта как деятеля, а его деятельность как целенаправленную, определяющую смысл его жизни (идея всей жизни). Если соотносить миссию с субъектами хозяйственной деятельности, то она может определять «жизненный цикл» таких субъектов, род их профессиональной деятельности и т. д. Каждый хозяйствующий субъект по идее «уже имеет свою предопределенную миссию, которую необходимо четко осознать и беспрекословно выполнять» [16, 20—21].

Между *предопределенностью*, *направленностью* и *миссией* в качестве системных предикат объективно необходимы *единство, свобода, покой* и *движение*. Только в этом случае три ключевых общефилософских вопроса, касающиеся феномена хозяйственной деятельности и формирования субъектности ее акторов, будут находить свое эффективное решение.

Определяя признак единства (целостности) как исходный, необходимо обратиться к осмыслению духовной культуры, которая в сфере хозяйственной деятельности превращает духовность в культуру хозяйства, выступающую в самых разных своих формах: деловой культуры, корпоративной культуры, культуры предпринимательства, культуры потребления и др. Конкретизация форм духовной культуры в сфере хозяйственной деятельности сама по себе служит проявлением формирования субъектности ее акторов и обусловлена тем, что социальный субъект, живущий и действующий в социальной среде, должен соизмерять с ее характеристиками последствия своего духовного (нравственного) выбора. Такое соизмерение в свое время и породило идею утилитаризма.

Хозяйственная деятельность в целом, а социальное творчество в частности не могут не быть утилитарными. Только здесь следует сделать два замечания. Во-первых, сама утилитарность может быть разной и трактоваться по-разному. Различают, например, форму утилитаризма, основанную на идее правила (*rule consequentialism*), и форму утилитаризма, основанную на представлении о последствиях (*direct consequentialism*) [4, 95].

В сфере хозяйственной деятельности важное значение имеют обе эти формы утилитаризма. С точки зрения хозяйственной деятельности утилитарность представляет собой общественную полезность тех благ, которые создаются в процессе ее осуществления. Но в процессе их производства могут возникать разные последствия от осуществления хозяйственной деятельности — как позитивные, так и негативные (например, для самих субъектов этой деятельности, для экологии и др.). Аналогично, последствия от использования (потребления) созданных благ могут оказаться положительными или отрицательными при их потреблении. Да и сами блага (обычно обозначаемые терминами «продукция» или «продукты» хозяйственной дея-

тельности), хотя их создание регулируется и регламентировано социальными нормами (законами, государственными стандартами, разными инструкциями, административными предписаниями и др.), порой оказываются бесполезными или обладающими незначительной полезностью, а то и вообще — фальсификатами.

И здесь особое значение приобретает вопрос о соразмерности действий хозяйствующего субъекта. Как утверждал еще А. Смит, люди работают *для себя*, а тем самым — и *на общество*. Но проблема состоит еще и в том, что участники хозяйственной деятельности часто не работают *над собой*. И эта проблема не только эгоизма, это и проблема с*оразмерности* в поступках, которые осуществляет человек. Совершенствование как детерминированный ценностным выбором процесс работы человека со смыслами — единственный путь достижения человеком соразмерности как пропорциональности и оптимальности своего поведения. И в этом также состоит предопределение хозяйственной деятельности и социального творчества как важнейшей формы человеческой деятельности. Непонимание этого обстоятельства приводит к тому, что «не *миссия* служит интересам человека, а человек служит интересам *миссии*» [16, 23].

Таким образом, в процессе хозяйственной деятельности человек «делает сам себя», творит собственную духовную и социальную природу. Будучи изначально, от рождения, существом физиологическим, он даже собственную физиологическую природу может развивать и видоизменять. Но если учесть то, что в человеке заложены рациональные инстинкты, прежде всего — инстинкт самосохранения, то становится понятным, почему «свобода — это осознанная необходимость». И выбор в пользу тех или иных сценариев социального развития, тех или иных социальных форм определяется именно таким пониманием свободы. В прошлом оно выражалось в идее *личного спасения*, которое возможно через самосовершенствование [13, 189]. И здесь важнейшим формированием субъектности участников хозяйственной деятельности становилась *совесть*.

Представление о совести в русской философии хозяйства всегда имело огромное значение. Совесть является не просто духовно-нравственной ценностью, но и ключевой субъектной способностью участников хозяйственной деятельности, социального творчества. Ее суть состоит в способности человека на практике реализовывать

духовно-нравственные ценности, воплощать в результатах своей предметно-практической деятельности, гармонично соединять и сочетать их с уже имеющимися системами ценностей, основывающимися на нах системах общественных отношений, а также улучшать их. Без совести и способности к совестливому акту субъект хозяйственной деятельности не способен возвыситься до подлинного социального творчества, хотя отдельные хозяйственные практики, которые он осуществляет, могут обнаруживать ее дефицит или даже полное отсутствие. Но только совестный (совестливый) человек «призван быть творцом и соучастником в деле Божьего творения» [2, 195] уже хотя бы потому, что «творчество есть духовное делание» [2, 199].

Задаваясь вопросом о том, «являются ли поступки, предписываемые голосом совести, тем голосом, о повелениях которого я не смею мудрствовать, но должен слепо им повиноваться, — являются ли предписываемые ими поступки действительно средством, и притом единственным средством, к достижению земной цели человечества?» [14, т. 2, 182], И.Г. Фихте в свое время пытался дать ответ на основе сопряжения совести и воли. Для него воля поступать согласно совести оказывается равнозначной воле поступать разумно. Таков его «императив»: «Моя воля принадлежит мне и представляет собою то единственное, чем я владею вполне; она вполне зависит от меня самого, и благодаря ей я уже теперь гражданин царства свободы и разума. Какое определение моей воли — того единственного, благодаря чему я поднимаюсь из праха в это царство, — соответствует порядку последнего, говорит мне в каждый момент моя совесть» [14, т. 2, 187].

Именно совесть соединяет и сочетает высшие ценности человеческого бытия и конкретные условия его хозяйственной жизни, придает необходимый импульс для ее перерастания из простейших своих форм в высшие формы, одной из которых является социальное творчество. «Совестливый акт», о котором писал еще И.А. Ильин, представляет собой нравственную основу для выбора действий субъекта хозяйственной деятельности, который осуществляет человек и который позволяет ему самоидентифицироваться и самоопределиться в сложном мире хозяйственных проблем. Смысл такого «совестливого акта» состоит в соотнесении своих поступков (действий)

с высшими (абсолютными) ценностями и неукоснительном следовании им.

«Диктатура совести» как императив хозяйственного поведения человека — это «воля к совершенству», которая раскрывается и реализуется в соблюдении человеком фундаментальных принципов «жизни не по лжи» (Л.Н. Толстой), «работы со смыслами» (В.С. Соловьев), «собирания человека» (А.А. Богданов), «социальной взаимопомощи» (П.А. Кропоткин), «духовного делания» (И.А. Ильин), «накоплении в себе сил добра» (В.Ф. Эрн), умении «жить со всеми и для всех» (Н.Н. Федоров). Переосмысление этих принципов и их актуализация в сфере современной хозяйственной деятельности человека как раз и будут служить укреплению его субъектных способностей и, как следствие, укреплению субъектной природы самой хозяйственной деятельности. В связи с этим необходимо отметить, что в сложившихся условиях — условиях новой социальной реальности, как никогда прежде, необходима цельная и жизнестойкая «духовная культура», поскольку субъектность человеческой личности в конечном счете определяется именно «духовной культурой», являющейся «*генератором*» социального творчества.

Заключение

1. Природа субъектности человека имеет трудовую основу, трудовое происхождение. Все субъектные свойства личности (воля к совершенству, продуктивно-творческое воображение, совестливый акт, социальная ответственность, способность к созиданию и др.) формируются в процессе труда и посредством труда. Такое «самостроительство» человека представляет собой его «духовное производство», в котором личность осуществляет свои самоидентификацию и самоопределение, достигает полноты собственного бытия.

2. Генезис формирования и развития субъектности человека как актора хозяйственной деятельности предполагает его эволюцию от простейших форм такой деятельности (рутинный труд) к более сложным формам хозяйственной организации (инновационный и творческий труд), развитие его духовно-нравственной природы и расширение его свободы в сфере хозяйственной деятельности, формирование мировоззрения и мировосприятия в координатах ценностного мышления и сознания.

3. Фундаментальная трансформация систем ценностей в условиях формирования «новой реальности» и кризиса современного глобализма ставит перед человеком как субъектом хозяйственной деятельности вопрос «Иметь или быть?» в новой плоскости, а именно — в плоскости преодоления пороков «общества потребления» и «общества спектакля» и выхода в область «полноты своего бытия», решения проблемы своего спасения (лат. — *salus*), что возможно лишь при понимании определяющего значения (доминанты) духовных ценностей над функциональными (материальными) ценностями обыденной повседневности и правильного их соотнесения человеком в свой хозяйственной деятельности.

Литература

1. *Аристотель*. Этика. М.: АСТ, 2010. 496 с.
2. *Бердяев Н.А.* Спасение и творчество. Два понимания христианства // Русская философия. Конец XIX — начало XX века. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993. С. 183—203.
3. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. 412 с.
4. *Гудинг Д., Леннокс Дж.* Мировоззрение. Человек в поисках истины и новой реальности: В 2 т. Т. 2. Ч. 2. Ярославль: Норд, 2004. 480 с.
5. *Иоанн, митрополит*. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. М.: Алгоритм, 2012. 528 с.
6. *Кожевникова М.Н.* Феномен субъектности? Проблемы интерпретации // Ценности и смыслы. 2020. № 6 (70). С. 31—44.
7. *Лосский Н.О.* Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М.: ГИПЛ, 1960—1961.
9. *Мерцалов В.* Логика антропогенеза. Происхождение человека еще не завершено. СПб.: Алетейя, 2008. 296 с.
10. *Ницше Ф.* Антихристианин // Ницше Ф. Сумерки богов: Сб. ст. / Под ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 17—93.
11. *Осницкий А.К.* Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 5—19.

12. *Скворцов Л.В.* О сущности творчества (введение) // Человек. Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2001. № 1. С. 7—20.

13. *Тростников В.* Православная цивилизация. Исторические корни и отличительные черты. М.: ИД Сибирский цирюльник, 2004. 272 с.

14. *Фихте И.Г.* Соч.: В 2 т. СПб.: Мифрил, 1993.

15. *Чепьюк О.Р.* Экономическая субъектность как фактор дегуманизации социальных отношений: Дис. … докт. филос. наук. Социальная философия. Н. Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2020. 371 с.

16. *Черемных О.С., Черемных С.В.* Стратегический корпоративный реинжиниринг: процессно-стоимостной подход к управлению бизнесом. М.: Финансы и статистика, 2005. 736 с.

17. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. Минск: Харвест, 2011. 848 с.

References

1. *Aristotel'*. Etika. M.: AST, 2010. 496 s.

2. *Berdyaev N.A.* Spasenie i tvorchestvo. Dva ponimaniya hristianstva // Russkaya filosofiya. Konec XIX — nachalo XX veka. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1993. S. 183—203.

3. *Bulgakov S.N.* Filosofiya hozyajstva. M.: Nauka, 1990. 412 s.

4. *Guding D., Lennoks Dzh*. Mirovozzrenie. CHelovek v poiskah istiny i novoj real'nosti: V 2 t. T. 2. CH. 2. YAroslavl': Nord, 2004. 480 s.

5. *Ioann, mitropolit.* Samoderzhavie duha. Ocherki russkogo samosoznaniya. M.: Algoritm, 2012. 528 s.

6. *Kozhevnikova M.N*. Fenomen sub"ektnosti? Problemy interpretacii // Cennosti i smysly. 2020. № 6 (70). S. 31—44.

7. *Losskij N.O*. Bog i mirovoe zlo. M.: Respublika, 1994. 432 s.

8. *Marks K., Engel's F*. Soch. M.: GIPL, 1960—1961.

9. *Mercalov V.* Logika antropogeneza. Proiskhozhdenie cheloveka eshche ne zaversheno. SPb.: Aletejya, 2008. 296 s.

10. *Nicshe F.* Antihristianin // Nicshe F. Sumerki bogov: Sb. st. / Pod red. A.A. YAkovleva. M.: Politizdat, 1989. S. 17—93.

11. *Osnickij A.K.* Problemy issledovaniya sub''ektnoj aktivnosti // Voprosy psihologii. 1996. № 1. S. 5—19.

12. *Skvorcov L.V.* O sushchnosti tvorchestva (vvedenie) // CHelovek. Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty. 2001. № 1. S. 7—20.

13. *Trostnikov V.* Pravoslavnaya civilizaciya. Istoricheskie korni i otlichitel'nye cherty. M.: ID Sibirskij ciryul'nik, 2004. 272 s.

14. *Fihte I.G.* Soch.: V 2 t. SPb.: Mifril, 1993.

15. *CHep'yuk O.R.* Ekonomicheskaya sub''ektnost' kak faktor degumanizacii social'nyh otnoshenij: Dis. … dokt. filos. nauk. Social'naya filosofiya. N. Novgorod: Nacional'nyj issledovatel'skij Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N.I. Lobachevskogo, 2020. 371 s.

16. *CHeremnyh O.S., CHeremnyh S.V.* Strategicheskij korporativnyj reinzhiniring: processno-stoimostnoj podhod k upravleniyu biznesom. M.: Finansy i statistika, 2005. 736 s.

17. *SHopengauer A.* Mir kak volya i predstavlenie. Minsk: Harvest, 2011. 848 s.

А.Ю. КОЗЛОВСКИЙ

Модели социально-экономической типологии ведущих стран Древнего мира*

Аннотация. В рамках данной научной статьи автор сформулировал и исследовал проблематику социально-экономической типологии ведущих стран Древнего мира. В статье были выделены и рассмотрены фундаментальные исторические факторы, обусловившие социально-экономическое возвышение одних стран Древнего мира над другими. В рамках соответствующих двухсоставной и трехсоставной моделей социально-экономической типологии представлены группы наиболее развитых, среднеразвитых и наименее развитых

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Козловский А.Ю. Модели социально-экономической типологии ведущих стран Древнего мира // Философия хозяйства. 2026. № 5. С. 57—79. DOI: 10.5281/zenodo.23559932.

(отсталых) стран Древнего мира. Теоретическим базисом исследования послужил классический формационный подход, постулирующий максимальное развитие наиболее прогрессивного способа производства, характерного для той или иной исторической эпохи, в качестве одного из критериев социально-экономического развития стран мира.

Ключевые слова: Древний мир, Древний Восток, греко-римский мир, наиболее развитые страны, среднеразвитые страны, наименее развитые (отсталые) страны, факторы социально-экономического развития, передовой способ производства, двухсоставная модель социально-экономической типологии стран Древнего мира, трехсоставная модель социально-экономической типологии стран Древнего мира.

Abstract. Within this scientific paper the author formulated and investigated the issue of Ancient leading countries` social and economic typology. The fundamental historical factors stipulated social and economic domineering one Ancient countries over the other one were stressed and considered in the paper. Under corresponding bimodal and three modal social and economic typology the author presented the groups of the most developed, the medium developed, and the least developed (undeveloped) Ancient countries. The theoretical basis of the given research is classic formational approach postulating maximal development of the most progressive manufacturing method, inherent for a particular historical époque, as one of the criteria of social and economic development of the countries around the globe.

Keywords: Ancient World, Ancient East, Greco-Roman World, the most developed countries, the medium developed countries, the least developed (undeveloped) countries, factors of social and economic development, advanced production method, Ancient World countries` bimodal social and economic typology, Ancient World countries` three modal social and economic typology.

УДК 330
ББК 65в

Земледельческие страны Древнего мира, прежде всего Древнего Востока, а именно государства Древней Месопотамии (Шумер, Аккадская, Ассирийская, Вавилонская империи), Древний Египет, Крито-Микенская цивилизация в районе Эгейского моря и Харапп-ская цивилизация в долине р. Инд, представляли собой *первые исторические примеры экономически наиболее развитых стран*. Они являлись таковыми по сравнению с другими, на тот момент *менее развитыми странами/обществами Древнего Востока* (ранние Хетты, ранний Элам, остальной доахеменидский Иран, Шан-Инь и т. д.). Их первенство было обусловлено опережающим переходом из энеолита в бронзовый и частично в железный век, благоприятными природно-климатическими условиями, развитием на общинно-государственной основе масштабных систем ирригации.

Больший или же, напротив, меньший экономический прогресс *двух указанных групп стран*, достигнутый некоторыми из них на основе «азиатского способа производства», был бы невозможен, однако, без их общей опоры на производственные и социальные рычаги «неолитической революции» IX—VI тыс. до н. э. Часть Ближнего Востока и Северной Африки, именуемая «Плодородным полумесяцем» (долина Нила, Восточное Средиземноморье, северная часть Сирийской пустыни, Месопотамия и побережье Персидского залива), признается местом зарождения (в VIII—VI тыс. до н. э.) и последующего культивирования (в IV—III тыс. до н. э.) исторически более прогрессивного образа жизни.

Он включал в себя разделение труда, извлечение прибавочного продукта, оседлость, городской уклад, деспотическую государственность, стратифицированное общество, письменность, искусство, право, зачатки научных знаний. Поэтому отечественный ученый-экономист Л.А. Муравьева обоснованно утверждает следующее: «Как видим, *территория Древнего Востока состояла из развитых в экономическом отношении стран* (курсив мой. — *А.К.*)…» [11, 60].

В свою очередь, *социально-экономическая отсталость других древневосточных стран* была обусловлена вполне определенными общеисторическими фундаментальными факторами. Так, например, жизнь многих средиземноморских, причерноморских, переднеазиатских кочевых народов (арии, амореи, касситы, эламиты, халдеи, гиксосы, автохтонные народы Балкан, греки-ахейцы, греки-дорийцы),

соседствовавших с развитыми «ирригационными империями» «Плодородного полумесяца», все еще основывалась на различных типах присваивающего, а не производящего хозяйства. Они по-прежнему пребывали на неолитической или же энеолитической стадии развития своей материально-производственной культуры, при самом минимальном разделении труда, в состоянии продолжавшегося господства или же только близившегося разложения родоплеменного строя.

Также существует мнение, что в течение III—II тыс. до н. э. именно из Месопотамии как наиболее развитой части «Плодородного полумесяца» и началось распространение цивилизации в близлежащие регионы: в Египет, в долину Инда и Ганга, в Китай, в Европу, на берега Эгейского моря и во все Средиземноморье [6, 37, 40, 42—43, 46]. Однако социально-экономическое первенство Древней Месопотамии, например, над Древним Египтом не следует преувеличивать. Оба этих очага материальной и духовной культуры были практически в равной степени историческими пионерами «цивилизационного строительства», что утверждается отечественным ученым-экономистом: «Периоды первого расцвета Шумера и Египта почти совпадают и одновременно возвышаются среди современных им (т. е. менее развитых. — *А.К.*) народов» [7, 58].

Древняя же Индия, даже при отсутствии в ту далекую, «домакедонскую» эпоху каких-либо точных сведений о ней, воспринималась тогдашними народами Передней Азии и Средиземноморья как «страна чудес»*, также, условно говоря, развитая страна,* изобиловавшая всевозможными ресурсами, богатствами. Однако ее социально-экономическое развитие, продолжавшееся и после завоевания этой страны ариями во II тыс. до н. э., тормозилось варновой и кастовой системами древнеиндийского общества. Хозяйственное развитие этой раздробленной тогда страны зиждилось на производстве специй, тканей, земледельческих культур, добыче металлов и производстве из них орудий труда, оружия и украшений, строительстве дорог, развитии речного судоходства [3, 17—18].

Что же касается Древнего Китая, то его царства, например в эпохи Шан-Инь и Чжоу, по сведениям отдельных отечественных историков-экономистов, не принимали деятельного участия в международном товарном обмене, воспроизводя замкнутый ареал соб-

ственной материальной и духовной культуры: «…царство, мало уделяющее другим из своего производства и почти ничего не требующее от других» [4, 3]. Однако отмечается также, что и в Древнем Египте, и в странах Древней Месопотамии преимущество отдавалось развитию внутренней, а не внешней торговли. Внешнеторговые же связи этих государств обусловливались лишь серьезным недостатком собственных природных ресурсов [8, 139].

Последующее же социально-экономическое отставание всех данных стран Древнего мира, кроме павшей под ударами греков-дорийцев Крито-Микенской цивилизации, как принято считать, было обусловлено сохранением государственной монополии во всей системе материального производства, в частности также достаточно запоздалой, растянутой во времени, половинчатой трансформацией общинного землепользования в частнособственническое [16, 30, 131—132].

С конца II — почти до середины I тыс. до н. э. внешнеторговая гегемония, будучи одним их важнейших факторов социально-экономического развития, принадлежала финикийским городам, прежде всего Сидону и Тиру, а также их многочисленным колониям. Финикийские торговцы-мореходы практически монопольно обеспечивали строительным лесом, железом, серебром, золотом, рыбой, судами, рабами Грецию, Египет, Аравию, державы Месопотамии и даже далекую Британию.

Великим же преемником городов Финикии в деле развития морской торговли, прежде всего Тира, с середины I тыс. до н. э. стал Карфаген. Карфагеняне основывали многочисленные торговые колонии — на Юге Испании, на Балеарских островах, на Корсике, Мальте, Мадейре, Сардинии и Сицилии. Некоторые источники указывают и на то, что именно карфагеняне стали одними из основоположников политики торгового протекционизма [3, 52]. В ту эпоху своими денежными богатствами Карфаген, по словам Геродота и Полибия, превосходил все греческие полисы, будучи «первым городом в древности», «богатейшим городом на свете» — *условно говоря, тогдашней наиболее развитой страной* [3, 53—54].

Таким образом, в VIII—VI вв. до н. э. центр социально-экономического развития перемещался в ареал Средиземноморья — не

только в Карфаген, но и, безусловно, в древнегреческие полисы, а также в отдельные земли Италии.

Именно древнегреческие центры торговли (Коринф, Эгина, Милет, Афины, Мегара, Родос, Делос, Фокея), Карфаген, а также ранняя Римская республика и Этрурия (до ее покорения Римом в IV—III вв. до н. э.) и стали олицетворять собой *«вторую волну» экономически наиболее развитых стран Древнего мира. Они «обгоняли» своих «предшественников» — высококультурные, однако на тот момент экономически скорее среднеразвитые страны:* Древний Египет, державы Древней Месопотамии, покоренную Ассирией Финикию [12, 100], а также активно развивавшиеся и обретавшие статус *среднеразвитых стран* царства Древней Индии и Древнего Китая.

Условиям международного разделения труда, диктуемым со стороны тогдашних наиболее развитых стран, были вынуждены подчиняться и остальные средиземноморские, причерноморские, переднеазиатские, среднеазиатские народы. Многие из них по-прежнему пребывали на энеолитической стадии развития, в рамках различных примитивных систем общественных отношений. То есть речь идет о тогдашних *наименее развитых, отсталых странах.*

Общими же факторами социально-экономического возвышения Древней Греции, имевшего место в «Классический период» (V—IV вв. до н. э.) [10, 58], особенно Афин и других демократических полисов, были: частная собственность на землю, интенсивное земледелие, высокая товарность сельского хозяйства, сосуществование «классического рабства» и свободного труда, доходы от «Великой колонизации» греческими торговцами-мореходами Средиземноморья и Причерноморья, состоявшейся еще в Архаический период (VIII—VI вв. до н. э.), развитие усилиями метеков, рабов и вольноотпущенников торговли и ремесленного производства, чеканка золотой или серебряной монеты, такие значимые социально-экономические реформы, как, например, реформы Солона и Перикла. Материковая Греция специализировалась на выращивании винограда, вина, масла, маслин, оливок, а также на скотоводстве, добыче полезных ископаемых, ремеслах, а основанные ею заморские колонии — на выращивании зерновых, торговле различными греческими и иностранными товарами, поставках рабов.

Однако концептуально-историческое выделение *группы наиболее развитых, группы среднеразвитых и группы наименее развитых (отсталых) стран Древнего мира* обязывает нас обозначить некий фундаментальный, системный, основополагающий фактор, обусловливавший прогресс и социально-экономическое превосходство древнегреческих полисов, Карфагена и Римской республики над Египтом, державами Месопотамии, Индией и намного более обособленным от остального Древнего мира Китаем.

Так, определенная дискурсивная сложность данной задачи состоит, во-первых, в том, что социально-экономическая история и древневосточных, и античных стран — это история сельскохозяйственного отраслевого базиса. Он выступал в качестве «питательного» материально-производственного источника для развития величественных «городских цивилизаций» со всеми их духовными, идеологическими и другими «надстройками». Безусловно, культура и древних стран «Плодородного полумесяца», и Древней Греции, и Древнего Рима — это была культура городов. Конечно же, древние греки и особенно древние римляне существенно, во сто крат, превзошли египтян, шумеров, аккадцев, ассирийцев, вавилонян, финикийцев, индийцев в развитии материальных и духовных основ-конструктов «городской цивилизации».

Так, например, современный британский историк-экономист Перри Андерсон (род. в 1938 г.) утверждает: «Греко-римская античность всегда была миром, в центре которого находились города. И все же этот фриз городской цивилизации всегда создавал для последующих поколений эффект фасада-обманки. За этими городскими культурой и политией не стояло никакой сопоставимой с ними городской экономики: напротив, материальное богатство, которое поддерживало их интеллектуальную и гражданскую жизнеспособность, изымалось главным образом из сельской местности. В количественном отношении классический мир был в основном и почти всегда сельским. *Сельское хозяйство на протяжении всей его истории оставалось безраздельно господствующей областью производства, неизменно обеспечивая основное богатство городов* (курсив мой. — *А.К.*)» [1, 20].

Однако важно отметить, что прибыль от городского ремесленного производства все-таки существенно дополняла номенклатуру

доходов древнегреческих полисов. Ценные ремесленные изделия (ткани, посуда, вазы, оружие, орудия труда и т. д.), произведенные как в маленьких мастерских, так и в обширных эргастериях, доставлялись практически во все страны Древнего мира.

Во-вторых, согласно общеизвестной пятистадийной модели общественно-экономических формаций, важнейшим, чуть ли не главным способом производства во всех рассматриваемых нами странах Древнего мира считался рабовладельческий.

Поэтому, на наш взгляд, тем важным, отличительно-типологическим, системно-формационным базисом, который и обусловливал характер, динамику, промежуточные и конечные социально-экономические достижения всей античной цивилизации, превосходившие аналогичные достижения стран «азиатского способа производства», было не что иное, как *«классическое рабовладение».* Как известно, «азиатский» и «античный» способы производства продуцировали содержательно как схожие, так и, напротив, весьма отличительные, характерные только для них социальные и материально-производственные «опоры». Однако «истинное» рабовладение начало развиваться по нарастающей, т. е. «вширь», именно в древнегреческих полисах, достигнув своего пика, расцвета в Римской республике и на раннем этапе Римской империи.

Так, П. Андерсон концептуально отмечает следующее: «*Рабовладельческий способ производства был главным изобретением греко-римского мира, которое стало основной причиной и его расцвета, и его упадка* (курсив мой. — *А.К.*). Необходимо подчеркнуть новизну этого способа производства. Рабство в различных формах существовало по всему древнему Ближнему Востоку (как и позднее в других частях Азии), но оно никогда не было юридически чистым состоянием и зачастую принимало форму долговой кабалы или каторжных работ, просто составляя низшую ступень в аморфной иерархии разных форм и степеней зависимости, которая охватывала практически все общество сверху донизу. *И оно не было преобладающим типом изъятия излишков в этих догреческих монархиях — оно было периферийным явлением, в то время как основной рабочей силой были крестьяне* (курсив мой. — *А.К.*)» [1, 22].

Таким образом, отождествление П. Андерсоном «чистого рабства» как «систематического способа производства» только со «средиземноморскими цивилизациями» достаточно четко воспроизводит, в свою очередь, сравнительно-типологический дискурс экономик стран Древнего Востока. Таковой дискурс и обусловливал социально-экономическое отставание последних от Древней Греции, Карфагена и впоследствии Древнего Рима: «Шумерская, вавилонская, ассирийская и египетская империи — “речные” государства, основанные на интенсивном ирригационном сельском хозяйстве, которое значительно отличалось от менее интенсивного сельского хозяйства на не требующих ирригации почвах в более позднем средиземноморском мире, — *не были рабовладельческими экономиками* (курсив мой. — *А.К.*)» [1, 22—23].

Таким образом, именно «классическое рабовладение», или же «развитый рабовладельческий строй», типологически группировал древнегреческие полисы, в исторически более прогрессивном ключе отличая их как от среднеразвитых, так и от наименее развитых (отсталых) стран Древнего мира: «К V веку, расцвету классического полиса, Афины, Коринф, Эгина и практически все остальные крупные города имели огромное рабское население, нередко превосходившее по численности свободное население. *Именно введение этой рабовладельческой экономики — в горном деле, сельском хозяйстве и ремесле — сделало возможным внезапный расцвет греческой городской цивилизации* (курсив мой. — *А.К.*)» [1, 38].

Последующий же упадок экономики демократических и олигархических полисов был обусловлен исчерпанием их политической и экономико-производственной базы, прогрессировавшим обеднением масс свободного люда, острой борьбой между богатыми и бедными. Системный кризис «классической Древней Греции» привел к установлению политического владычества над ней *со стороны экономически отсталой страны* — Македонского царства, начавшего, однако, «догоняюще» развиваться «по-гречески» со второй половины IV в. до н. э. при царе Филиппе II, отце Александра Македонского [16, 172—173].

Активное социально-экономическое развитие обширной эллинистической Ойкумены имело место после распада Мировой дер-

жавы Александра Македонского. Ее отдельные территории, например Лагидское царство Птолемеев (Египет) и Держава Селевкидов (Месопотамия, Сирия, Иран, греческие полисы Малой Азии), представляли собой *тогдашние среднеразвитые/развивавшиеся страны*: «Благодаря изобилию своих естественных и искусственных произведений, Египет со времен Птолемеев стал одною из значительнейших торговых стран на земле» [3, 12]; «Распространение греческих городов по Востоку сопровождалось ростом международной торговли и коммерческого процветания» [1, 48].

Однако эти «оазисы» эллинистической («западно-восточной») экономики на Ближнем Востоке, собственно отдельные крупные города, сами будучи в своей основе культурно эклектическими, представляли собой территориально ограниченные метрополии, окруженные куда более отсталыми, т. е. «азиатскими», периферийными производственными укладами: «Однако в то же время предшествующие ближневосточные общественные формации — со своими совершенно иными экономическими и политическими традициями — упорно сопротивлялись греческому влиянию в деревне» [1, 49].

Так, эллинистический Восток остался чужд «классическому рабовладению», сохранив, хотя и внеся в них определенные коррективы, ключевые древневосточные социально-экономические устои: натуральный обмен продуктами тамошнего земледелия, преобладание общинной и государственной собственности на землю, налоговый гнет, государственную монополию на внутреннюю и внешнюю торговлю, тотальное регулирование государственной бюрократией всех сельскохозяйственных работ, прежде всего ирригации земли [15, 184—187].

Например, Пергамское, Индо-Греческое и Греко-Бактрийское царства также были, на наш взгляд, *экономически среднеразвитыми и одновременно развивавшимися странами.* Указанный тип этих эллинистических держав воспроизводился на основе сочетания местных доэллинистических социально-экономических достижений и различных значимых экономико-производственных инноваций, привнесенных греко-македонскими завоевателями. Так, например, в среднеазиатской части эллинистической Греко-Бактрии сельское хозяйство получило мощный импульс к дальнейшему развитию в связи

с усовершенствованием ирригационных систем, расширением площади обрабатываемых земель, внедрением греческих сельскохозяйственных орудий.

Большое значение имели изготовление оружия и ювелирных изделий, совершенствование ремесленного производства и архитектурного искусства, чеканка монеты, масштабное градостроительство, развитие внутренней и внешней торговли [13, 143, 146—148]. Доля рабского труда в экономиках Индо-Греческого и Греко-Бактрийского царств несколько возросла. Однако землепользование в этих странах по-прежнему сводилось к фактическому владению землей по воле монарха, а не к частной собственности на нее. *Исходя из вышеобозначенных социально-экономических факторов, ко всем рассмотренным эллинистическим странам, конечно, в достаточно условном ключе также применимо типологически-групповое наименование «страны догоняющего развития»*.

Экономика же «метрополий» — древнегреческих полисов, *остававшихся одними из тогдашних наиболее развитых стран,* несмотря на все военно-политические потрясения «посталександровской эпохи», получала импульс к стабилизации. Так, потоки золота, зерновых и особенно рабов, поступавшие из стран эллинистического Востока, расширяли и укрепляли исторические достижения сугубо «античной модели» социально-экономического развития.

Социально-экономический подъем в последней трети I тыс. до н. э. имел место и в тогдашней *среднеразвитой Индии*, объединившейся в 322 г. до н. э. в единую империю под властью династии Маурьев (322—187 гг. до н. э.). Ее прогресс, в своих отдельных чертах, с некоторыми специфическими отличиями, был результатом социально-экономических реформ, сходных с теми, которые проводились в эллинистических странах. Таковыми реформами были: разделение труда, введение монетного обращения, развитие ирригационного земледелия, ремесел, металлургии и внешней торговли, проведение транспортных развязок, расселение людей по пустовавшим областям страны, градостроительство. Отличительной особенностью развития многих отраслей «маурийской экономики» стало несколько запоздалое распространение железа. Однако именно тогда и началось широкое применение железных орудий труда в сельском хозяйстве, ремесле и других сферах производства [2, 83—85].

Как и в случае с Египтом Птолемеев и Державой Селевкидов, структура экономики маурийской Индии была фрагментирована, многоукладна: с одной стороны, экономически развитые города, а с другой — отдаленная от городов, экономически отсталая периферия, в которой могли сохраняться даже родоплеменные, родовые общественно-экономические отношения [2, 135—136]. Так, в маурийской Индии были регионы «…с более низким, чем в Гангской долине, уровнем социально-экономического развития (пригималайские районы, горные области Виндхья)» [2, 90—91, 102].

Не менее значимым фактором социально-экономического развития тогдашней Индии было землепользование. Будучи ведущим, системно-образующим фактором экономики маурийской Индии, данный общественный институт обусловливал ее определенные экономико-типологические особенности. Например, в среде отечественных и зарубежных индологов издавна существуют самые различные, предельно полярные точки зрения относительно господствовавшей тогда в Индии формы обладания землей. Так, одни ученые, опираясь на доступные им древнеиндийские религиозные тексты и экономико-доктринальные сочинения, в частности на «Артхашастру», утверждают, что в маурийской Индии последней трети I тыс. до н. э. всей землей владело государство в лице царя-правителя. Другие исследователи отстаивают противоположную точку зрения — о господстве в этой стране «неприкасаемого» общинного землевладения. Третьи же убеждены в том, что в Империи Маурьев господствовала частная собственность на землю [2, 105—106].

Так или иначе, но в тогдашней Индии институт землепользования воспроизводил как крупное и среднее частное, так и мелкое общинное землевладение. Причем земля, если только она не была общинным или царским владением, подлежала при некоторых ограничениях свободной купле, продаже, дарению, сдаче в залог или в аренду [2, 108—109]. Царь же мог совершенно свободно распоряжаться только той землей, которая составляла своего рода «царский фонд», не будучи, таким образом, собственником всей обрабатывавшейся в Империи Маурьев земли. Он лишь пользовался правом взимания определенной части урожая, гарантируя землевладельцам их соответствующие хозяйственные права [2, 113—114]. То есть в

маурийской Индии имелись царские, государственные, частные и общинные земли [2, 118]. Таким образом, уже само многообразие форм землевладения обусловливало определенный социально-экономической прогресс данной страны.

Большее распространение в земледелии, ремесленном производстве и в других сферах хозяйствования, по сравнению со II тыс. до н. э. — первой половиной I тыс. до н. э., получил рабский труд. Он применялся в частных, государственных, царских и общинных владениях, но, прежде всего, в экономически наиболее развитых районах маурийской державы. Однако, по аналогии с эллинистическими странами Востока, применение труда рабов в сельском хозяйстве и ремесле не было ни широким, ни тем более преобладающим. Рабский труд попросту не выдерживал конкуренции с общинным и наемным трудом, которые, в свою очередь, выступали фактором, сдерживавшим развитие рабовладения [2, 133, 136, 140].

Процессы социально-экономического развития, производственно-технологического обновления, во многом схожие с теми, которые имели место в IV—II вв. до н. э. в Империи Маурьев, происходили и в таких, на наш взгляд, *среднеразвитых странах Древнего Востока,* как Империя Цинь (221—206 гг. до н. э.) и Империя Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). В этих двух державах уже давно широко использовались железные орудия труда, строились и эксплуатировались ирригационные системы, высокого уровня развития достигли товарно-денежные отношения.

Так, существенная трансформация древнекитайской земледельческой общины проявлялась в виде прогрессировавшего ослабления ее внеэкономического влияния, разительного имущественного расслоения среди самих земледельцев-общинников, утверждения хотя и ограниченного, но гарантированного древнекитайскими законами права частной собственности на землю. Эти факторы уже давно были данностью социально-экономической жизни не только этих двух вышеупомянутых великих империй, но и многих царств тогдашнего Древнего Китая [5, 166—171].

Как и в маурийской Индии, рабский труд в империях Цинь и Хань получил на рубеже тысячелетий импульс к большему применению во всех сферах экономики — в сельском хозяйстве, ремесле, торговле, архитектурном строительстве, военном деле. Например,

именно в Империи Цинь началось активное развитие внутренней работорговли [5, 175—179]. Однако тогдашний древнекитайский тип рабовладения воспроизводил свой сугубо патриархальный, «семейный», т. е. также внеэкономический характер, также будучи совершенно отличным от «классического рабства».

В III—II вв. до н. э., на фоне социально-экономического лидерства древнегреческих полисов, эллинистических держав и Карфагена, продолжалось и успешное социально-экономическое развитие Древнего Рима. Собственно, уже II—I вв. до н. э. были эпохой расцвета древнеримского сельского хозяйства, изначально основанного на мелком и среднем землевладении, которое было как общественным, так и частным [9, 55—56]. Однако важно отметить, что таковое социально-экономическое развитие римского государства также во многом основывалось на постепенном расширении «классического рабовладения». Именно в рамках Pax Romana, прежде всего в Италии, оно достигло своего максимального, даже гипертрофированного уровня развития, апогея.

Так, М.А. Румянцев отмечает: «С притоком после военных побед небывалых прежде богатств (в том числе рабов! — *А.К.*) Рим стал крупнейшим финансовым центром мира. Хозяйственная энергия римлян искала все новые и новые формы приложения, что выразилось в переходе от натурального хозяйства общины земледельцев к многоукладной и многоотраслевой экономике мировой сверхдержавы — imperium Romanum. При этом влияние римской экспансии на экономическое развитие присоединенных земель в целом было благотворным: римляне заботились о земледелии, прокладывали шоссе и дороги; налоги, которые провинции платили метрополии, были даже меньшими, чем ранее» [14, 72].

Однако уже в течение второй половины I в. до н. э. *статус и наиболее развитых, и среднеразвитых стран Древнего мира* принадлежал уже не столько Риму и Италии в целом, переживавшей хозяйственный застой, сколько римским провинциям, располагавшимся в Северной Африке, Западной Европе и Западной Азии. Экономика Греции также пребывала в упадке. Так, военно-политическое подчинение Риму соседних стран и их народов, почти что грабительское изъятие их человеческих, сырьевых и финансовых ресурсов отрицательно сказывались на его собственном социально-экономическом

развитии, прежде всего на развитии земледелия и ремесел. Следствием же применения рабского труда на виллах и в латифундиях, а также потока дешевых зерновых из Сицилии и Египта было тотальное разорение мелких и средних земледельцев в самой Италии.

Таким образом, производство ключевых сельскохозяйственных и многих ремесленных товаров стало практически монополией *динамично развивавшихся западноевропейских и восточных провинций.* Так, известный австрийский экономист Адольф Бэр (1831—1902) отмечал активное социально-экономическое развитие практически всех завоеванных римлянами ареалов: «В провинциях население и благосостояние видимо увеличивались; в Галлии значительными торговыми местами стали Массилия, Виэнна, Лугдунум (Лион), Августодунум (Отен); Испания и Дунайские земли развивались отрадным образом. Из восточных провинций в особенности поднялись Малоазийские земли и Сирия; Смирна, Эфес и Пергам были богатейшими городами; Антиохия, Селевкия, Апамея и Лаодикея отличались многочисленным населением и благосостоянием» [3, 86].

Сама же Римская метрополия, населенная массами обезземеленного, тунеядствовавшего, маргинализированного населения, развращенного бездельем, даровым питанием и зрелищами, стала средоточием лишь финансово-спекулятивных, ростовщических, торгово-подрядных операций. Ввоз же самых разнообразных заморских товаров из провинций в Рим — зерновых, напитков, продуктов питания, украшений, произведений искусства, бытовой утвари, тканей — разительно превосходил вывоз тех или иных отдельных сельскохозяйственных товаров, все еще производившихся в Италии — преимущественно вина и оливкового масла [3, 82—84]. Причем в последние века Империи на производстве даже этих двух пищевых продуктов также стали специализироваться провинции — Испания и Галлия. Поэтому в Италию хлынули поставки дешевого вина и оливкового масла. Ее собственное сельское хозяйство все больше деградировало [16, 235].

Однако именно в течение I — большей части II в. н. э., во многом благодаря фундаментальным институциональным, политическим и социально-экономическим реформам Октавиана Августа и его выдающихся преемников из династий Юлиев-Клавдиев, Флавиев

и Антонинов, имел место апогей социально-экономических достижений греко-римской античной цивилизации. Благодаря сочетанию эллинской культуры с римскими политическими, административными, военными и правовыми институтами, происходила интеграция стран и народов Римской империи в хотя и достаточно фрагментарный, мозаичный, но в целом развитый социально-экономический организм.

Последующий же кризис всей политической и социально-экономической модели греко-римской «городской цивилизации», имевший место в течение значительной части III в. н. э., несмотря на непродолжительную стабилизацию конца III — начала IV в. н. э., был непосредственно связан с объективной производственной ограниченностью и неизбежным исчерпанием «классического рабовладения» [1, 24].

Так, например, одно только достижение Римской империей естественных пределов своей внешней экспансии, наметившееся уже в начале II в. н. э., обусловило резкое сокращение притока рабов из числа военнопленных. Возросшая же внутриимперская коммерциализация способов приобретения существенно подорожавших рабов не могла решить проблемы обеспечения древнеримских сельскохозяйственных, горнодобывающих и ремесленных производств рабочей силой. К тому же финансовые затраты на покупку рабов угрожали своей последующей потенциальной неокупаемостью, обусловливавшейся самим внеэкономическим, насильственным характером трудового принуждения. Болезни, смертность, восстания рабов, низкий уровень рождаемости в их среде обусловливали отсутствие дальнейшего естественного воспроизводства рабской силы в свете ее необходимых количественных масштабов и качественных характеристик.

Другими же весьма значимыми факторами кризиса экономики Империи были: усиливавшееся политическое и социально-экономическое обособление ее крупных провинций [14, 79], нападения варваров, нехватка свободной рабочей силы, инфляция, натурализация налоговой политики, внутриполитические и социальные катаклизмы [6, 54—55, 58, 60], отсутствие существенного технологического развития. Последний же из перечисленных факторов был обусловлен,

в частности, социальной маргинальностью самой сферы любого производительного труда [1, 27—28] и господством паразитарной идеологии потребления.

Так, наибольший кризис, обретший глубокий системно-формационный характер, поразил именно западную часть Империи, для которой было характерно широчайшее применение рабского труда. Тамошняя деградация рабовладельческого строя еще больше, собственно на системном уровне, усугубила социально-экономическое отставание тогдашнего «Запада» от «Востока», вступавшего в эпоху своего имперского политического возвышения.

По сути, социально-экономическая несостоятельность самой широкой, раздутой до невероятных масштабов эксплуатации рабского труда была обусловлена ее объективно ограниченными, иссякавшими возможностями по освоению тех или иных материальных ресурсов, прежде всего земли, с целью извлечения прибавочного продукта и накопления капитала. Таким образом, даже масштабнейшая внеэкономическая «аннексия чужого труда» обеспечивала, в сущности, при тогдашнем минимальном технологическом прогрессе, относительно небольшой производственный и, что не менее важно, рыночно-потребительский эффект, если принимать в расчет все социальные страты тогдашней Римской империи. К тому же, как уже было отмечено, сами внутренние и внешние источники изъятия рабов постепенно, но неумолимо иссякали.

Все данные исторические факторы и обусловили *переходный тип* позднеримской, прежде всего поздней западно-римской социально-экономической системы — колоната, проявившейся в постепенной, хотя и достаточно болезненной, непоследовательной трансформации ранее рабовладельческих хозяйств в феодальные.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно заключить следующее.

На различных отдельных этапах рассматриваемой нами исторической эпохи, т. е. с конца IV тыс. до н. э. — до середины I тыс. н. э., имели место *преимущественно двухсоставная и трехсоставная модель социально-экономической типологии стран Древнего мира.*

Так, страны Древней Месопотамии, Древний Египет, Финикия, Древняя Индия, Древний Китай, Древняя Греция, Карфаген,

Древний Рим составляли *условные типологические группы стран в рамках следующих условных моделей:*

I. *Двухсоставная модель:* 1) группа наиболее развитых стран; 2) группа наименее развитых (отсталых) стран;

II. *Трехсоставная модель:* 1) группа наиболее развитых стран; 2) группа среднеразвитых стран; 3) группа наименее развитых (отсталых) стран.

Цельная история формирования и трансформации таковых моделей выражалась в экономико-иерархическом соотношении между указанными типовыми группами стран. Она представляла собой изначальное и последующее, достаточно неравномерное, «разновекторное» развитие и доведение до предела возможностей производительных сил и производственных отношений, которые были свойственны хозяйственным системам стран Древнего мира.

Так, становление *«первой волны» экономически наиболее развитых стран Древнего мира — держав Месопотамии, Египта, Хараппской цивилизации в Индии* — состоялось в свете того, что их народы стали первыми социальными общностями, завершившими переход от родоплеменного строя и присваивающего образа жизни к социально стратифицированному обществу и производительному хозяйству. Их технологии материального производства, формы подчинения природы производственным потребностям, организация хозяйственной деятельности, социальная стратификация в отношении собственности на средства производства обусловливали их существенное, выгодное типологическое отличие от *стран/народов, бывших в тот период менее развитыми в указанном отношении (ранние Хетты, ранний Элам, остальной доахеменидский Иран, Шан-Инь в Китае).* С другой же стороны, указанные системные компоненты экономик наиболее развитых стран «первой волны» с течением столетий неизбежно демонстрировали и свою определенную историческую ограниченность.

Поэтому *появление наиболее развитых стран «второй волны» — полисов Древней Греции, городов-царств Финикии, Карфагена, ранней Римской республики — и, в свою очередь, смещение Древнего Египта, держав Древней Месопотамии, царств Древней Индии и Древнего Китая к статусу среднеразвитых стран* было обусловлено далеко не только такими важными факторами, как,

например, существенное расширение передовыми странами географического ареала своей социально-экономической деятельности (торговая колонизация Средиземноморья) и усиленное развитие земледелия, а также других перспективных отраслей их экономик.

Так, ключевым фактором социально-экономического возвышения Древней Греции над *среднеразвитыми и наименее развитыми (отсталыми) странами Древнего мира* стала, на наш взгляд, «интенсификация» рабовладельческих отношений, обусловившая *становление в Афинах, Спарте, Коринфе и других полисах «классического рабовладения».*

Таким образом, воспроизводство в целом достаточно различных моделей социально-экономического подчинения, в свете различного соотношения рабского труда с другими формами зависимости/эксплуатации, и обусловливало более динамичное, более диверсифицированное развитие одних стран Древнего мира и менее динамичное, менее диверсифицированное — других. Не менее важное значение для их социально-экономического развития имели и различные формы собственности на средства производства, прежде всего на землю, более или же менее быстрый переход от общественного и государственного владения землей к частной собственности на нее.

Процесс становления вышеуказанных типовых групп стран также опосредовался весьма значимыми военно-политическими процессами, собственно процессами и итогами внешней экспансии одних стран Древнего мира в отношении других. Так, «догоняющее» социально-экономическое развитие Ассирии имело место в связи завоеванием ею Финикии. Результатом греко-македонских завоеваний Древнего Египта, держав Месопотамии, Державы Ахеменидов, отдельных царств Древней Индии стало привнесение в эти страны Востока некоторых важных элементов социально-экономического развития, свойственных развитым античным странам. В связи с этим эллинистические страны — *Лагидское царство, Держава Селевкидов, Пергамское, Индо-Греческое и Греко-Бактрийское царства* — обрели некоторые важные компоненты хозяйственных систем передовых античных стран. Благодаря им *эти державы могут ассоциироваться с тогдашними среднеразвитыми, развивавшимися странами,*

воспроизводя также определенные черты стран «догоняющего развития». Схожие процессы социально-экономического обновления имели тогда место и в империях Маурьев, Хань и Цинь.

В свою очередь, наивысшее социально-экономическое развитие Древнего Рима, собственно Римской метрополии и ее отдельных провинций, имевшее место в I—II вв. н. э., воспроизводит их принадлежность *к группе тогдашних наиболее развитых и среднеразвитых стран Древнего мира соответственно.*

Так, с одной стороны, в свете сконструированной нами теоретико-типологической парадигмы принадлежность Рима и Италии в целом к *группе наиболее развитых стран* была обусловлена, прежде всего, максимальным развитием, доведением до предела социально-экономических возможностей «классического рабовладения». С другой же, т. е. с фактической стороны, при достигнутом тогда Римом положении военно-политической метрополии, его социально-экономическая система переживала некоторый застой и упадок. Это было обусловлено тем, что владычество Рима над человеческими и природными ресурсами покоренных им народов, безграничная эксплуатация им аграрной, ремесленной и иной продукции, производимой *во все более развивавшихся провинциях,* привели к упадку в развитии его собственных производительных сил.

Однако пик развития, кризис и разложение рабовладельческого строя в Италии и западных провинциях Римской империи свидетельствовали о том, что именно Древнему Риму удалось достичь максимума в развитии производительных сил и производственных отношений эпохи Древнего мира. Сам переход к развитию иного, более прогрессивного способа производства — феодального наиболее динамично культивировался посредством системы колоната именно в Западной Римской империи.

Таким образом, опережающий социально-экономический прогресс западноевропейских стран стал исторической данностью уже на завершающей стадии эпохи Древнего мира. Он был обусловлен: а) развитием передового способа производства — «классического рабовладения»; б) доведением его до максимума; в) последующим переходом к более прогрессивному способу производства — феодальному.

Литература

1. *Андерсон П.* Переходы от античности к феодализму / Пер. с англ. А. Смирнова; под ред. Д.Е. Фурмана. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. 288 с.

2. *Бонгард-Левин Г.М.* Индия эпохи Маурьев. М.: Наука, 1973. 407 с.

3. *Бэр А.* История всемирной торговли / Пер. с нем. Э. Циммерман. М.: Издание К.Т. Солдатенкова, 1876.

4. *Гулишамбаров Ст.О.* Всемірная торговля въ XIX в. и участіе въ ней Россіи. С.-Петербургъ.: Типографія Киршбаума, Дворцовая площадь, д. М-ва Финансовъ, 1898.

5. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / Гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. II. Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. — III в. н.э.); отв. ред. Л.С. Переломов; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2016. 687 с.

6. *Камерон Р.* Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней / Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 544 с.

7. *Муравьева Л.А.* Финансово-экономическое развитие Древнего Египта // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 6 (204). С. 57—64.

8. *Муравьева Л.А.* Финансово-экономическое развитие Древнего мира // Учет. Анализ. Аудит. 2015. № 1. С. 133—143.

9. *Муравьева Л.А.* Финансово-экономическое развитие Древнего Рима // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 17 (263). С. 55—64.

10. *Муравьева Л.А.* Финансово-экономическое развитие Древней Греции // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 5 (251). С. 58—68.

11. *Муравьева Л.А.* Финансово-экономическое развитие Месопотамии // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 27 (225). С. 56—64.

12. *Муравьева Л.А.* Экономика и финансы Античного мира // Учет. Анализ. Аудит. 2016. № 4. С. 99—111.

13. *Попов А.А.* Греко-бактрийское царство. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 240 с.

14. *Румянцев М.А.* Хозяйственная система Античности // Христианское чтение. 2010. № 4 (35). С. 64—84.

15. *Тихонов В.А.* К вопросу об экономической специфике эллинистического Египта // Вестник Московского финансового юридического университета. 2015. № 4. С. 183—195.

16. Экономическая история мира: В 6 т. / Под ред. М.В. Конотопова. Т. 1. М.: КНОРУС, 2008. 496 с.

References

1. *Anderson P.* Perekhody ot antichnosti k feodalizmu / Per. s angl. A. Smirnova; pod red. D.E. Furmana. M.: Izdatel'skij dom «Territoriya budushchego», 2007. 288 s.

2. *Bongard-Levin G.M.* Indiya epohi Maur'ev. M.: Nauka, 1973. 407 s.

3. *Ber A.* Istoriya vsemirnoj torgovli / Per. s nem. E. Cimmerman. M.: Izdanie K.T. Soldatenkova, 1876.

4. *Gulishambarov St.O.* Vsemirnaya torgovlya v" XIX v. i uchastie v" nej Rossii. S.-Peterburg".: Tipografiya Kirshbauma, Dvorcovaya ploshchad', d. M-va Finansov", 1898.

5. Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka: V 10 t. / Gl. red. S.L. Tihvinskij. T. II. Epoha CHzhan'go, Cin' i Han' (V v. do n.e. — III v. n.e.); otv. red. L.S. Perelomov; In-t Dal'nego Vostoka RAN. M.: Nauka — Vost. lit., 2016. 687 s.

6. *Kameron R.* Kratkaya ekonomicheskaya istoriya mira. Ot paleolita do nashih dnej / Per. s angl. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2001. 544 s.

7. *Murav'eva L.A.* Finansovo-ekonomicheskoe razvitie Drevnego Egipta // Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet. 2012. № 6 (204). S. 57—64.

8. *Murav'eva L.A.* Finansovo-ekonomicheskoe razvitie Drevnego mira // Uchet. Analiz. Audit. 2015. № 1. S. 133—143.

9. *Murav'eva L.A.* Finansovo-ekonomicheskoe razvitie Drevnego Rima // Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet. 2013. № 17 (263). S. 55—64.

10. *Murav'eva L.A.* Finansovo-ekonomicheskoe razvitie Drevnej Grecii // Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet. 2013. № 5 (251). S. 58—68.

11. *Murav'eva L.A.* Finansovo-ekonomicheskoe razvitie Mesopotamii // Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet. 2012. № 27 (225). S. 56—64.

12. *Murav'eva L.A. E*konomika i finansy Antichnogo mira // Uchet. Analiz. Audit. 2016. № 4. S. 99—111.

13. *Popov A.A.* Greko-baktrijskoe carstvo. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2008. 240 s.

14. *Rumyancev M.A.* Hozyajstvennaya sistema Antichnosti // Hristianskoe chtenie. 2010. № 4 (35). S. 64—84.

15. *Tihonov V.A.* K voprosu ob ekonomicheskoj specifike ellinisticheskogo Egipta // Vestnik Moskovskogo finansovogo yuridicheskogo universiteta. 2015. № 4. S. 183—195.

16. Ekonomicheskaya istoriya mira: V 6 t. / Pod red. M.V. Konotopova. T. 1. M.: KNORUS, 2008. 496 s.

III

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Д.С. УШАКОВ

Стоимость без субстанции: основания конфигурационной политической экономии*

Аннотация. В статье обосновывается конфигурационное понимание стоимости, при котором стоимостной эффект порождается не субстанцией, предшествующей обмену, а неравной устойчивостью вступающих в него позиций. Показано, что трудовая и субъективная теории стоимости разделяют общее субстанциальное допущение, приводящее обе к неразрешимой проблеме меры. С опорой на Марксов анализ товарного фетишизма субстанциальная видимость стоимости выведена из строения обмена как объективная и необходимая. Проведено размежевание с реляционными теориями стоимости (И.И. Рубин, школа анализа формы стоимости, Д. Грэбер) и с институционализмом. Раскрыты два рода перепада между позициями обмена — по устойчивости и по неравенству удержанного сторонами друг о друге; определено место темпоральной теории стоимости как измерительного уровня конфигурационной; денатурализован вопрос о происхождении прибавочной стоимости. Сформулировано условие эмпирической опровержимости предложенного понимания. Результаты применимы к анализу платформенной экономики, ренты, долга и финансовых форм капитала; статья определяет программу конфигурационной политической экономии как нового направления политико-экономических исследований.

Ключевые слова: стоимость, конфигурация, асимметрия обмена, субстанциализм, товарный фетишизм, прибавочная стоимость, темпоральная теория стоимости, платформенная экономика, конфигурационная политическая экономия.

Abstract. The article substantiates a configurational understanding of value, in which the value effect is generated not by a substance preceding exchange but by the unequal stability of the positions entering into it.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ушаков Д.С. Стоимость без субстанции: основания конфигурационной политической экономии // Философия хозяйства. 2026. № 5. С. 83—102. DOI: 10.5281/zenodo.23559973.

It is shown that the labor theory and the subjective theory of value share a common substantialist assumption leading both to an insoluble problem of measure. Drawing on Marx's analysis of commodity fetishism, the substantial appearance of value is derived from the structure of exchange as objective and necessary. The proposed understanding is demarcated from relational theories of value and from institutionalism. Two kinds of gradient between exchange positions are revealed — in stability and in what the parties retain about each other; the temporal theory of value is defined as the measurement level of the configurational one; the question of the origin of surplus value is denaturalized. A condition of empirical refutability is formulated. The results apply to the analysis of platform economy, rent, and financial forms of capital; the article outlines configurational political economy as a new research direction.

Keywords: value, configuration, asymmetry of exchange, substantialism, commodity fetishism, surplus value, temporal theory of value, platform economy, configurational political economy.

УДК 330.101
ББК 65.01

Введение

Вопрос об основании соизмеримости обмениваемых вещей старше политической экономии на два тысячелетия. В пятой книге «Никомаховой этики», разбирая справедливость обмена, Аристотель указывает его непременное условие: «всё, что участвует в обмене, должно быть каким-то образом сопоставимо» [1, 156]. Основание сопоставимости он ищет не внутри вещей, а в нужде людей друг в друге, а монету, заступающую место потребности, считает существующей условно, поскольку «по общему уговору появляется монета; оттого и имя ее “номисма”, что она существует не по природе, а по установлению» [1, 156]. Соизмеримость у Аристотеля учреждена, но не найдена. А. Смит и Д. Рикардо исследуют тот же вопрос, помещая искомое внутрь самой вещи, где соизмеримыми товары делает вложенный труд, содержащийся в них до всякого обмена и лишь обнаруживаемый ценою. К. Маркс доводит этот ответ до предела, определяя товары как сгустки лишенного различий человеческого труда,

соизмеримые «как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции» [9, 46]. С этого определения субстанция стоимости на два столетия становится осью всякого спора о ее природе.

Маржиналистский переворот 1870-х гг., связанный с именами У.С. Джевонса, К. Менгера и Л. Вальраса, считается сменой оснований экономической науки. Сменился, однако, лишь ответ. Отвергнув труд как источник ценности, маржиналисты сохранили сам вопрос о том, что содержится в благе прежде обмена, и на освободившееся место поставили полезность. К. Менгер, отказывая ценности в присущности вещам, переносит ее в оценивающее сознание: «Ценность — это суждение, которое хозяйствующие люди имеют о значении находящихся в их распоряжении благ для поддержания их жизни и благосостояния, и потому вне их сознания она не существует» [10, 132]. Отрицание присущности оказалось половинчатым. Ценность, перестав быть свойством товара, осталась величиной, предшествующей обмену и лишь выражаемой в цене, а ее вместилищем, взамен вещи, сделалось сознание хозяйствующего лица. Дальнейший спор трудовой и субъективной школ идет не о том, содержится ли ценность где-либо до обмена, а о том, где именно она содержится, в затраченном труде или в переживании полезности. Отечественная экономическая мысль попыталась этот спор преодолеть. М.И. Туган-Барановский доказывал, что предельные полезности свободно воспроизводимых благ пропорциональны их трудовым стоимостям, и две теории, соответственно, не исключают, а подтверждают друг друга [18]. Соединение ответов, однако, не затронуло самого вопроса: обе величины, приведенные в пропорцию, остались величинами, предшествующими обмену.

За различием ответов стоит общее допущение, обеими сторонами принятое за очевидность: стоимость мыслится свойством, а свойству необходим носитель. Трудовая школа помещает носителя в товар, субъективная — в сознание, но в обоих случаях воспроизводится одно и то же устройство, в котором есть вместилище, содержимое и цена, выражающая содержимое вовне. Обмену в таком устройстве не остается ничего, кроме обнаружения: стоимость создана прежде него (трудом в производстве либо оценкой в сознании), и рынок лишь выводит готовую величину на поверхность. Двухвековой спор о природе стоимости предстает при этом спором о значении од-

ной переменной внутри уравнения, которое само ни разу не пересматривалось. Расходясь в том, чем наполнено вместилище, стороны согласны в том, что вместилище есть.

Оба решения испытывают затруднение в одном и том же — при попытке измерить названную субстанцию. Маркс, признавая, что сведение сложного труда к простому не располагает собственным масштабом, пишет: «Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей и потому кажутся последним установленными обычаем» [9, 53]. О. Бём-Баверк усмотрел в этом признании круг, поскольку пропорции сведения берутся из действительных меновых отношений, т. е. из того самого, что закону стоимости надлежало объяснить [2]. Субъективная школа подошла к измерительному пределу по-другому. Полезность, помещенная в сознание хозяйствующего лица, не допускает межличностного сопоставления, и В. Парето, заменивший количественную меру полезности порядком предпочтений, отступил тем самым от субстанции к чистому отношению [14]. Провал повторился и у объективной субстанции, и у субъективной, и дважды в точке меры. Такая настойчивость допускает объяснение проще, чем недоработанностью двух великих традиций: измерению не поддается то, чего в измеряемом месте нет.

Столетия поиска содержимого, завершившиеся двумя неизмеримыми субстанциями, наделяют правомерностью гипотезу, совершенно противоположную, о том, что стоимость нигде не содержится, а возникает в самом обмене как эффект несовпадения вступающих в него сторон. Вопрос о ее природе требует не нового кандидата на освободившееся место, а отказа от самого места; исследования не содержания вещи, а обменивающихся сторон и степени их неравности в обмене.

Цель настоящей статьи состоит в обосновании конфигурационного понимания стоимости, при котором стоимостной эффект порождается асимметрией позиций, вступающих в обмен, а не субстанцией, предшествующей ему. Для этого в работе доказана выводимость субстанциальной видимости стоимости из строения самого обмена (в существенной части ее вывел уже Маркс в анализе товарного фетишизма); предлагаемое решение отделено от реляционных теорий стоимости, остановившихся между субстанцией и отношением;

раскрыто строение конфигурации, производящей стоимостной эффект; наконец, определено место темпоральности в конфигурационной стоимости.

Методологическим основанием служат историко-критическая реконструкция допущений, общих для конкурирующих теорий стоимости, и онтология удержания, развитая автором ранее [19; 20], в которой существование не предполагает субстанции-носителя, а устойчивость сущего понимается как удерживаемость его конфигурации. К искомой теории предъявляется требование опровержимости: конфигурационное понимание стоимости должно допускать эмпирическую проверку, отделяющую его от спекулятивных построений. Предмет статьи ограничен природой стоимости; вопросы ценообразовательной политики и справедливости распределения остаются за его пределами.

Субстанция как видимость: урок товарного фетишизма

Субстанцию стоимости Маркс поместил в товар и в той же главе показал, что вещный характер стоимости есть видимость, порождаемая строем производства. Товарная форма, пишет Маркс, есть «лишь определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами» [9, 82]. Эта видимость объективна. Частные работы связываются в общественный труд только через обмен продуктами, и потому общественная связь действительно дана каждому производителю лишь в вещной форме — иной формы ее данности строй частного производства не содержит. Производителям отношения их работ «кажутся именно тем, что они представляют собой на самом деле», т. е. «вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей» [9, 83]. Неверна здесь не картина, которую видит производитель, а допущение, что видимая картина и есть устройство. Оттого видимость устойчива к научному объяснению: открытие природы стоимости, отмечает Маркс, «отнюдь не рассеивает вещной видимости общественного характера труда» [9, 84], поскольку ее основание лежит в организации производства, а не в состоянии знаний о ней.

Объективная видимость задает критерий, которому обязана удовлетворять теория стоимости: если стоимость с необходимостью предстает свойством вещи, теория должна эту необходимость выве-

сти. Субстанциальным теориям такой вывод недоступен, и недоступен не по слабости исполнения. Для них видимости не существует — стоимость выглядит свойством вещи, потому что она и есть свойство вещи, и объяснять здесь нечего. Субстанциализм не проваливает объяснение кажимости, он лишен самого вопроса о ней. Вопросом располагает лишь теория, помещающая стоимость в отношение, поскольку только для нее между устройством стоимости и ее вещным обликом есть расстояние, требующее объяснения. Марксов анализ фетишизма содержит и вопрос, и первый ответ: общественная связь, данная исключительно в форме обмениваемых вещей, не может являться иначе, чем свойством этих вещей.

Анализ фетишизма оставляет собственную программу невыполненной: почему отношение является в вещной форме, доказано, но само отношение охарактеризовано лишь отрицательно (через то, чем оно не является). Поправка Маркса к Галиани обнаруживает предел: сказавшему, что стоимость есть отношение между лицами, «следовало бы добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой» [9, 84], однако какое строение имеет само это отношение, из чего в нем возникает величина стоимости, а не только ее вещная форма, первая глава «Капитала» не устанавливает. Счетную сторону теории целиком несет субстанция, рабочее время; отношению оставлена объяснительная. Тем самым стоимость получает устройство из одного источника, а меру из другого, и вопрос о том, способно ли отношение нести обе нагрузки, в Марксовой теории не поставлен. Конфигурационное понимание стоимости начинается с этого, продолжая Марксов анализ, а не пересматривая его.

В Марксовых формулах то, что порождает видимость, остается безымянным. Собственное общественное движение людей принимает, пишет Маркс, «форму движения вещей, под контролем которого они находятся, вместо того чтобы его контролировать» [9, 85]. Движущееся и контролирующее далее именуется конфигурацией: устойчивым строением отношений между позициями, которое не дано целиком ни одной из этих позиций и потому предстает каждой внешней вещной силой. Понятие опирается на онтологию удержания [19], в которой существовать — значит удерживаться, а устойчивость строения не предполагает субстанции-носителя. Отсюда точный статус субстанции стоимости. Она не истина и не заблуждение, а форма, в которой удерживающееся отношение дано занимающему позицию

внутри него, и этим объясняется неразрешимость ранее обозначенного спора: обе школы искали в форме явления то, что производится строением отношения.

Реляционные теории стоимости: полуотказ от субстанции

К вопросу о строении стоимостного отношения ближе всех подошел И.И. Рубин, взявший Марксово учение о фетишизме не как социологическое дополнение к теории стоимости, а как ее основание. Общепринятая формулировка сводила фетишизм к тому, что за отношениями вещей скрыты отношения людей; Рубин настаивал на обратном: «Маркс показал не только то, что под отношениями вещей скрываются производственные отношения людей, но и что, обратно, в товарном хозяйстве общественные производственные отношения людей неизбежно принимают вещную форму и не могут проявляться иначе, как через посредство вещей» [16]. Вещная форма понята здесь как единственный способ существования отношений в товарном хозяйстве, и этим положением Рубин вплотную подошел к выводу субстанциальной видимости из строения обмена. Но не далее: форма стоимости осталась в его построении формой труда: абстрактный труд сохранил положение содержания, коренящегося в производстве, а истолкования его взглядов в духе «примата обмена над производством» и «перенесения абстрактного труда в фазу обмена» Рубин отклонял как неверные [16]. Строение содержания, формы и величины сохранилось полностью, и место порождающего начала в нем по-прежнему занимает труд, тогда как форме отведено выражение уже созданного. Изменилось понимание того, как стоимость является; понимание того, откуда она возникает, осталось прежним.

Противоположную границу реляционного движения обозначила западногерманская школа анализа формы стоимости, прежде всего Г. Бакхаус и Г. Райхельт. Абстрактный труд в их истолковании не предшествует обмену, а конституируется им; стоимость целиком принадлежит форме, и никакого содержания, существующего до менового отношения и независимо от него, теория допускать не должна [23; 25]. Отказ от субстанции доведен до конца, но вместе с субстанцией из теории ушел и источник величины. Строение формы объясняет, почему стоимость общественна и является в вещном облике, однако не объясняет, почему данный товар обменивается на данное

количество другого (у чистой формы нет измерения, в котором величины различались). Количественная сторона теории стоимости, которую субстанциальная линия удерживала рабочим временем, повисла без опоры, и программа анализа формы осталась незавершенной в положении, ради которого теория стоимости существует. Рубин сохранил меру ценой возврата содержания, форманалитики освободились от содержания ценой меры.

Собственный выход из субстанциализма предложила экономическая антропология. Опираясь на традицию М. Мосса и на анализ обществ с неразвитым обменом, Д. Грэбер определил стоимость как значимость действия внутри социального целого: ценно то, в чем общество узнает вклад в собственное воспроизводство, и потому граница между экономической стоимостью и ценностью символической проведена быть не может [24]. Это расширение открыло для теории недоступный политической экономии материал от дарообмена до ритуальных иерархий. Однако целое, из которого Грэбер выводит значимость (общество как воображаемая тотальность), не допускает никакого исчисления по построению. Величина у Грэбера не потеряна, как у форманалитиков, а исключена из предмета; вопрос о том, почему товары обмениваются в определенных пропорциях, заменен вопросом о том, почему действия признаются значимыми.

Рубин удержал количественную сторону теории, вернув труду положение содержания; школа анализа формы отказалась от содержания и оставила величину без основания; Грэбер вывел величину за пределы предмета. Всякий раз выбор оказывается выбором между субстанцией и мерой, и это не совпадение трех неудач, а следствие общей неполноты: во всех трех построениях отношение берется как таковое, без внутреннего строения. Лишенное строения отношение способно нести форму стоимости, ее общественный характер, ее вещный облик, но не величину, поскольку величине требуется различие — нечто неравное внутри самого отношения, что допускало бы исчисление. Субстанция потому и возвращается в реляционные теории, что она была единственным известным политической экономии носителем различия: товары различались количеством вложенного труда там, где отношение, взятое без строения, давало одну лишь всеобщую соизмеримость. Реляционное понимание стоимости нуждается не в дальнейшем очищении от субстанции, а в ответе на вопрос,

который субстанция закрывала собой: что именно в отношении обмена неравно и потому исчислимо.

Конфигурация обмена: асимметрия как источник стоимостного эффекта

Спор о субстанции заслонял общее, что сохранялось у всех его участников. Аристотель называет равенство и соизмеримость условием самого обмена. У Рикардо и Маркса в обмене встречаются равные количества овеществленного труда, и условие задачи о прибавочной стоимости Маркс формулирует так: «Наш владелец денег, который представляет собой пока еще только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь в конце этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение в бабочку, в настоящего капиталиста, должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения» [9, 177]. Маржиналисты, сменив субстанцию, сохранили то же основание в виде равновесия, в котором предельные оценки сторон приведены к совпадению. Обмен, каким его знает теория стоимости, есть обмен равного на равное. Равенство объясняет многое: и саму возможность обмена, и его взаимную выгодность. Не объясняет оно устойчивого превышения выручаемого над затраченным. Примечателен вывод экономической ортодоксии: в условиях совершенной конкуренции, т. е. при выровненных позициях всех участников, экономическая прибыль равна нулю, и прибыль появляется лишь вместе с асимметрией — барьером входа, монопольным положением, рентой. Неоклассика установила этот факт, но не сделала из него вывода о природе стоимостного эффекта. Вывод же напрашивается: если при равенстве позиций превышение исчезает, а при неравенстве возникает, то источник его — само неравенство позиций, и вопрос теории стоимости есть вопрос о строении этого неравенства.

Неравенство позиций обмена принято описывать перечнем обстоятельств: размером капитала, доступом к информации, переговорной силой, числом альтернатив. Это верно, но не объясняет, почему разнородные обстоятельства действуют в одну сторону и суммируются в единый результат. Общее у них обнаруживается на онтологическом уровне. Всякая экономическая позиция — предприятие, до-

мохозяйство, работник на рынке труда — есть конфигурация, удерживающая себя без каких-либо гарантий: ее устойчивость не обеспечена ничем, кроме продолжающегося удержания, и возможность распасться присуща ей в каждый момент [19]. Позиции различаются строением этой негарантированности. Для одной конфигурации обмен встроен в само ее удержание: не обменявшись, она перестает удерживаться (работнику без продажи очередного рабочего дня нечем продолжить существование, должнику без очередной выручки нечем обслужить долг). Для другой тот же обмен внешен ее удержанию: не состоявшись, он ничего в ее устойчивости не меняет. Капитал располагает целым арсеналом устройств, выносящих обмен за пределы собственного удержания: ограниченной ответственностью, юридическим бессмертием фирмы, диверсификацией, хеджированием, запасом ликвидности. Перечисленные обстоятельства оказываются частными выражениями одного различия: насколько удержание позиции зависит от данного акта обмена. Это различие актуально, а не предположительно — оно есть строение конфигурации в момент сделки, а не чей-либо прогноз.

Стоимостной эффект выводится из этого различия. Сторона, чье удержание проходит через данный обмен, не может из него выйти: отказ от сделки для нее равнозначен началу распада, потому она принимает любые условия. Сторона, для которой обмен внешен, может ждать, выбирать, отказываться, и эта возможность, ничего ей не стоя, оплачивается контрагентом. Разница условий, на которых две неравно устойчивые позиции входят в один и тот же обмен, и есть стоимостной эффект: он возникает не в вещи и не в затратах, а в перепаде между позициями. Отсюда следствие, эмпирически проверяемое: час одного и того же труда не имеет единой цены. Продается не час как количество, а час в определенной позиции, и чем полнее удержание продавца зависит от продажи, тем дешевле обходится покупателю то же самое количество. Ставка мигранта с истекающим статусом, расценки платформенного исполнителя, вынужденного принимать заказы без права на простой, заработок должника, лишенного возможности ждать, различаются не производительностью и не общественно необходимым временем — они различаются степенью, в которой продавец не может не продать. Прибавок в этом строении не создается обменом и не извлекается из вещи: он есть разность

между тем, что уступает связанная позиция, и тем, что уступила бы свободная, — перепад, ставший величиной.

Перепад устойчивости принимает разные формы, и классические категории политической экономии описывают его частные случаи. Эксплуатация — перепад в чистом виде: продавец рабочей силы связан воспроизводством собственного существования, покупатель огражден капиталом, и разность их положений оседает в норме прибавочной стоимости. Рента — перепад, закрепленный барьером: позиция, контролирующая невоспроизводимое условие (землю, лицензию, инфраструктуру), устойчива самим фактом контроля, тогда как нуждающиеся в этом условии им связаны. Платформенное ценообразование — непрерывно производимый перепад: алгоритм назначает цену каждому исполнителю по измеренной готовности принять ее, т. е. по степени его связанности. Сюда же встраивается инновационная прибыль: новатор получает превышение, пока асимметрия знания не выровнена, и превышение это исчезает по мере распространения технологии — временность шумпетеровской прибыли, необъяснимая из затрат труда, вложенного в новшество ничуть не больше прежнего, прямо следует из конфигурационного устройства [22]. Наряду с этим существует перепад другого рода — не по устойчивости позиций, а по удержанному ими. Кредитная история, рейтинг, транзакционные данные образуют асимметрию накопленного: платформа удерживает о работнике все, работник о платформе ничего, и описанная насквозь позиция становится исчислимой, предсказуемой, заменимой, т. е. менее устойчивой самим фактом чужого знания о ней. Долг соединяет обе формы: удержанное обязательство принуждает должника продолжать обмен на любых условиях, превращая накопленное прошлое в связанность настоящего. Финансовый капитал в этом описании — институционально удержанное, предъявляющее права на всякое живое удержание.

Перепад межпозиционен, не дан участнику обмена: позиция видит лишь вещи, цены и контрагентов. Устойчивый перепад порождает устойчивые пропорции обмена, а устойчивая пропорция, воспроизводясь при каждой сделке, читается как свойство самой вещи — так неравенство положений оседает в цене и предстает содержащимся в товаре. Стоимость выглядит субстанцией с необходимостью: единственная форма, в которой перепад доступен занимаю-

щему позицию, — это цены вещей. Субстанциализм тем самым выведен из строения обмена, а не опровергнут. Мера перепада не требует ни прогнозов, ни допущений о будущем. Степень связанности позиции наблюдаема ретроспективно: в периодичности, с которой позиция вынуждена возобновлять обмен, чтобы не распадаться, в ее фактической способности отказываться от сделок, в цене, которую ей стоит простой. Отсюда условие опровержимости конфигурационного понимания: если ценовые дифференциалы не коррелируют с измеримыми асимметриями положений при контроле производительности, теория ложна. Платформенная экономика, где связанность исполнителей измеряется самим алгоритмом и оседает в данных, предоставляет для такой проверки готовый материал.

Дление, время и мера стоимости

Мера перепада, предложенная выше, темпоральна (периодичность вынужденного возобновления обмена, цена простоя, способность ждать), равно как субстанция у классиков — рабочее время у Рикардо и Маркса, а в новейшей теории жизненное время. Настойчивость, с которой время возвращается во всякую попытку считать стоимость, требует объяснения, лежащего в различии, которое экономическая мысль не проводила. Удержание конфигурации есть дление — непрерывность самого держания, еще никак не размеченная и не считаемая. Время ему не тождественно, им дление становится, когда на него наложена разметка — сетка равных единиц, календарь, срок, тариф, рабочий день. Измерить можно только размеченное, и все счетное в хозяйственной жизни, необходимое обмену, принадлежит этому. Сделка требует общей меры для несопоставимых удержаний, а единственная разметка, наложимая на любое удержание без остатка, — темпоральная, поскольку всякое удержание длится: труд, аренда, кредит, поставка приводимы к срокам там, где ни к весу, ни к полезности без остатка не приводимы. Стоимость, возникая из перепада между позициями, считаться может только во времени.

Измерение стоимости в конфигурационном понимании берет на себя экзистенциально-темпоральная теория, определяющая стоимость через жизненное время как невосполнимый ресурс [21]. Время выступает в ней субстанцией стоимости, и на уровне измерения это оправданно: жизненное время есть предельно незащищенная форма

удержания, единственная, которую нельзя оградить — фирму защищает ограниченная ответственность, капитал хеджируется, смертного носителя не защищает ничто, и то, что не поддается никакой защите, законно выглядит последним основанием всякой цены. Конфигурация необходимо присутствует в самой теории. Индивидуальная темпоральная стоимость определена в ней как произведение затраченного времени на индекс ценности свободного времени производителя, агрегирующий доступность альтернатив: равные затраты времени дают разные стоимости, и вся разница создается множителем — строением положения производителя, тем самым, что выше названо связанностью позиции. Временной сомножитель обеспечивает счет, позиционный множитель — величину. Темпоральный разрыв, из которого выводится прибавочная стоимость, есть перепад между положениями работника и потребителя, записанный в единицах времени. Темпоральная теория, соответственно, измеряет то, что конфигурация порождает, и точность ее измерений — свидетельство общего строения.

Время есть то, в чем стоимость считается; конфигурация — то, из чего она возникает. Двухвековой субстанциализм держался на смешении происхождения и измерения: то, что одновременно и порождает стоимость, и служит ее мерой, есть субстанция по классическому определению, и рабочее время у Рикардо и Маркса занимало именно такое двойное положение — источника и меры сразу. Стоило измерительной сетке совпасть с порождающим основанием, и вопрос о происхождении стоимости закрылся видимостью ответа. Конфигурационное понимание это смешение устраняет. Порождение принадлежит перепаду между позициями и никакой меры само по себе не содержит; измерение принадлежит временной разметке и само по себе ничего не порождает. Темпоральная запись стоимости, взятая в этих границах, составляет измерительный уровень конфигурационной теории: без него перепад оставался бы величиной без единицы, без конфигурационного основания счет оставался бы счетом без источника. Вопрос, откуда стоимость, и вопрос, сколько ее, получают раздельные ответы внутри одного устройства, и раздельность этих вопросов, не проведенная ни классической, ни субъективной школой, составляет условие, при котором теория стоимости вообще способна быть завершенной.

Денатурализация прибавочной стоимости

Вопрос о происхождении прибавочной стоимости, вокруг которого выстроена классическая политическая экономия, содержит невысказанную предпосылку: в самой его постановке превышению уже положено быть, и открытым остается лишь источник. Предпосылка эта не онтологична, а исторична. Капитализм есть строй, в котором превышение вменено институционально как условие продолжения всякой конфигурации: предприятие без прибыли теряет кредит, кредит без обслуживания — обеспечение, контракт без выгоды не возобновляется, и хозяйственная единица, не производящая превышения, выбывает не потому, что не может держаться, а потому, что строй не продлевает удержания без прибыли. Вмененное требование, пройдя через все институты, натурализовалось до закона, и политическая экономия приняла требование строя за свойство мира. Маркс видел это наполовину. Самовозрастание стоимости у него — предикат капитала, а не бытия, т. е. свойство исторической формы, и в этом пункте его теория денатурализует превышение раньше и глубже всех; однако субстанциальный аппарат той же теории требовал вещества, из которого превышение делается, и поиски источника прибавочной стоимости вернули в теорию то самое допущение, которое анализ капитала из нее выводил.

Конфигурационное понимание снимает вопрос об источнике вместе с его предпосылкой. Прибавочная стоимость не делается ни из чего, поскольку она не вещь, а разность: замер перепада между положениями сторон, принявший денежную форму. У разности нет источника в том смысле, в каком он есть у вещества, — у нее есть условия существования, и главное из них уже названо — неравенство положений. Отсюда прямое следствие, недоступное субстанциализму: превышение может быть, а может не быть. При выровненных положениях сторон оно исчезает, и нулевая прибыль совершенной конкуренции, установленная самой экономической ортодоксией, получает здесь статус не предельной абстракции, а онтологической нормы симметричного обмена. Нуль — не застой и не патология, требующая объяснения, а законное состояние конфигурации без перепада; объяснения требует как раз устойчивое превышение, и объясняется оно всякий раз конкретной асимметрией — барьером, положением, связанностью контрагента. Обвинение, которое встречает

всякое реляционное построение, — что описано перераспределение без создания, насос без источника, — при таком строении теряет предмет. Перепад ничего и не должен создавать: прибыль одной позиции есть убыль удержания другой, и представление о превышении как о созданном богатстве принадлежит той же натурализации, что и вопрос о его источнике.

Из сказанного не следует, что хозяйство ничего не создает. Прирост благ, умений, устроенности, самих конфигураций существует, но идет он не из обмена, а из продолжающегося удержания. Возделанное поле, выученное ремесло, отлаженное производство, накопленное знание суть удержанное, наросшее длением, и этот прирост совершается при любом строе, в любой конфигурации, безотносительно к тому, снимает ли кто-нибудь с него превышение. Отечественная философия хозяйства увидела это строение: хозяйство у С.Н. Булгакова определено как «борьба человечества со стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечения природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм» [6, 85] — как непрерывное отвоевывание жизни у распада, т. е. как удержание, а не как производство превышения; превышение в этом определении не упомянуто вовсе, и отсутствие его неслучайно. Прибавочная стоимость и прирост блага — величины разного происхождения: первая живет в перепаде между положениями, второй — в самом удержании, и совпадать они не обязаны. Прирост без превышения — хозяйство выровненных положений; превышение без прироста — чистая рента положения, снятая с чужого удержания без всякого создания. Современная политическая экономия зафиксировала это расхождение эмпирически. Рынок симулякров, описанный А.В. Бузгалиным и А.И. Колгановым, есть хозяйство, в котором превышение снимается с продуктов, не несущих прироста блага [4; 5], а в диагнозе С.Д. Бодрунова разведение двух величин произнесено прямо: «Иллюзия удовлетворения симулятивных потребностей заменяет собой развитие человеческой личности, отодвигает решение социальных проблем, не ведет к реальному росту производительности» [3]. Конфигурационное понимание дает этим наблюдениям теоретическое основание: превышение и прирост разведены в нем не эмпирически, а по построению. Субстанциальные построения провести это различение не могли: записывая обе величины одним веществом (трудом, полезностью), они вынуждены

были всякую прибыль читать как созданное и всякое созданное искать в прибыли. Конфигурационное понимание разводит их по определению, и развод этот составляет, возможно, главное практическое следствие всей конструкции: вопрос о том, растет ли благо, и вопрос о том, кто снимает превышение, суть разные вопросы, и ответ на второй ничего не сообщает о первом.

Заключение

Аристотель учреждал соизмеримость отношением; классическая политическая экономия эту возможность закрыла, поместив искомое внутрь вещи. Конфигурационная теория эту возможность восстанавливает: соизмеримость обмениваемого снова учреждается отношением, а не отыскивается в вещах, — однако учреждающим выступает уже не уговор и не потребность, как у Аристотеля, а строение самого отношения, перепад положений между его сторонами. Спор трудовой и субъективной школ разрешается при этом не победой одной из них: снято допущение, общее обеим, и вместе с ним и сама необходимость выбирать между двумя субстанциями, из которых ни одна не поддавалась измерению. Стоимость не содержится ни в товаре, ни в труде, ни в оценивающем сознании; она возникает в обмене как эффект неравной устойчивости сторон и оседает в ценах, принимая вид свойства вещей. Понимание стоимости, построенное на этом основании, можно назвать конфигурационной теорией стоимости, а открываемое ею направление исследований — конфигурационной политической экономией. Направление это возникает не на пустом месте: вопрос о стоимости как о том, что не исчерпывается эмпирией цен и не сводится к счетной величине, был поставлен школой философии хозяйства Ю.М. Осипова [13], продолжившей линию, идущую от С.Н. Булгакова, и конфигурационное понимание предлагает этому вопросу онтологический ответ.

Предмет конфигурационной политической экономии составляют перепады положений и их формы в хозяйственном строе. Первую линию исследований образует строение самих перепадов: неравная устойчивость сторон и неравенство удержанного ими друг о друге (кредитные истории, рейтинги, данные) вместе с их соединениями, из которых долг и финансовые формы капитала лишь наиболее очевидные. Вторая линия — устройства вменения: способы, ко-

торыми строй превращает требование превышения в условие продолжения всякой хозяйственной единицы и натурализует это требование до закона, прослеживаемые на материале учета, кредитования, корпоративного права. От институционализма, для которого — от Т. Веблена до Д. Норта — правила хозяйственной жизни составляют главный предмет, эта линия отличается порядком объяснения: там правила структурируют сделки при ценах, принятых как данность рынка, и вопрос о природе стоимости замещен вопросом об условиях обмена — здесь перепад положений первичен, правила же закрепляют, оформляют и натурализуют его, оставаясь не объяснением, а объясняемым. Третья линия — переописание классических категорий: рента, эксплуатация, кредит, ценообразование платформ предстают формами одного перепада, различающимися тем, чем связана уступающая сторона, и платформенная среда, где связанность исполнителей измеряется алгоритмически и оседает в данных, дает этому переописанию готовый эмпирический материал. Предложенная теория указала наблюдения, способные ее опровергнуть, и этим отделила себя от спекулятивных построений о природе хозяйства; дальнейшее — дело исследований, для которых она предлагает основание.

Литература

1. *Аристотель.* Никомахова этика / Пер. Н.В. Брагинской // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 53—293.

2. *Бём-Баверк О.* Критика теории Маркса / Пер. с нем. А.Л. Реуэля, Л.И. Форберта. М.; Челябинск: Социум, 2020. 268 с.

3. *Бодрунов С.Д.* От экономических интересов — к нооценностям // Вопросы философии. 2022. № 7. С. 15—26.

4. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономии. Ч. I // Философия хозяйства. 2012. № 2. С. 153—165.

5. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономии. Ч. II // Философия хозяйства. 2012. № 3. С. 181—192.

6. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.

7. *Вальрас Л.* Элементы чистой политической экономии / Пер. с фр. М.: Изограф, 2000. 448 с.

8. *Веблен Т.* Теория праздного класса / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1984. 367 с.

9. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М.: Политиздат, 1973. 907 с.

10. *Менгер К.* Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер / Пер. с нем. М.: Экономика, 1992. С. 31—242.

11. *Мосс М.* Очерк о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Восточная литература, 1996. С. 83—222.

12. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

13. *Осипов Ю.М.* Теория хозяйства: начала высшей экономии: В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1995. 467 с.

14. *Парето В.* Учебник политической экономии / Пер. с фр. А.А. Зотова. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2018. 592 с.

15. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Эксмо, 2009. 960 с.

16. *Рубин И.И.* Очерки по теории стоимости Маркса. 4-е изд. М.; Л.: Госиздат, 1929.

17. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 960 с.

18. *Туган-Барановский М.И.* Основы политической экономии. 5-е изд. Пг., 1917. 540 с.

19. *Ушаков Д.С.* Онтология удержания: человек между материей и абстракцией // Философская мысль. 2026. № 3. С. 43—57.

20. *Ушаков Д.С.* Тристазис: парадигма, архетипика, метаморфозы, практика. М.: ИНФРА-М, 2026. 475 с.

21. *Ушаков Д.С., Подольская Т.В.* Темпоральная парадигма в теории стоимости: критический анализ и перспективы развития в условиях цифровизации // Вопросы политической экономии. 2026. № 1 (45). С. 209—224.

22. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития / Пер. с нем. В.С. Автономова и др. М.: Прогресс, 1982. 455 с.

23. *Backhaus H.-G.* Zur Dialektik der Wertform // Beiträge zur marxistischen Erkenntnistheorie / Hrsg. A. Schmidt. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1969. S. 128—152.

24. *Graeber D.* Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams. N. Y.: Palgrave, 2001. 337 p.

25. *Reichelt H.* Zur logischen Struktur des Kapitalbegriffs bei Karl Marx. Frankfurt a. M.: Europäische Verlagsanstalt, 1970.

References

1. *Aristotel'.* Nikomahova etika / Per. N.V. Braginskoj // Aristotel'. Sochineniya: V 4 t. T. 4. M.: Mysl', 1984. S. 53—293.

2. *Byom-Baverk O.* Kritika teorii Marksa / Per. s nem. A.L. Reuelya, L.I. Forberta. M.; CHelyabinsk: Socium, 2020. 268 s.

3. *Bodrunov S.D.* Ot ekonomicheskih interesov — k noocennostyam // Voprosy filosofii. 2022. № 7. S. 15—26.

4. *Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* Rynok simulyakrov: vzglyad skvoz' prizmu klassicheskoj politicheskoj ekonomii. CH. I // Filosofiya hozyajstva. 2012. № 2. S. 153—165.

5. *Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* Rynok simulyakrov: vzglyad skvoz' prizmu klassicheskoj politicheskoj ekonomii. CH. II // Filosofiya hozyajstva. 2012. № 3. S. 181—192.

6. *Bulgakov S.N.* Filosofiya hozyajstva. M.: Institut russkoj civilizacii, 2009. 464 s.

7. *Val'ras L.* Elementy chistoj politicheskoj ekonomii / Per. s fr. M.: Izograf, 2000. 448 s.

8. *Veblen T.* Teoriya prazdnogo klassa / Per. s angl. M.: Progress, 1984. 367 s.

9. *Marks K.* Kapital. Kritika politicheskoj ekonomii. T. 1. M.: Politizdat, 1973. 907 s.

10. *Menger K.* Osnovaniya politicheskoj ekonomii // Avstrijskaya shkola v politicheskoj ekonomii: K. Menger, E. Byom-Baverk, F. Vizer / Per. s nem. M.: Ekonomika, 1992. S. 31—242.

11. *Moss M.* Ocherk o dare // Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost' / Per. s fr. A.B. Gofmana. M.: Vostochnaya literatura, 1996. S. 83—222.

12. *Nort D.* Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki / Per. s angl. M.: Fond ekonomicheskoj knigi «Nachala», 1997. 180 s.

13. *Osipov YU.M.* Teoriya hozyajstva: nachala vysshej ekonomii: V 3 t. T. 1. M.: Izd-vo MGU, 1995. 467 s.

14. *Pareto V.* Uchebnik politicheskoj ekonomii / Per. s fr. A.A. Zotova. M.: RIOR: INFRA-M, 2018. 592 s.

15. *Rikardo D.* Nachala politicheskoj ekonomii i nalogovogo oblozheniya. M.: Eksmo, 2009. 960 s.

16. *Rubin I.I.* Ocherki po teorii stoimosti Marksa. 4-e izd. M.; L.: Gosizdat, 1929.

17. *Smit A.* Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov. M.: Eksmo, 2007. 960 s.

18. *Tugan-Baranovskij M.I.* Osnovy politicheskoj ekonomii. 5-e izd. Pg., 1917. 540 s.

19. *Ushakov D.S.* Ontologiya uderzhaniya: chelovek mezhdu materiej i abstrakciej // Filosofskaya mysl'. 2026. № 3. S. 43—57.

20. *Ushakov D.S.* Tristazis: paradigma, arhetipika, metamorfozy, praktika. M.: INFRA-M, 2026. 475 s.

21. *Ushakov D.S., Podol'skaya T.V.* Temporal'naya paradigma v teorii stoimosti: kriticheskij analiz i perspektivy razvitiya v usloviyah cifrovizacii // Voprosy politicheskoj ekonomii. 2026. № 1 (45). S. 209—224.

22. *SHumpeter J.* Teoriya ekonomicheskogo razvitiya / Per. s nem. V.S. Avtonomova i dr. M.: Progress, 1982. 455 s.

23. *Backhaus H.-G.* Zur Dialektik der Wertform // Beiträge zur marxistischen Erkenntnistheorie / Hrsg. A. Schmidt. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1969. S. 128—152.

24. *Graeber D.* Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams. N. Y.: Palgrave, 2001. 337 p.

25. *Reichelt H.* Zur logischen Struktur des Kapitalbegriffs bei Karl Marx. Frankfurt a. M.: Europäische Verlagsanstalt, 1970.

С.Г. КОВАЛЕВ

От обманывающейся России к России созидательного развития

Часть 1. Концептуальная необходимость и подход к модели экономического созидания*

Аннотация. В статье обосновывается концептуальная необходимость осмысления развития страны сквозь призму ее исторического опыта взаимоотношений и цивилизованного противостояния с Западом, обострившегося в свете пертурбаций, наблюдаемых в современном мире. Дается понимание обмана в международных отношениях, доказывается необходимость перехода РФ в эпоху созидательного воспроизводствогенеза, формулируется его парадигма, выделена смысловая структура суверенного воспроизводства.

Ключевые слова: созидательное развитие, обман в международных отношениях, суверенное воспроизводство, государственное регулирование, цифровая платформенная среда,

Abstract. The article substantiates the conceptual necessity of interpreting the country's development through the prism of its historical experience regarding relations and civilized confrontation with the West — a dynamic that has intensified amidst the upheavals observed in the modern world. It offers an understanding of deception in international relations, argues for the necessity of the Russian Federation transitioning into an era of «constructive reproduction-genesis» (outlining its paradigm), and identifies the semantic structure of sovereign reproduction.

Keywords: creative development, deception in international relations, sovereign reproduction, government regulation, digital platform environment.

УДК 330
ББК. 65.в

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ковалев С.Г. От обманывающейся России к России созидательного развития. Часть 1. Концептуальная необходимость и подход к модели экономического созидания // Философия хозяйства. 2026. № 5. С. 103—120. DOI: 10.5281/zenodo.23560417.

Преамбула

События 2020-х гг. сложно понять без сопряжения с контекстом истории XX в. и истории сложностей взаимоотношений России с Западом. В последние годы предпринимались попытки осмыслить спектр и коллизии данных отношений. Причем в разных их срезах: геополитическом, экономическом, мировоззренческом.

В аспекте двух первых срезов актуален документальный фильм Елены Чавчавадзе «Революция. Западня для России». В нем проиллюстрированы закулисные корни революционных событий 1905 и 1917 гг. Показано, что к середине Первой мировой войны в Российской империи возникла возможность для революционной пертурбации и началась реализация плана ее ослабления Западом за счет расчленения страны, причем параллельно действовали как союзники в войне — Великобритания, США (нейтральный статус до апреля 1917 г.), так и ее противник в войне — Германия. Каждая из сторон преследовала свои интересы, но вектор единый — ослабление и отделение территорий страны: Польши, Литвы, Прибалтики, Украины, Закавказья. В итоге свершившихся Февральского, Октябрьского переворотов и их социальных последствий Российская империя самоликвидировалась — крах государственности, Гражданская война, образование нового государства — СССР (пространственно только часть бывшей территории Российской империи, причем менее европейская и более азиатская, а устройство уже федеративное, а не унитарное).

В начале XX века идею уничтожения имперской России до конца реализовать не удалось, не удалось и чуть позже, уже в отношении СССР, с помощью танков и солдат А. Гитлера. План расчленения отложили и реализовали в декабре 1991 г. Тогда партийная элита: М.С. Горбачев, лица, за ним стоявшие, и Б.Н. Ельцин как символ новой эпохи, своими действиями дезорганизовали страну, а как следствие, распад СССР, образование новых государств. Однако распад незавершенный, не окончательный, уцелело как самостоятельное государство ядро бывшей советской страны — РСФСР в виде РФ (одномоментно, одновременно наряду с СССР предполагалось и ее разбиение на отдельные части за счет суверенности ее автономных республик, областей, округов). Сохранение РФ в перспективе допускало новую интеграцию частей бывшего государства.

Как видно из столетней истории, целевой вектор Запада в отношении России (царской, советской, постсоветской) остался неизменным — уничтожение и добивание мощного геополитического конкурента. Сейчас идут одновременно и процесс освоения бывшего постимперского (Финляндия, включение ее в НАТО) и постсоциалистического, постсоветского пространства и попытка ликвидации РФ как суверенного, ядерного государства, с использованием следующего инструментария: вовлечения в конвенциональную войну на истощение (целенаправленные удары по российским территориям западным оружием, терроризм против населения), экономического санкционного ослабления, обострения внутренних противоречий, депопуляции населения для расчленения страны на части и нанесения поражения. РФ втягивают в очередную фазу противостояния с Западом. Сводить и трактовать его только как СВО, войну на истощение, из которой можно взять и выйти — некорректное упрощение. Это длительная борьба за собственное выживание. Ставка в ней — судьба страны, исход носит вероятностный характер, во многом он обусловлен, зависит от социальной устойчивости, воли руководства страны к переходу к экономической модели, обеспечивающей эту устойчивость. Ясно, что это не модель нынешнего компрадорского олигополистического капитализма, которая уже сформировалась в стране, у которой нет широкой социальной базы — не обеспечивает социальной справедливости, поступательное развитие в интересах большинства населения, долговременноее технологическое развитие широкого спектра отраслей реального производства, равномерное размещение производительных сил на территории страны, способствующее территориальной дифференции, республиканским суверенитетам.

Можно очень тщательно и долго описывать прошлые и нынешние планы Запада (на данную тему есть публикации, включая фейковые), но важны констатация их наличия, сама их идея. Главное в них — вековая преемственность и неизменность сути — трансформация и гибель цивилизационного конкурента [2]. А соответственно, для РФ важно не только понимание смысла долгосрочных целей Запада, главное для нее —сделать правильный практический вывод, что означает наличие собственной стратегии, механизма выживающего развития, правильных действий. Альтернативы нет: либо выстоять, либо уйти в страновое небытие тысячелетней истории [3].

В аспекте мировоззренческого, парадигмального экономического восприятия важно понимание вектора современной экономической науки, его отражения в истории западной экономической мысли и его воздействие на экономическую политику РФ. Начиная с конца XIX в. это вектор маржинализма, различные его направления, наиболее распространенная ветвь — это ветвь, идущая от А. Маршалла, получившая название неоклассики. Несмотря на нюансы, все разновидности маржинализма объединяет общая черта — восприятие экономики через действия индивида — экономического человека (либо фирмы), примата экономических интересов, оцениваемых через ценность совокупности благ, их полезности для удовлетворения потребностей (потребительских и производственных), а не через долгосрочные социальные интересы странового общества. А коренная черта — постулат свободы действий экономических субъектов в пространстве открытых рынков [1, 23—24]. Методологическая проблема в том, что в отличие от Запада, и в Российской империи, и в СССР превалировала военная, а не потребительская экономика, а экономическое равновесие обеспечивалось не только через стихийный рыночный механизм цен, спроса, предложения, но и через механизм власти, стоявшей над экономическим механизмом частных интересов, работающей на страновое воспроизводство в целом. Такое положение позволяло России самосохраняться как суверенному мировому субъекту. Переход на парадигму западной экономической науки, некритическое заимствование ее постулатов выбили теоретическую и практическую основу из-под реальной российской суверенности.

Во все времена надо не питать иллюзий о невозможности обмана при выстраивании мировых взаимоотношений, деления стран на дружественные/недружественные. Обман в международных отношениях — вещь неновая, выражает либо сознательные действия, убеждающие контрагента в искренности намерений, достоверности информации, соблюдении договоренностей, либо склонность к несоблюдению взятых обязательств под воздействием новых обстоятельств (в том числе смены правительств). Может выступать в различных формах: 1) дезинформация — искажение фактов, сокрытие истинных намерений; 2) блеф — искажение потенциала; 3) расплывчатость в формулировке договоров, устные незапротоколированные догово-

ренности. Вера в Запад и вера Западу — это удобная иллюзия и позиция, дающая гешефты отдельным слоям населения РФ. В истории межгосударственных отношений России с Западом явление ее обмана не редкость, а главное, оно характерно для узловых точек ее истории, когда договоренности намеренно нарушались либо брались обязательства, заведомо не предполагающие полного их исполнения. Например, договорные отношения Николая II с Антантой, в частности ее обещание передачи контроля над Средиземноморскими проливами (выход из Черного моря); И.В. Сталина и А. Гитлера — десятилетий договор о ненападении; М.С. Горбачева с президентами США: Рональдом Рейганом, Джоржем Бушем-старшим — о будущем неблоковом военном статусе Германии, нерасширении НАТО на Восток за счет новых стран, общеевропейском доме; Б.Н. Ельцина и Билла Клинтона — об экономической помощи при условии проведения радикальных реформ; В.В. Путина с лидерами западных стран — Минские договоренности, а также Анкоридж. А это означает для РФ, что следуетопираться не только на друзей, но и на собственный потенциал, силы собственного народа, собственные технологии, мощную экономику, уход от эпохи разрушения 1990-х гг., и тогда не придется апеллировать к сочетанию слов «нас обманули». Соответственно цель — обретение мировой реальной суверенности на основе экономики созидания.

Исторический экскурс необходимости перехода РФ в эпоху созидания

Переформатирование послевоенного устройства мира началось в период 1980-х гг., его кратко, без рассмотрения акторов и процессов, представим сквозь призму интересов РФ в виде схемы событий. Выделим: 1) раскол единства социалистического мира (на СССР, на Китай, сближение последнего с США), а после рыночная трансформация стран социализма, уход восточноевропейских стран в орбиту ЕС, НАТО; 2) распад СССР, рыночная трансформация его республик, разрушение единства постсоветского пространства; 3) одновременные процессы становления новых постсоветских стран и неоколониального «переваривания» и их самих, и их пространств (одновременно «Западом» и «Востоком»); 4) образование и выживание РФ на рыночной основе в новой мировой среде: процессы становления ее суверенности и внешнего давления на нее — втягивание

в орбиту мирового финансизма и переход к неоколониальному развитию. Основные моменты давления: 1) формирование системы прозападных ценностей и новой элиты через механизм свободной перекачки капитала и получение образования российской молодежью за рубежом (преимущественно в Великобритании, США, ЕС); 2) сырьевая экономика, финансовая и технологическая зависимость; 3) свобода миграции и депопуляция, в особенности русского народа, в том числе за счет новых моделей семьи; 4) отказ Запада от равноправной модели — «Европа от Владивостока до Лиссабона» (это был блеф — послевоенная Европа политически не была самостоятельной) и открытое силовое противостояние: санкционное давление и использование Украины как инструмента военной борьбы для капитуляции РФ. Как итог — передел европейского мира, расширение Запада за счет экспансии в территориальное пространство бывшей Российской империи, а в перспективе и РФ в форме мягкой или прямой колонизации (иллюзорная западная мечта).

Концептуальный подход к модели экономического созидания. Парадигма экономического созидания

РФ — сложный страновой феномен со своим историческим бытием и его традициями познавательного восприятия, переживающая — как реальная страна, цивилизация — не просто свою социальную трансформацию, но и входящая в эпоху мировых пертурбаций. Соответственно, ее познание, понимание ее экономики требуют вычленить ряд новых ключевых понятий, раскрывающих возможную ее эволюцию, желательный ее вектор, а это в нашем восприятии реальности есть созидательное развитие. Общее понимание экономики реального созидания раскроем через тезаурус отдельных ключевых ее аспектов.

Воспроизводствогенез как страновой жизнедеятельностный процесс — это непрерывно возобновляющееся сохранение индивидуальных жизней и общества в целом на основе производства, распределения, обмена и потребления благ во взаимодействии с природой. По характеру — суженный, простой, расширяющийся, экстенсивный, интенсивный. В этом смысле РФ как страновая экономическая воспроизводящееся целостность есть устойчивая, регулируемая совокупность взаимосвязанных активных и пассивных субъектов, их деятельностных процессов, их хозяйственных операций и действий

власти в целях поддержания воспроизводства жизни в рамках отграниченного пространства. Это означает обладание субъектностью (суверенностью), структурностью, потенциалом, механизмом самосохранения (гомеостазом) и развитием.

Созидание как качественный признак воспроизводствогенеза — процесс и результат творческого сотворения, устроения (делания) чего-либо — предполагает наличие субъекта, среды, духа творчества, процесса деятельностного делания, воплощенного в результате, означает принесение общественной пользы.

Среда созидания — внутренние и внешние пространственные и временные рамки позитивных деятельностных процессов. Среда бывает благоприятной, нейтральной, агрессивной. Агрессивная внешняя среда (слабо, средне, сильно) затрудняет процесс созидания, нивелирует (аннулирует) его результаты. Включает широкий спектр видов и степеней воздействий на процесс созидания при взаимодействии (либо не взаимодействии) с ним. Если агрессивность среды нарастает, то процесс созидания тормозится, усложняется. Среда делится на природную и социальную, суверенную и планетарную. Высшая форма агрессивности мировой социальной среды — открытая война между странами.

Цифровая, платформенная среда (как позитивная, так и негативная) — одна из возможных основ созидания, новейший базовый атрибут экономики. Значение, место, роль, масштаб платформ в экономике еще предстоит оценить, но они уже непосредственно проникают и меняют и ее внутреннюю структуру, и степень взаимодействия, зависимости экономических субъектов и от мировой цифровизации, и от внешних платформ. Роль последних в мировой экономике неуклонно растет. В условиях РФ, трансформируя внутреннюю экономику, платформы втягивают и подчиняют ее мировому ИИ, мировым платформам и глобальным экономическим игрокам. Мировые платформы — это нож, открывающий консервную банку суверенных экономик, они становятся не просто мировой средой для функционирования национальных экономик, но и непосредственно единым с нею целым, меняют модели их развития, тесно их связывают между собой, консервируя и изменяя (в нужную для платформ сторону) мировое разделение труда [2].

Созидательная экономика РФ — это и проектируемый вектор, и экономика сферы реального, а не фиктивного капитала, развития на основе заимствованных и (или) собственных технологических достижений, обеспечивающая поступательный рост ее основных параметров, технологическое лидерство. Важнейшим атрибутом социального бытия человеческой жизни является суверенное общество в процессах собственного воспроизводства и его внешняя среда существования, обладающая осмысленной собственной стратегией развития. Стратегия не пишется с чистого листа: во-первых, существуют предшествующая ей гносеология восприятия развития и его онтология (РФ вышла из СССР, со всеми его плюсами и минусами); во-вторых, уже накоплен собственный гносеологический и онтологический опыт РФ (его следует осмыслить, выделить позитивные и негативные черты); в-третьих, меняется среда, а значит, и ее вектор влияния, меняется реакция на воздействия среды, все вместе означает важность наличия модели созидательного воспроизводствогенеза, важность осмысления и переосмысления опыта прошлого воспроизводственного развития, изменения реалий практики, ее оценку с позиций агрессивности внешней среды. А это означает выработку прагматичной новой модели воспроизводствогенеза жизни общества и ее слагаемых: иной многосекторной экономики — основы суверенного созидательного воспроизводства, иных критериев ее оценки: а) ориентация на долгосрочную поступательную устойчивость страны (не отождествлять с понятием устойчивого развития ООН) — наглядный пример поступательное развитие Китая последние 50 лет; б) ориентация на технологическое лидерство и технологическую суверенность в сферах, определяющих жизнеспособность общества; в) ориентация на справедливое благополучие населения на основе развития реального сектора экономики.

Проблема блага народа волновала и царей России. Иван Грозный видел его в религиозной психологии (праведная жизнь и обеспечение спасения на Страшном суде), его сын Федор Иванович — как освобождение от излишних податей и справедливый суд, Петр I — в общей пользе через службу государству, преуспевании поданных в богатстве, Екатерина II — в богатстве подданных при соблюдении прав граждан в рамках сословий (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительные взгляды по вопросу, в чем заключалось «благо»

Правитель	**В чем главная цель правителя?**	**Как достигается благо**	**Личная цитата / девиз**
Иван Грозный	Спасти души людей для вечной жизни	Через страх Божий и абсолютную покорность царю	«А жаловать своих холопей мы вольны, а и казнить вольны»
Петр I	Построить сильное, богатое и грозное государство	Через принудительный труд, законы, службу и европейские реформы	«Я желаю подданным моим не завоеваний, а благоденствия и мира»
Екатерина II	Сделать граждан счастливыми, образованными и защищенными	Через справедливые законы, просвещение и экономические свободы	«Власть сотворена для народа, а не народ для власти»

Источник: составлено автором с использованием ИИ.

Таблица 2

Слагаемые ориентации оценки модели развития

Бытие жизни суверенного общества	Атрибуты странового созидательного устойчивого бытия			
	Поступательное социально-экономическое развитие	Технологический прогресс	Справедливость и благосостояние	Гармония с окружающей средой
Воспроизводство общества	Расширенное	Ресурсосберегающее	Вектор обеспечения большего равенства	Природонейтральное

Продолжение табл. 2

Теоретическая модель СССР: оценка реалий практики	Объективная	Позитивно-критическая: выделение:+, –	Использование лучшего	По отношению к РФ — преемственная
Теоретическая модель РФ: оценка реалий практики	Объективная	Позитивно-критическая: выделение:+, –	Поиск направлений повышения дееспособности	Суверенная по отношению к планетарной
Внешняя среда воспроизводства: оценка изменений (нейтральная, более либо менее агрессивная)	Резкие изменения, процесс хаотизированных пертурбаций	Усиление агрессивности в отношении РФ	Давление экономическое — по ключевым, сторонам жизнедеятельности	Давление военное — во всех видах пространств: суши, водного, воздушного, космического
Непредвзятая собственная оценка вектора и состояния слагаемых воспроизводства	Крен критериев подхода оценки от общепланетарных к суверенным и рост их значимости	Политика перехода от общемировых индексов, показателей к суверенным	Оценка деятельности экономических субъектов по вкладу в собственное развитие страны	Оценка всех уровней власти по критерию самодостаточности страны, благополучия населения

Источник: составлено автором.

Как видно из этого фрагментарного отрезка истории, единого понимания блага и путей его достижения не было уже тогда. Даже взгляды правителей отличались. Но общее было — сильное государство. Здесь взгляды совпадали. В целом сегодня важна объективная оценка и прошлого, и настоящего, и возможных тенденций будущего (см. табл. 2).

В настоящее время смысл и назначение модели созидательного воспроизводства РФ в мире — сохранение целостности и суверенности страны в условиях его турбулентности (см. табл. 3а, 3б).

Таблица 3а

Атрибутивная смысловая структура суверенного воспроизводства РФ: процессы в социуме и экономике

Суверенное воспроизводство общества: семья, государство, институты, элиты, структуры, внутреннее и внешнее взаимодействие			
Экономика как основание воспроизводства общества	По типу протекания взаимодействия в хозяйственных процессах деятельности		
	Натуральная	Товарная	Пост товарная
1. Социальные элиты как субъекты социально-хозяйственного воспроизводства 2. Предприниматели как субъекты хозяйственного воспроизводства	Правящая — государство и его институты	Не правящая — по индивидуальной субъектности: частные, акционерные; по форме предпринимательства: государственное, частное, смешанное	Не элита — организованные наемные и самозанятые работники
Координация и регулирование воспроизводства	Централизованное	Децентрализованное	Дуальное (смешанное)
Национальное богатство как потенциал ПС общества	Территориальное пространство, недра	Вещественный и денежный капитал, недвижимость	Невещественный капитал
Производство продукта	Благ	Услуг	«Титулов»
Производство социума	Человека	Суверенного общества	Мирового сообщества

Продолжение табл. 3а

Производство отношений (социальных и экономических)	Воспроизводство жизни	Воспроизводство продукта: производство, распределение, обмен, потребление	Воспроизводство воспроизводства
Государственный общественный продукт как процесс суверенного производства: структура, результат, экономическая эффективность	Ассортимент, количество, качество	Параметры структуры экономики и государственного общественного продукта	Динамика и генетика структуры
Инвестиции как фактор развития производства	Суверенные	Иностранные	Прямые, пакетные
Производство населения	Естественное	Миграционное	Рост, депопуляция в разрезе этносов
Эффективность воспроизводства	Социума в целом: достижение геополитических, социальных, экономических, экологических целей	Предпринимателя: 1) Прибыльность: результат — затраты, 2) Окупаемость: затраты/результат, 3) Показатели, дисконтированные по времени	Индивида: качество личной жизни
Открытость общества, в том числе экономическая	Открытое	Закрытое	Суверенно-регулируемая

Источник: составлено автором.

Таблица 3б

Атрибутивная смысловая структура суверенного воспроизводства РФ: процессы в среде

Суверенное воспроизводство общества: семья, государство, институты, элиты, структуры, внутреннее и внешнее взаимодействие			
Экономика как основание воспроизводства общества	По типу протекания взаимодействия в хозяйственных процессах деятельности		
	Натуральная	Товарная	Посттоварная
Культура	Собственная цивилизационная	Привнесенная цивилизационная	Диффузная: планетарная мультикультурность
Образование	Общие	Профессиональное	На протяжении жизни
Общественное сознание	Примат индивидуального	Примат коллективного	Примат национального над планетарным
Власть и ее тип	Суверенная, зависимая, внешнее управление	Монархическая, демократическая	Унитарная федеративная, конфедеративная, монархическая, президентская, республиканская
Отношения с внутренним и внешним природным миром	Природо-экономные	Природо-затратные	Природо-восстанавливающие
Отношения с внешним социальным миром, в том числе: 1) энергетического перехода; 2) информационного перехода	Формационно-цивилизационные: традиционная углеродная энергетика, традиционные информационные носители	Мир-системные: зеленая энергетика, атомная энергетика, ИИ в роботизированной и платформенной экономике	Страновые: смешанная энергетика, смешанные носители — информационные и традиционные для экономики

Источник: составлено автором.

В таблицах 3а, 3б годовой общественный продукт страны (произведенный, потребленный), обусловленный ее природным**,** производственным потенциалами, аккумулирует, выражает, заключает в себе достигнутый экономический результат и понесенные затраты и важнейшие их атрибуты: номенклатурный ассортимент товаров, их количество, качество, соотношение выпускаемых базовых и инновационных продуктов (новые для страны, соответствующие мировому уровню, либо не имеющие аналогов), затраты и структуру отраслей, их объемы производства, эффективность производства и механизма его регулирования — рыночная, плановая координация либо их комбинация, взаимоувязанная со степенью открытости/закрытости экономики. А это фундамент воспроизведения и самой экономики, и общества: индивида, семьи, институтов государства. Модель общественного воспроизводства объективно предполагает и определенный механизм регулирования экономической деятельности. Хотя теоретически общественное производство может быть двух видов: чисто рыночный капитализм — стихийный капитализм свободной конкуренции, и чисто плановый коммунизм — нетоварное производство: безденежный принцип от каждого по труду — каждому по потребности, реальные страновые модели общественного производства давно смешаны: смещены либо в сторону чистого капитализма, либо в сторону чистого коммунизма [5].

В современном мире не существует несмешанных экономик: все смешанные, их отличие — доля капиталистического (частного) и доля социалистического (государственного) секторов в них и в применяемых типах инструментов ее регулирования: либо погружены в нее, находятся в самой экономике: равновесия рынков, либо вынесены на уровень общества, государства — зависит от многих исторических и политических обстоятельств, в том числе от внешних страновых условий, социальных задач, а не только от чисто классовых и экономические интересов. В этом случае примат в решениях отдан не рыночным экономическим субъектам, а решениям по иным внутренним и внеэкономическим критериям, которые вынесены на уровень власти страны, исходя из осознания ею страновых приоритетов, политических интересов. Здесь основная проблема — достижение справедливости, свободы, эффективности в условиях государственного регулирования. Яркий пример — Китай, Вьетнам. У них в эко-

номике — рынок, а на уровне общества — «социализм». Пример социального дуализма. Базис смешанный, а политическая и культурная надстройки социалистические. Как долго можно так балансировать? Теоретического ответа нет. Китай балансирует пока успешно. Вьетнам п овторяет его путь.

Таблица 4

Сферы и инструменты регулирования странового общественного производства

Прямое государственное регулирование кругооборота и оборота производительного совокупного капитала: производство благ и услуг в обществе — материальной субстанции непосредственного процесса производства и сопряженных с ними обращением товаров, денег		Косвенное (опосредованное) государственное институциональное регулирование воспроизводства экономики общества: сферы интересов государства и инструменты его политики	
Сферы факторов производства: труда, земли, капитала, производственной инфраструктуры	Инструменты прямого воздействия: собственность и пакеты ее прав, планирование, национализация, приватизация, дотации и субсидии, прямые законодательные запреты	Иные, нематериальные сферы общественного воспроизводства	Инструменты косвенного воздействия: денежная масса, государственный бюджет, виды налогов и налоговые льготы, таможенные пошлины, процентные ставки, лицензирование, государственные закупки
1. Отраслевая структура экономики: наличие чисто государственных отраслей	1. Национализация. 2. Государственные инвестиции в создание новых отраслей, в том числе для освоения территорий	Банковская система и ее структура	Набор инструментов банковской политики

Продолжение табл. 4

2 Вкрапление госпредприятий в отдельные отрасли народного хозяйства	1. Национализация 2. Государственные инвестиции: полные или долевые	Страховая система и ее структура	Набор инструментов страховой политики
3. Производственная инфраструктура	Государственные инвестиции: полные или долевые	Пенсионная система и ее структура	Набор инструментов пенсионной политики
4. Сфера подготовки профессиональных кадров за счет государства	Государственные инвестиции: в образование и переподготовку кадров	Сферы воспроизводства человека: общее образование, здравоохранение	Набор инструментов политики социального воспроизводства
Сфера распределения, обмена, потребления и денежного обращения	Прямое распределение всей либо части производственной номенклатуры выпускаемых изделий на основе нормирования производственных ресурсов и душевых нормативов потребления Прямое регулирование оборота денежных средств	В целом все сферы экономического воспроизводства как части социального	Набор государственных политик регулирования экономики: стратегия развития и методы (рыночные, нерыночные) ее разработки, обеспечения реализации: структурная, инвестиционная, технологическая, ценовая, денежно-кредитная, внешнеэкономическая

Источник: составлено автором.

Механизм регулирования воспроизводства общества всегда представляет из себя комбинацию инструментов естественного рыночного регулирования (платежеспособный спрос, платежеспособное предложение, рыночные цены, свободная конкуренция) и инструментов искусственного, властного регулирования, порождаемых целями и деятельностью государства (налоги, бюджет, долгосрочное планирование в различных формах, приоритеты развития, государственные инвестиции, взаимодействие с внешней средой через таможенные барьеры). Смысловые атрибуты механизма регулирования приведены в табл. 4.

Литература

1. *Ковалев С.Г.* Блокадная Россия: созидательное воспроизводство в противоречивом мире. Философско-хозяйственное осмысление // Философия хозяйства. 2026. № 1. С. 11—26. DOI: 10.5281/zenodo.18722803.

2. *Ковалев С.Г.* Глобальная цифровизация как новая технонейрореволюция: путь или ловушка для развития России // Государство и рынок в контексте противостояния западноевропейской и евразийской хозяйственных систем. СПб.: СПбГЭУ, 2025. С. 147—155.

3. *Ковалев С.Г.* Державный воспроизводствогенез России в будущее. Экономика созидания: Монография. Ч. 1. СПб.: СПбГЭУ, 2024. 280 с.

4. *Ковалев С.Г.* Научное исследование хозяйственной деятельности общества как воспроизводства жизни. Ч. 2. Отличительные особенности экономической науки // Философия хозяйства. 2026. № 3. С. 11—31. DOI: 10.5281/zenodo.20365537.

5. *Ковалев С.Г.* Трансформация общественного производства: СССР — Россия. Ч. 1. СПб.: СПбГЭУ, 1996.

References

1. *Kovalev S.G.* Blokadnaya Rossiya: sozidatel'noe vosproizvodstvo v protivorechivom mire. Filosofsko-hozyajstvennoe osmyslenie // Filosofiya hozyajstva. 2026. № 1. S. 11—26. DOI: 10.5281/zenodo.18722803.

2. *Kovalev S.G.* Global'naya cifrovizaciya kak novaya tekhnonejrorevolyuciya: put' ili lovushka dlya razvitiya Rossii // Gosudarstvo i rynok v kontekste protivostoyaniya zapadnoevropejskoj i evrazijskoj hozyajstvennyh sistem. SPb.: SPbGEU, 2025. S. 147—155.

3. *Kovalev S.G.* Derzhavnyj vosproizvodstvogenez Rossii v budushchee. Ekonomika sozidaniya: Monografiya. CH. 1. SPb.: SPbGEU, 2024. 280 s.

4. *Kovalev S.G.* Nauchnoe issledovanie hozyajstvennoj deyatel'nosti obshchestva kak vosproizvodstva zhizni. CH. 2. Otlichitel'nye osobennosti ekonomicheskoj nauki // Filosofiya hozyajstva. 2026. № 3. S. 11—31. DOI: 10.5281/zenodo.20365537.

5. *Kovalev S.G.* Transformaciya obshchestvennogo proizvodstva: SSSR — Rossiya. CH. 1. SPb.: SPbGEU, 1996

М.Л. ХАЗИН, Д.К. КОМАРОВ

Эффективность макроэкономического управления и долговая нагрузка экономики: модельный анализ*

Аннотация. После кризиса 2008 г. и «ковидного кризиса» 2020—2022 гг. попытки «денежных» властей ведущих стран вернуть экономику к устойчивому росту завершались неудачей, что ставит вопрос о снижении эффективности макроэкономического управления. В статье рассматривается модель финансового стимулирования экономики, предложенная авторами М.Л. Хазиным и Д.К. Комаровым (2017) и развитая в монографиях М.Л. Хазина (2019; 2026). В отличие от исходных работ, где модель применялась к проблеме остановки экономического роста, здесь она исследуется с точки зрения управляемости экономической системы. Методом численного эксперимента показано, что эффективность макроэкономического управления определяется одним ключевым параметром — долговой

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Хазин М.Л., Комаров Д.К. Эффективность макроэкономического управления и долговая нагрузка экономики: модельный анализ // Философия хозяйства. 2026. № 5. С. 120—134. DOI: 10.5281/zenodo.23560020.

нагрузкой экономики (отношением совокупной кредитной задолженности к объему системы). Установлено: (1) качество управления падает по мере роста долговой нагрузки; (2) после достижения критического значения (в базовой конфигурации модели — около 350% условного ВВП) система перестает реагировать на управляющие воздействия по процентной ставке; (3) критическое значение тем выше, чем сложнее экономическая система: для современной экономики США оно оценивается в 300—350% ВВП совокупного долга и 100—120% ВВП бюджетного. Полученные результаты дают объяснение наблюдаемого снижения эффективности денежно-кредитной политики и позволяют формализовать понятие «предела стимулирования».

Ключевые слова: макроэкономическое управление, кредитный цикл. долговая нагрузка, денежно-кредитная политика, экономический кризис, динамическое моделирование, финансовое стимулирование.

Abstract. After the 2008 crisis and the «COVID crisis» of 2020—2022, the attempts of monetary authorities in leading countries to return their economies to sustainable growth have failed, raising the question of the declining effectiveness of macroeconomic management. The paper examines the financial stimulus model of the economy proposed by M.L. Khazin and D.K. Komarov (2017) and developed in M.L. Khazin's monographs (2019; 2026). In contrast to the original works, where the model was applied to the problem of the cessation of economic growth, it is studied here from the standpoint of the controllability of the economic system. Using numerical experiments, it is shown that the effectiveness of macroeconomic management is determined by a single key parameter — the debt burden of the economy (the ratio of total credit debt to the size of the system). The findings are: (1) the quality of management decreases as the debt burden grows; (2) once a critical value is reached (about 350 % of notional GDP in the baseline model configuration), the system ceases to respond to interest-rate control; (3) the more complex the economic system, the higher the critical value — for the modern U.S. economy it is estimated at 300—350% of GDP in total debt and 100—120% of GDP in government (budget) debt. The results provide an explanation for the observed decline in the effectiveness of monetary policy and make it possible to formalize the notion of a «stimulus limit».

Keywords: macroeconomic management, credit cycle, debt burden, monetary policy, economic crisis, dynamic modeling, financial stimulus.

УДК 330.8
ББК 65

Введение

Сегодня ключевой задачей «денежных» властей всех стран мира является макроэкономическое управление, нацеленное на поддержание устойчивого экономического роста. После финансового кризиса 2008 г. и «ковидного кризиса» 2020—2022 гг. все попытки вернуть как мировую экономику, так и экономики отдельных стран к такому росту заканчивались неудачами. Более того, существуют серьезные основания считать, что даже тот незначительный и неустойчивый рост, который фиксируют статистические органы многих стран, в значительной степени является фиктивным [1; 2; 7].

Показательно в этой связи, что новый руководитель Федеральной резервной системы США (К. Уорш) в период принятия должности в своих выступлениях фактически поставил под сомнение адекватность описания современной экономики действующей моделью экономической статистики. Так, на пресс-конференции Комитета по операциям на открытом рынке ФРС 17 июня 2026 г. он прямо заявил: «Значительная часть данных, которыми пользуются центральные банкиры и другие представители государственных органов США, собираются устаревшими методами обследований; национальные счета, описывающие экономику США, мало похожи на экономику США 2026 г.; методы опроса не обеспечивают нужного уровня отклика, а вопросы, уместные поколение назад, сегодня менее применимы <…> Некоторые данные, которые мы получаем, — это, по сути, эхо истории, по-настоящему полезное лишь после третьего пересмотра. Нам нужно снизить эти погрешности, поскольку решения приходится принимать в реальном времени» (перевод наш. — *М.Х., Д.К.*.) [4]. В этих условиях вопрос о причинах снижения эффективности макроэкономического управления становится еще более актуальным.

В литературе предложен ряд теоретических объяснений этого явления. К наиболее популярным относятся: концепция секулярной

стагнации (Л. Саммерс) [12]; теория балансовой рецессии (Р. Ку) [9]; концепция долгового суперцикла и «долговой нетерпимости» (К. Рейнхарт, К. Рогофф; К. Борио) [11; 5]; модели кредитных циклов (Н. Киетаки — Дж. Мур; Х. Мински; С. Кин) [8; 10; 6]; гипотеза гистерезиса — необратимой потери уровня выпуска после кризисов (О. Бланшар — Л. Саммерс) [3].

Общим недостатком перечисленных подходов является то, что они апеллируют к большому числу недостаточно определенных параметров и не позволяют оценить ни масштаб проблемы, ни границы ее возможной компенсации инструментами экономической политики.

Вместе с тем в книге М.Л. Хазина «Воспоминания о будущем. Идеи современной экономики» (2019; английская версия «Recollections of the Future: Modern Economic Ideas», 2024, второе расширенное издание — «Последний кризис капитализма? Идеи современной экономики», 2026) изложена модель, которая дает альтернативный ответ на вопрос о причинах падения эффективности макроэкономического управления и, более того, выделяет единственный параметр, от которого это явление зависит, — долговую нагрузку экономики [1; 2]. Первичная публикация модели состоялась в 2017 г. в англоязычном рецензируемом журнале [7].

Поскольку указанные работы посвящены не изучению макроэкономического управления как такового, а проблеме остановки экономического роста, тема управляемости при моделировании явно отражена не была. Настоящая статья восполняет этот пробел: в ней рассматриваются результаты моделирования с точки зрения эффективности макроэкономического управления, чтобы сформулировать критерии потери управляемости экономической системой. Целью настоящей статьи является проверка гипотезы о том, что снижение макроэкономической управляемости может зависеть от одного-единственного параметра (относительного объема долга). Под управляемостью мы в дальнейшем понимаем возможность сохранения устойчивого экономического роста.

В настоящей работе мы не ставили перед собой задачу подобрать параметры модели так, чтобы изучаемая система была максимально похожа на реальную (в частности, Соединенных Штатов Америки). Принципиальным было показать, что влияние одного-

единственного параметра позволяет увидеть базовый эффект — потерю макроэкономического управления. Но в настоящий момент авторы продолжают работу по изучению зависимости реальных экономических систем от относительного объема долга — это тема следующих работ.

Описание модели

Рассмотрим традиционную экономическую систему, которая описывается простейшим дифференциальным уравнением:

$$\dot{Y}(t) = k \cdot Y(t), \quad (1)$$

где *Y(t)* — объем выпуска, *k* — постоянный темп роста. Темпы роста такой системы не меняются год от года и составляют постоянную величину (в численных экспериментах, результаты которых приведены ниже, *k* = 3% годовых).

Введем в систему кредит. Уравнение усложняется:

$$\dot{Y}(t) = k \cdot Y(t) + k_1 \cdot (C^+(t) - C^-(t) - r \cdot D(t)), \quad (2)$$

где $C^+(t)$ — поток выдаваемых кредитов, $C^-(t)$ — поток возврата тела кредитов, *r* — процентная ставка, *D(t)* — совокупная кредитная задолженность,k_1 — коэффициент, определяющий влияние финансовых потоков на темп роста. Кроме коэффициента k_1, который, как и коэффициент k, принимается постоянным (во всех экспериментах он равен 0,5), остальные параметры могут изменяться во времени. (В процессе проведения экспериментов были рассмотрены и другие значения коэффициентов k_1 и k, но качественная картина при этом менялась незначительно, принципиальные изменения начинались при значении этих коэффициентов больше 1.)

Дополнительное влияние кредита на экономику — переменная величина, связанная с величиной притока кредитов и оттока кредитов вместе с начисленными процентами. Пока приток кредита увеличивается, а величина оттока меньше за счет срока кредитования (во всех экспериментах — 2 года), экономика получает дополнительный импульс. Но рано или поздно приток кредита стабилизируется либо даже начинает снижаться, а сумма оттока кредитов и выплаты процентов может превысить приток кредитов:

$$C^+(t) - C^-(t) - r \cdot D(t) < 0. \quad (3)$$

В этом случае экономика может замедлиться или даже наступить спад. Это произойдет в случае, если:

$$k \cdot Y(t) + k_1 \cdot (C^+(t) - C^-(t) - r \cdot D(t)) < 0 \quad (4)$$

или, если все слагаемые разделить на *Y(t):*

$$k + k_1 \cdot (C^+(t)/Y(t) - C^-(t)/Y(t) - r \cdot D(t)/Y(t)) < 0. \quad (5)$$

Введем переменную *v(t)* — ВВП, константу $k_2 = v(t)/Y(t)$, переменные $c^+(t) = C^+(t)/v(t)$, $c^-(t) = C^-(t)/v(t)$ и $d = D(t)/v(t)$ — соответственно доля притока кредита, оттока кредита и совокупного долга в ВВП. Тогда:

$$k + k_1 \cdot k_2 \cdot (c^+(t) - c^-(t) - r \cdot d(t)) < 0. \quad (6)$$

При выходе процесса кредитования на равновесную стадию, когда $c^+(t) = c^-(t)$, кризис наступает при условии:

$$k + k_1 \cdot k_2 \cdot \big(-r \cdot d(t)\big) < 0, \quad (7)$$

т. е.:

$$d(t) > \frac{1}{r} * k/(k_1 \cdot k_2). \quad (8)$$

Например, если k = 0,03, $k_1 = k_2$ = 0,5, r = 0,07, то *d(t)* > 1,71 (171% ВВП), значение *d(t)* округлено до второго знака после запятой. Если r = 0,04, то *d(t)*>3 (300% ВВП).

Отметим, что принципиален именно совокупный объем долга, поскольку его возврат любым субъектом экономической деятельности (домохозяйством, фирмой или государством) снижает совокупный спрос. Есть еще один существенный фактор, пока не включенный в нашу модель (в первом приближении или можно пренебречь), — трансграничные процессы; однако поскольку они носят взаимный характер: 1) внутренние потребители покупают импортные товары, но одновременно фирмы экспортируют, 2) национальные банки кредитуют иностранные экономики, но одновременно имеют место иностранные покупки ценных бумаг, в том числе бюджетных).

Численный эксперимент

Система с фиксированным ограничением объема кредитования. На рисунках 1—8 приведены результаты моделирования при фиксированных ограничениях долговой нагрузки в 20, 60, 120, 200 и 350% ВВП, которые постепенно нарастают от нулевого уровня до верхнего ограничения. При этом используются разные варианты процентной ставки — стационарной 7%, а также начиная с уровня дол-

говой нагрузки 120% ВВП первоначально 7%, а затем, по мере возникновения причин для экономического спада, плавно снижающейся до 4%. Видно, что в каждом варианте следом за периодом ускоренного роста следует экономический спад, который можно до некоторой степени регулировать за счет снижения кредитной ставки, но начиная с некоторого уровня (350% совокупного долга от уровня ВВП заведомо достаточно) спад предотвратить не удается и разница есть только в конечном значении выпуска.

Первые два рисунка (1 и 2) показывают, что уравновешивание потоков выданных и возвращенных кредитов не приводит к заметному снижению динамики выпуска и потому не требует особых мер по управлению ситуацией.

При достижении долговой нагрузки в 120% ВВП темпы роста выпуска заметно снижаются, но управление ставкой кредитования помогает улучшить динамику выпуска.

Если кредитная задолженность достигает 200% ВВП, рост выпуска прекращается полностью и начинается спад. Но, снижая ставку кредитования, этот спад можно преодолеть и даже сохранять некоторое превышение над традиционной динамикой выпуска еще продолжительное время.

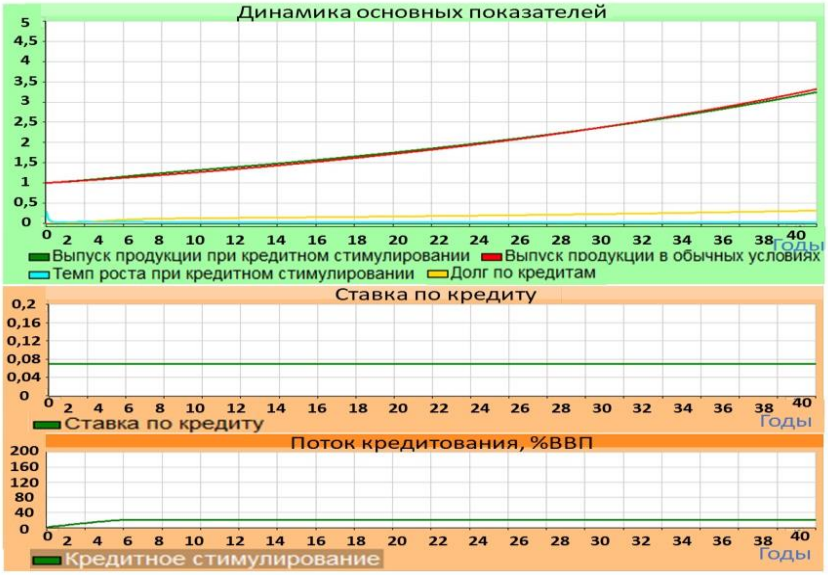

Рис. 1. Кредитная задолженность до 20% ВВП, ставка 7%

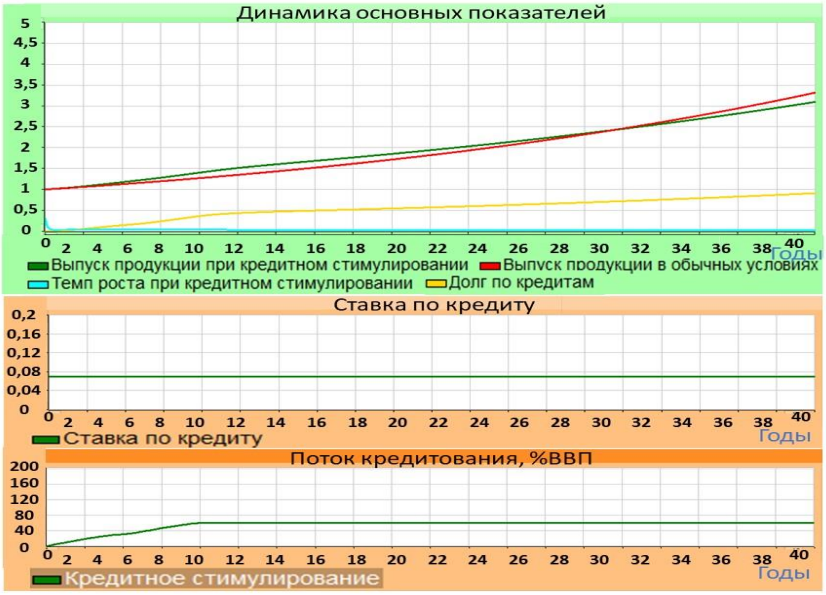

Рис. 2. Кредитная задолженность до 60% ВВП, ставка 7%

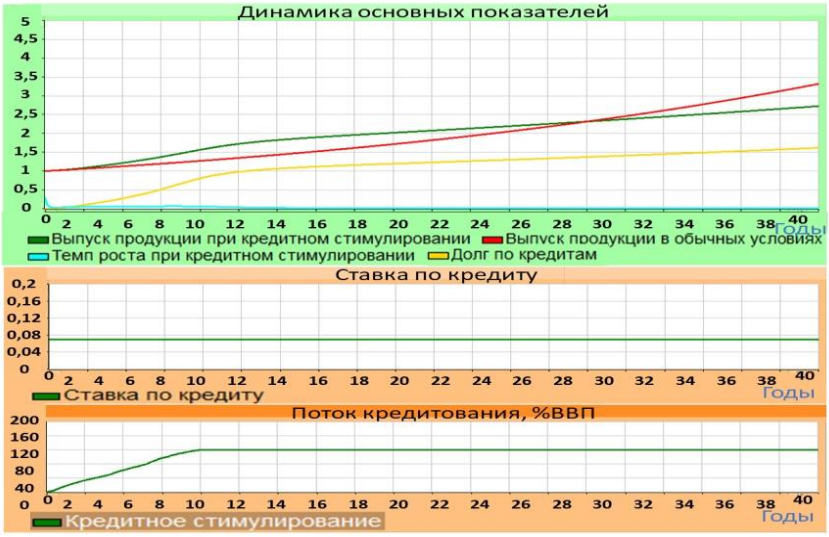

Рис. 3. Кредитная задолженность до 120% ВВП, ставка 7%

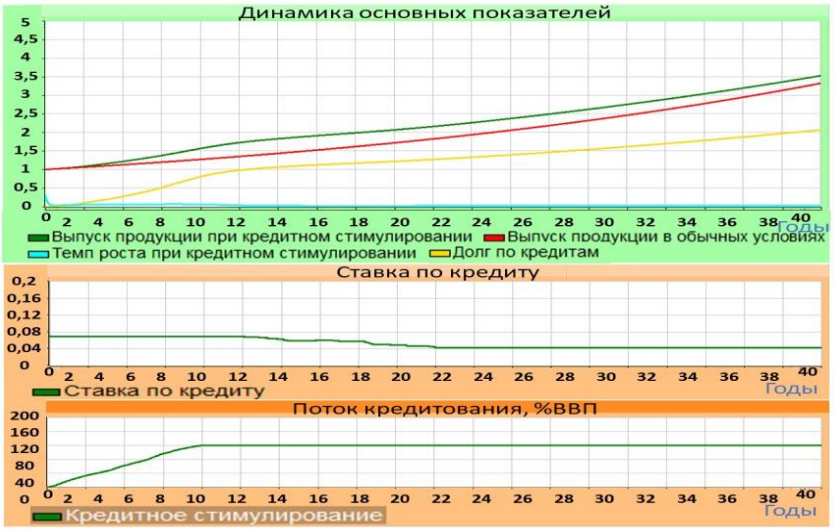

Рис. 4. Кредитная задолженность до 120% ВВП, ставка от 7 до 4%

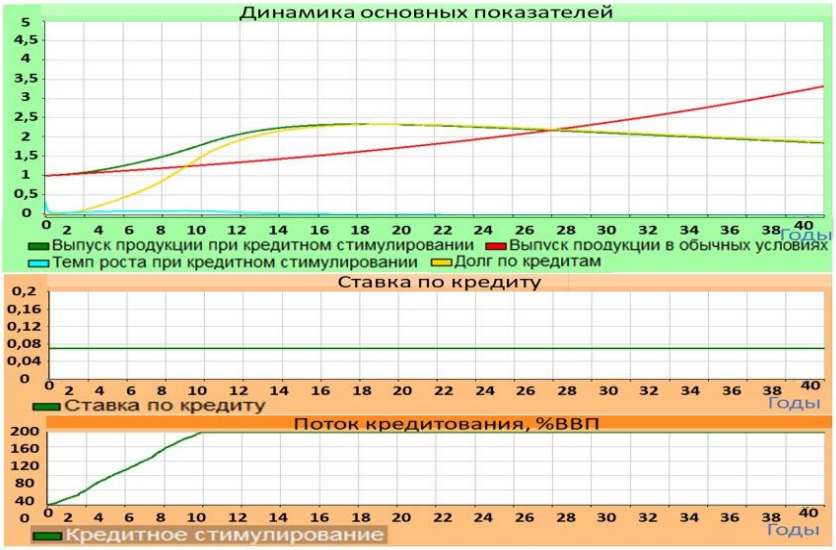

Рис. 5. Кредитная задолженность до 200% ВВП, ставка 7%

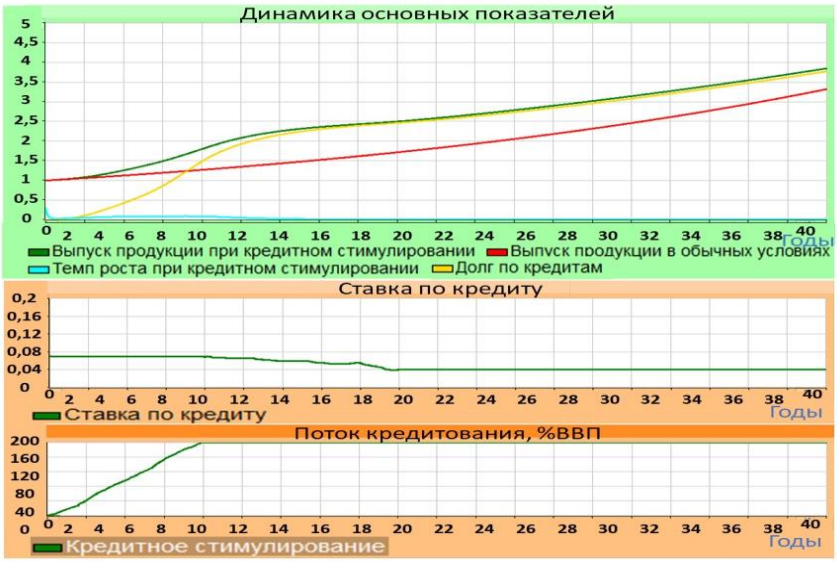

Рис. 6. Кредитная задолженность до 200% ВВП, ставка от 7 до 4%

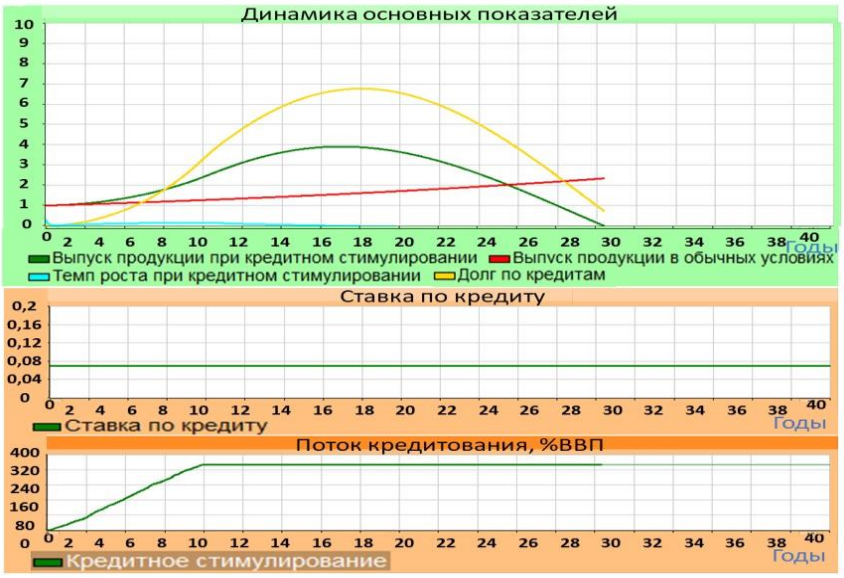

Рис. 7. Кредитная задолженность до 350% ВВП, ставка 7%

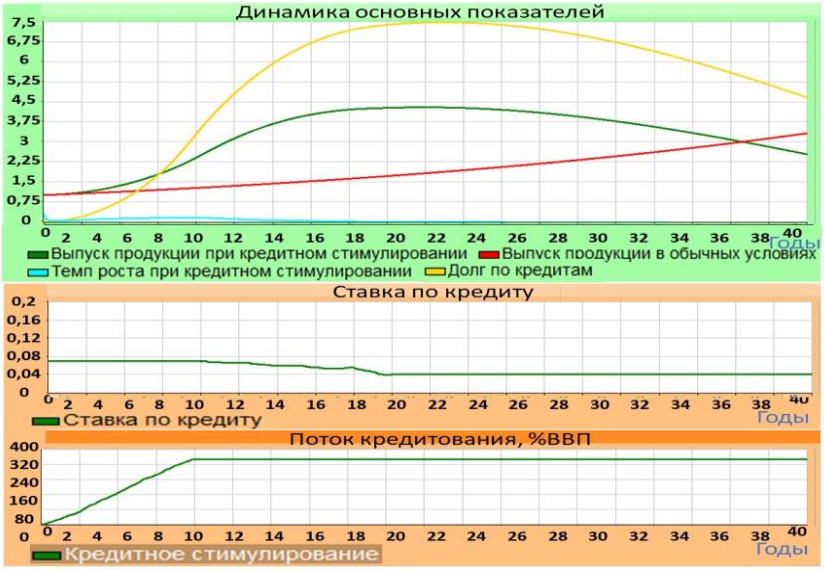

Рис. 8. Кредитная задолженность до 350% ВВП, ставка от 7 до 4%

Кредитная задолженность в 350% ВВП приводит к экономической катастрофе, которую за счет снижения кредитной ставки можно лишь отдалить.

Как видно из рисунков 1—8, при долговой нагрузке до 350% ВВП существует возможность избежать экономического спада за счет постепенного снижения процентной ставки до 4%. Однако картина принципиально меняется, когда параметр *d(t)* становится слишком большим: при высокой долговой нагрузке, от 350% ВВП и выше, происходит потеря управляемости. В этих условиях ни о каком макроэкономическом управлении говорить уже не приходится.

Отметим, что точное значение долга, при котором ситуация становится необратимой, мы не смотрели, поскольку такую задачу перед собой не ставили. В дальнейшем этот вопрос будет нами изучен. Показатель 350% взят из оценок реального совокупного долга США (верхняя оценка), поскольку в дальнейших экспериментах мы планируем, с учетом роли доллара в мировой экономике, оценить именно экономику этой страны.

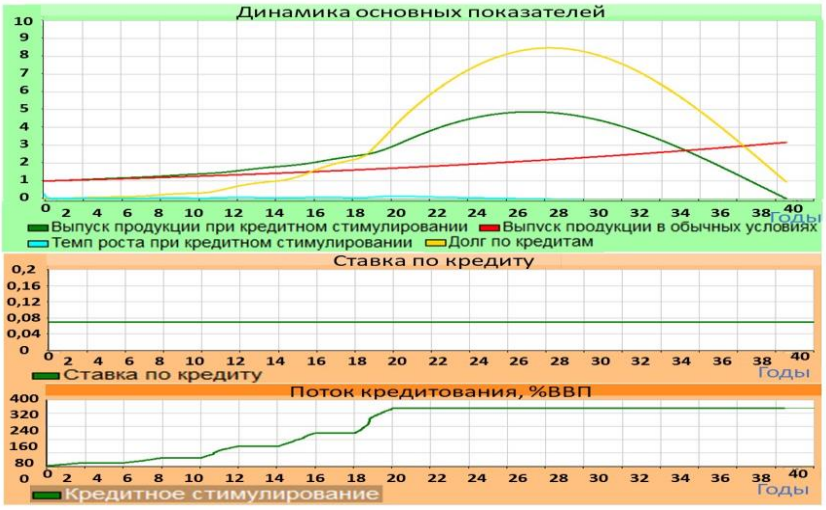

Рис. 9. Кредитная задолженность от 20% ВВП до 350% ВВП, ставка 7%

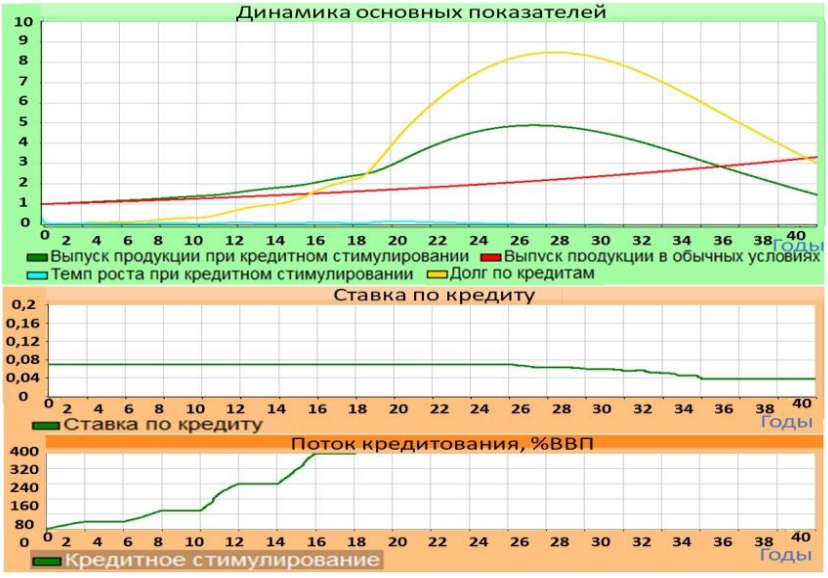

Рис. 10. Кредитная задолженность от 20% ВВП до 350% ВВП, ставка от 7 до 4 %

Управление по двум параметрам: ставка и объем кредита. Наиболее содержательный эксперимент — введение управления сразу по двум параметрам: не только по ставке, но и по объему кредита, причем управление включается с целью достижения максимальных темпов роста. Суть управления следующая. Возьмем систему со значением $d(t) = 20\%$, затем произведем ступенчатое повышение объема кредитования до 200% и, наконец, до 350% ВВП и также рассмотрим два варианта ставки кредитования — стационарный и с понижением. Совершенно четко прослеживается закономерность, что этот «пирамидный» подход также заканчивается экономическим крахом.

Здесь обращает на себя внимание одно обстоятельство: при достижении отношения кредитной задолженности к ВВП в 350% наступление кризиса лишь временно отдаляется, система не позволяет за счет управления ставкой выйти из состояния спада.

Обсуждение результатов

Результаты численного эксперимента допускают следующую интерпретацию.

Во-первых, эффективность макроэкономического управления зависит от совокупной долговой нагрузки экономики: чем выше отношение кредитной задолженности к объему системы, тем ниже качество управления. Это выделяет долговую нагрузку как единственный системообразующий параметр проблемы — в отличие от альтернативных концепций, оперирующих множеством слабо определенных факторов [12; 9; 11; 5; 8; 10; 6; 3].

Во-вторых, после достижения критических значений долговой нагрузки (для базовой конфигурации модели — около 350% ВВП) система не позволяет за счет управления процентной ставкой выйти из кризиса. Управление по ставке теряет смысл, а поддержание роста возможно лишь ценой дальнейшего наращивания долга, т. е. углубления самой причины потери управляемости. Этот результат согласуется с эмпирически наблюдаемым снижением отдачи от программ количественного смягчения и бюджетного стимулирования после 2008 г.

В-третьих, чем сложнее исходная экономическая система, тем выше критическое значение долговой нагрузки (этот вопрос остается

за пределами настоящей статьи). Можно предположить, что для современной экономики, например, США критическое значение составляет порядка 300—350% ВВП. Проверка этой оценки на статистических данных — предмет дальнейших исследований.

Заключение

В статье модель финансового стимулирования М.Л. Хазина — Д.К. Комарова [7], исходно предназначенная для анализа остановки экономического роста, исследована с точки зрения эффективности макроэкономического управления. Показано, что управляемость экономической системы монотонно снижается с ростом долговой нагрузки и исчезает при достижении критического порога. Тем самым получено модельное объяснение ключевой макроэкономической аномалии последних полутора десятилетий — потери действенности инструментов денежных властей, — не требующее введения множества ad hoc параметров. Практический вывод состоит в том, что восстановление управляемости экономики невозможно без снижения совокупной долговой нагрузки; дальнейшее наращивание кредитного стимулирования лишь приближает систему к порогу полной потери управляемости.

При этом точное значение масштаба госдолга, при котором происходит разрушение управления, в этой модели не определено (такая задача не ставилась), дана только его верхняя оценка — 350% от объема ВВП.

Литература

1. *Хазин М.Л.* Воспоминания о будущем. Идеи современной экономики. М.: РИБ, 2019. 736 с.

2. *Хазин М.Л.* Последний кризис капитализма? Идеи современной экономики. 2-е изд., расшир. М., 2026.

3. *Blanchard O.J., Summers L.H.* Hysteresis and the European Unemployment Problem // NBER Macroeconomics Annual. 1986. Vol. 1. P. 15—78.

4. Board of Governors of the Federal Reserve System. Transcript of Chairman Warsh's Press Conference, June 17, 2026. Washington, D.C., 2026: URL: https://www.federalreserve.gov/mediacenter/files/FOMCpresconf20260617.pdf (дата обращения: 12.09.2026).

5. *Borio C.* The financial cycle and macroeconomics: What have we learnt? // Journal of Banking & Finance. 2014. Vol. 45. P. 182—198.

6. *Keen S.* Finance and Economic Breakdown: Modeling Minsky's «Financial Instability Hypothesis» // Journal of Post Keynesian Economics. 1995. Vol. 17. No. 4. P. 607—635.

7. *Khazin M., Komarov D.K.* Monetary Policy and the Current Phase of the Economic Crisis // World Affairs: The Journal of International Issues. 2017. Vol. 21. No. 4.

8. *Kiyotaki N., Moore J.* Credit Cycles // Journal of Political Economy. 1997. Vol. 105. No. 2. P. 211—248.

9. *Koo R.C.* The Holy Grail of Macroeconomics: Lessons from Japan's Great Recession. Singapore: John Wiley & Sons, 2008.

10. *Minsky H.P.* Stabilizing an Unstable Economy. New Haven: Yale University Press, 1986.

11. *Reinhart C.M., Rogoff K.S.* This Time Is Different: Eight Centuries of Financial Folly. Princeton: Princeton University Press, 2009.

12. *Summers L.H.* U.S. Economic Prospects: Secular Stagnation, Hysteresis, and the Zero Lower Bound // Business Economics. 2014. Vol. 49. No. 2. P. 65—73.

References

1. *Hazin M.L.* Vospominaniya o budushchem. Idei sovremennoj ekonomiki. M.: RIB, 2019. 736 s.

2. *Hazin M.L.* Poslednij krizis kapitalizma? Idei sovremennoj ekonomiki. 2-e izd., rasshir. M., 2026.

НИН ЦЗИН, П.С. ЛЕМЕЩЕНКО

Эффект мультипликации в развитии благосостояния при политико-экономическом сотрудничестве Китая и Белоруссии*

Аннотация. В данной статье рассматривается эффект мультипликатора, оказываемый политическим и экономическим сотрудничеством между Китаем и Белоруссией на развитие социального благосостояния. Исследование показывает, что взаимное политическое доверие на высоком уровне снижает институциональные транзакционные издержки, в то время как внешняя торговля и прямые инвестиции выступают в качестве макроэкономических движущих сил. Промышленные кластеры, представленные Китайско-Белорусским индустриальным парком «Великий камень» и компанией BELGEE, выступают в качестве основных носителей этого эффекта. Кроме того, проекты по модернизации инфраструктуры и социальному обеспечению напрямую повышают общую факторную производительность и улучшают уровень жизни уязвимых групп населения. В статье выявлены структурные ограничения, сдерживающие этот эффект, и предложены рекомендации по укреплению координации между промышленной политикой и политикой занятости.

Ключевые слова: Китай, Белорусссия, политическое и экономическое сотрудничество, благосостояние населения, качество жизни, мультипликативный эффект, промышленная кластеризация, «Один пояс — один путь».

Abstract. This article examines the multiplier effect exerted by political and economic cooperation between China and Belarus on the development of social welfare. The study shows that mutual political trust at a high level reduces institutional transaction costs, while foreign trade and

*Исследование выполнено при поддержке Китайского стипендиального совета.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Нин Цзин, П.С. Лемещенко. Эффект мультипликации в развитии благосостояния при политико-экономическом сотрудничестве Китая и Белоруссии // Философия хозяйства. 2026. № 5. С. 135—155. DOI: 10.5281/zenodo.23560076.

direct investment act as macroeconomic driving forces. Industrial clusters, represented by the China-Belarus Industrial Park and Geely Automobile, serve as the main carriers of this effect. In addition, infrastructure modernization and social security projects directly increase total factor productivity and improve the living standards of vulnerable groups. In conclusion, the article identifies the structural constraints limiting this effect and proposes recommendations for strengthening coordination between industrial policy and employment policy.

Keywords: China, Belarus, political and economic cooperation, population welfare, quality of life, multiplier effect, industrial clustering, Belt and Road Initiative.

УДК 339.92:330.59
ББК 65.5

Введение

Традиционные оценки преимуществ международного сотрудничества долгое время опирались на макроэкономические показатели, такие как объемы торговли, потоки прямых иностранных инвестиций и темпы роста ВВП, в качестве основных критериев оценки. В некоторой степени в таких оценках экономический рост рассматривался как прямое отражение преимуществ сотрудничества. Однако при таком подходе часто упускаются из виду конкретные изменения, лежащие в основе макроэкономического роста, в том числе изменения в качестве жизни обычных жителей, уровне доходов, возможностях трудоустройства, доступе к государственным услугам и субъективном благополучии. По мере того как глобальное управление постепенно переходило от парадигмы, ориентированной на богатство, к парадигме, ориентированной на благополучие, такие международные организации, как Организация Объединенных Наций, Всемирная организация здравоохранения и Организация экономического сотрудничества и развития, включили показатели субъективного благополучия, человеческого развития и качества жизни в системы оценки устойчивого развития. На этом фоне переосмысление многомерных последствий двустороннего политического и экономического сотрудничества для благосостояния имеет не только значи-

тельное теоретическое значение, но и является практической необходимостью для повышения качества международного сотрудничества и эффективности социального развития.

Внешнеэкономическая интеграция, осуществляемая посредством расширения торговли, привлечения инвестиций, создания рабочих мест и улучшения качества общественных услуг, становится все более важным фактором, влияющим на качество жизни населения [28]. В этом контексте транснациональное сотрудничество является не просто средством расширения рынков сбыта, но и внешним механизмом перераспределения ресурсов, способным принести значительные социально-экономические дивиденды гражданам стран-партнеров. Являясь ключевым узлом инициативы «Пояс и путь» на евразийском сухопутном мосту, Белоруссия выработала высокоуровневую структуру политического и экономического сотрудничества с Китаем. Это служит наглядным примером для изучения динамических взаимосвязей между институциональной синергией и ростом социального благосостояния. Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко также подчеркивал в интервью, что «сотрудничество с Китаем идет на благо нашего народа. Более того, огромные инвестиции Китая также являются важным фактором обеспечения национальной безопасности» [34].

В современных условиях политическое и экономическое сотрудничество между Китаем и Белоруссией приобретает все более многогранный характер. Оно охватывает не только традиционную торговлю товарами, но и сотрудничество в сфере инвестиций, промышленное развитие, транспортные и логистические коридоры, научно-технический обмен, «зеленую» экономику, а также инфраструктурные проекты. Согласно китайской статистике, в 2025 г. объем двусторонней торговли между Китаем и Белоруссией достиг исторического максимума в 8,86 млрд долл. США, что на 5,5% больше, чем годом ранее. Динамичный рост продемонстрировали также торговля сельскохозяйственной продукцией, выставочная экономика и «зеленая» экономика [20]. И при этом мы можем заметить, что на этом фоне произошел рост индивидуального благосостояния населения двух стран. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, номинальная среднемесячная заработная плата работников в 2025 г. составила 2693,0 белорусских р., что соответствует реальному росту на 9,0%. Уровень безработицы

снизился до рекордно низкого показателя в 2,5% [19]. В Китае располагаемый доход на душу населения в 2025 г. достиг 43 377 юаней, что соответствует реальному росту на 5,0% с поправкой на инфляцию [30]. Хотя эти улучшения были обусловлены как внутренними, так и внешними факторами, углубление политического и экономического сотрудничества между Китаем и Белоруссией, создание новых рабочих мест и приток инвестиций можно считать важными катализаторами повышения уровня жизни граждан.

Согласно Докладу о человеческом развитии ПРООН за 2025 г. [25], Республика Беларусь и Китай демонстрируют разные модели человеческого развития. Белоруссия зафиксировала индекс человеческого развития (ИЧР) на уровне 0,824, заняв 65-е место в мире и попав в категорию стран с очень высоким уровнем человеческого развития. Ее преимущества отражаются прежде всего в относительно сбалансированном социальном распределении, ограниченном снижении ИЧР с поправкой на неравенство и относительно стабильном уровне гендерного равенства. Китай показал ИЧР на уровне 0,797, заняв 78-е место в мире и приблизившись к порогу очень высокого уровня человеческого развития, равного 0,800. Его прогресс в области человеческого развития связан в основном с ростом доходов, увеличением продолжительности жизни и реструктуризацией экономики. Эти различия указывают на то, что сотрудничество между Китаем и Белоруссией характеризуется не только экономической взаимодополняемостью, но и практической значимостью в деле содействия социальному благосостоянию и обмена опытом в области развития.

С точки зрения международной политической экономики эффективность двустороннего стратегического сотрудничества не ограничивается изменениями макроэкономических показателей, структуры торговли и геополитических отношений; она также находит свое отражение в росте социального благосостояния и реальном улучшении условий жизни людей на микроуровне. В связи с этим возникает следующий вопрос: может ли политико-экономическое сотрудничество между Китаем и Белоруссией посредством притока капитала, распространения технологий и институциональных дивидендов оказать значительное и устойчивое мультипликативное воздействие на развитие благосостояния в Белоруссии?

Существующие исследования по вопросам сотрудничества между Китаем и Белоруссией в основном посвящены торговле и инвестициям [31], дипломатическим отношениям [17], а также крупномасштабным инфраструктурным проектам [16]. При этом относительно мало внимания уделяется тому, как экономические выгоды этого сотрудничества находят свое отражение в сфере общественного благосостояния, в частности в отношении занятости, доходов, потребления, развития инфраструктуры и качества жизни. Поэтому цель данной статьи — проанализировать механизм, посредством которого политическое и экономическое сотрудничество между Китаем и Белоруссией оказывает мультипликативный эффект на развитие общественного благосостояния.

Концепция мультипликативного эффекта была впервые сформулирована Р. Каном в 1931 г. и впоследствии стала центральным элементом макроэкономической теории Дж.М. Кейнса. Мультипликативный эффект означает цепное увеличение или сокращение доходов, занятости, спроса и связанной с ними производственной деятельности, вызванное изменениями в определенном виде экономической деятельности. Сам мультипликатор представляет собой количественную меру величины этого экономического стимула [24; 27]. Иными словами, изменение одной экономической переменной может усиливаться и превращаться в более широкое экономическое воздействие через ряд механизмов передачи. Кейнсианская экономика подчеркивает, что инвестиции и государственные расходы могут влиять на совокупный спрос и, как следствие, на уровни занятости и экономической активности. В данном исследовании под эффектом благосостояния понимается фактическое влияние политического и экономического сотрудничества на качество жизни и социальное благополучие жителей. Таким образом, на фоне политического и экономического сотрудничества между Китаем и Белоруссией мультипликативный эффект развития благосостояния можно интерпретировать как динамический эволюционный процесс, посредством которого двусторонние ресурсные вложения на макроуровне трансформируются через сложные механизмы передачи в многочисленные улучшения качества жизни населения на микроуровне. Это и есть та синергия влияния взаимодействия, о которой сегодня много говорят.

Институциональная синергия является политической и экономической предпосылкой для мультипликативного эффекта в сфере

социального развития. Рост благосостояния является не просто побочным результатом экономического роста. Напротив, он зависит от стабильной институциональной среды и эффективного механизма распределения ресурсов. По нашему мнению, механическое перенесение институтов без должного учета национальных условий и особенностей приводит к увеличению как социальных, так и транзакционных издержек. Поэтому политическое взаимное доверие можно рассматривать как фактор, способствующий гармонизации институтов, снижению неопределенности и содействующий взаимовыгодному сотрудничеству [7, 7—8]. Стабильность и институционализация двусторонних политических отношений являются ключевыми предпосылками для того, чтобы определить, сможет ли транснациональное экономическое сотрудничество выйти за рамки краткосрочных коммерческих интересов и привести к долгосрочным положительным эффектам для благосостояния. С момента установления дипломатических отношений в 1992 г. отношения между Китаем и Белоруссией прошли путь от дружественного сотрудничества до всеобъемлющего стратегического партнерства, а в 2022 г. были повышены до уровня «всепогодного всеобъемлющего стратегического партнерства». Эта эволюция отражает высокий уровень институциональной координации и политического взаимного доверия между двумя странами (см. табл. 1).

Таблица 1

Этапы развития двусторонних отношений между Китаем и Белоруссией

Ключевые этапы	**Знаковые события и повышение статуса двусторонних отношений**	**Стратегическое содержание и ключевые достижения**
Июль 2013 г.	Установление отношений всестороннего стратегического партнерства	Открытие новой эпохи в развитии двусторонних отношений
Май 2015 г.	Подписание «Договора о дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Республикой Беларусь»	Формирование правовой базы для долгосрочного развития. Утверждение принципов взаимного доверия и обоюдовыгодного сотрудничества

Продолжение табл. 1

Сентябрь 2016 г.	Установление отношений всестороннего стратегического партнерства, основанных на взаимном доверии и взаимовыгодном сотрудничестве	Углубление партнерства и развитие «всепогодной дружбы» для формирования сообщества единой судьбы
Сентябрь 2022 г.	Повышение уровня отношений до всепогодного и всестороннего стратегического партнерства	Историческое повышение статуса отношений, представляющее собой образец международных отношений нового типа
Март 2023 г.	Подписание «Совместного заявления о дальнейшем развитии отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства между двумя странами в новую эпоху»	Консолидация по ключевым интересам и согласование плана всестороннего сотрудничества в новую эпоху
Август 2024 г.	Опубликование «Совместного коммюнике Правительства Китайской Народной Республики и Правительства Республики Беларусь»	Четкое определение среднесрочных ключевых задач правительств двух стран до 2030 г. с акцентом на обмен опытом китайской модернизации и совместное развитие «производительных сил нового качества»
2026—2027 гг.	Провозглашение «Годов китайско-белорусского промышленного сотрудничества»	Переход экономического взаимодействия от базовой торговли и инфраструктуры к высокотехнологичным разработкам и глубокой отраслевой кооперации

Источник: составлено авторами на основе [18; 35; 37].

Стоит отметить, что в 2024 г. Белоруссия стала полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества, а в 2025 г. — партнером БРИКС. Эти события еще больше укрепили позиции Белоруссии в рамках евразийского пространства безопасности и экономического сотрудничества. Таким образом, постоянное углубление ин-

ституционального сотрудничества между Китаем и Белоруссией заложило структурную основу для создания особых мультипликативных эффектов в сфере социального благосостояния.

Двусторонний товарооборот и прямые инвестиции являются основными макроэкономическими факторами, способствующими сдвигу функции производства национального благосостояния Белоруссии в сторону внешней экономической деятельности. 2015 г. стал важным поворотным моментом в китайско-белорусских торгово-экономических отношениях. Исторический государственный визит Си Цзиньпина способствовал дальнейшему углублению двустороннего сотрудничества, а в тот же период китайские финансовые учреждения, в том числе Экспортно-импортный банк Китая, подписали с Белоруссией кредитные соглашения на сумму свыше 1 млрд долл. США [4]. В период с 2021 по 2024 г. под воздействием жестких экономических, технологических и финансовых санкций, введенных Соединенными Штатами и европейскими странами, Белоруссия стремилась поддерживать нормальное функционирование своей отечественной промышленной системы и избежать экономического застоя за счет существенного увеличения импорта из Китая. Этот импорт включал промышленные промежуточные продукты, станки с ЧПУ, комплектное производственное оборудование и различные автомобильные компоненты, что ускорило процесс импортозамещающей индустриализации [5; 13]. В результате торговая ориентация Белоруссии с беспрецедентной скоростью сместилась на Восток: объем двусторонней торговли между Китаем и Белоруссией вырос с 3,82 млрд до 8,39 млрд долл. США, как показано в табл. 2.

Таблица 2

Динамика товарооборота между Китаем и Белоруссией в 2014—2024 гг. (млн долл. США)

Год	Общий объем товарооборота	Объем экспорта Китая в Белоруссию	Объем импорта Китая из Белоруссии
2014	3 013,5	2 373,2	640,3
2015	3 182,2	2 401,2	781,0
2016	2 602,2	2 129,5	472,7

Продолжение табл. 2

2017	3 106,8	2 745,3	361,5
2018	3 640,1	3 158,2	481,9
2019	4 480,9	3 807,6	673,3
2020	4 457,1	3 708,9	748,2
2021	4 927,4	4 060,0	867,4
2022	5 047,7	3 245,5	1 802,2
2023	8 441,7	5 837,3	2 604,5
2024	8 393,4	6 583,0	1 810,4

Источник: составлено авторами на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2014—2021 гг. [3] и данных Главного таможенного управления Китайской Народной Республики за 2022—2024 гг. [22]. При интерпретации динамики показателей следует учитывать возможные различия в методологии статистического учета внешней торговли в источниках двух стран.

Что касается ассортимента товаров, Белоруссия экспортирует в Китай продукцию сырьевого сектора, в том числе калийные удобрения, рапсовое масло и пиломатериалы, а Китай в Белоруссию — машины и оборудование, высокотехнологичную продукцию и химические товары. Такая взаимодополняющая структура торговли укрепляет переговорные позиции Белоруссии на мировых рынках сырьевой продукции и способствует удовлетворению ее спроса на современные средства производства, необходимые для модернизации промышленности. К 2025 г. на долю Китая приходилось 11% внешней торговли Белоруссии, и он стал вторым по величине торговым партнером страны после России [12]. Прямые иностранные инвестиции составляют примерно половину от общего объема инвестиций Китая в Белоруссию. В таблице 3 представлены данные о прямых иностранных инвестициях Китая в Белоруссию в период с 2014 по 2024 г.

Из таблицы 3 видно, что в период с 2014 по 2024 г. потоки прямых инвестиций Китая в Белоруссию значительно колебались и в некоторые годы даже становились отрицательными, что свидетельствует о сильном влиянии на инвестиционную активность проектных

циклов и внешней конъюнктуры. Однако с точки зрения инвестиционного запаса совокупный объем китайских инвестиций в Белоруссию в целом оставался высоким, что свидетельствует о сохранении определенной степени стабильности и устойчивости двустороннего инвестиционного сотрудничества. Более того, на фоне растущей неопределенности во внешней финансовой среде финансовое сотрудничество между Китаем и Белоруссией приобретает все большее значение. Это отражается, прежде всего, во включении Белоруссией юаня в свою валютную корзину, расширении расчетов в национальной валюте и, как следствие, снижении валютных издержек и рисков, связанных с санкциями.

Таблица 3

Прямые иностранные инвестиции Китая в Белоруссию в 2014—2024 гг. (млн долл. США)

Год	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**
Потоки	63,72	54,21	160,9	142,7	67,7	181,8
Запасы	257,52	475,89	497,9	548,4	503,8	651,8
Год	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**	
Потоки	–8,2	42,4	–42,6	3,9	88,2	
Запасы	607,3	646,1	747,6	792,9	700,7	

Источник: Статистический бюллетень о прямых иностранных инвестициях Китая за 2022 и 2024 гг. [32; 33].

С точки зрения теории макроэкономического мультипликатора эта модель роста, основанная на экспорте и прямых иностранных инвестициях, соответствует классическому кейнсианскому механизму передачи [26]. Высокий спрос на белорусскую продукцию на китайском рынке привел к росту прибыли и заработной платы в соответствующих экспортно-ориентированных отраслях, включая химическую, лесную и сельскохозяйственную. Учитывая относительно высокую предельную склонность к потреблению (ПСК), этот первичный доход быстро преобразуется во внутренний потребительский спрос, тем самым стимулируя восстановление и рост сектора услуг, розничной торговли и отечественной легкой промышленности. Эта циклическая цепочка «внешнеторговый импульс — распределение первичного дохода — вторичное расширение внутреннего

спроса» и составляет макроэкономический механизм передачи эффекта мультипликатора благосостояния [27].

Промышленное сотрудничество и кластеризация между Китаем и Белоруссией являются основными факторами, способствующими мультипликативному эффекту в сфере благосостояния. Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень», который часто называют «жемчужиной экономического пояса Шелкового пути», наглядно демонстрирует результаты промышленной агломерации и маршалловские внешние эффекты. Являясь демонстрационным проектом высокого уровня в рамках китайско-белорусского сотрудничества, парк ориентирован на развивающиеся высокотехнологичные отрасли и нацелен на создание перспективной современной промышленной экосистемы. По состоянию на март 2016 г. в парке зарегистрировались 174 компании из 16 стран, что свидетельствует о его высоком потенциале в области международного распределения ресурсов [15].

С точки зрения мультипликаторов занятости и доходов средняя заработная плата сотрудников парка в 2025 г. достигла 3 911 белорусских р., что значительно превышает средний показатель по стране [11]. Формирование этой группы высокооплачиваемых работников не только расширяет средний класс, но и усиливает мультипликатор потребления в макроэкономике. Эффект перелива в государственные финансы также значителен. В 2023 г. налоги, уплаченные резидентными предприятиями в белорусский бюджет, в три раза превысили расходы государственного бюджета на внешнюю инфраструктуру. Этот фискальный эффект, достигающий 300%, предоставляет правительству дополнительные ресурсы для вторичного перераспределения благосостояния на национальном уровне [2]. На фоне санкционного давления на белорусскую экономику этот рост отражает устойчивость белорусско-китайского сотрудничества.

Кроме того, китайско-белорусское совместное предприятие «BELGEE Автомобильная компания» (BELGEE), начавшее производство в 2017 г., восполнило давний пробел в секторе производства современных легковых автомобилей в Белоруссии. Уровень локализации его продукции превысил 50%, что способствовало развитию отечественной цепочки поставок автокомпонентов [8]. К 2025 г. BELGEE захватила около 30% белорусского рынка новых автомоби-

лей, а объем продаж достиг 22 830 единиц [1]. Воспользовавшись режимом беспошлинной торговли в рамках Евразийского экономического союза, автомобили марки GEELY, произведенные в Белоруссии, вышли на российский рынок, внеся значительный вклад в поступления иностранной валюты в Белоруссию за счет экспорта промышленной продукции. Эта промышленная модель «импортозамещение плюс ориентация на экспорт» распространяет мультипликативный эффект на всю цепочку автомобильной промышленности.

Сотрудничество в сфере инфраструктуры способствует повышению общей факторной производительности (ОФП). Согласно неоклассической теории экономического роста, долгосрочный экономический рост не может опираться исключительно на накопление капитала и труда. Технологический прогресс, отражающийся в росте общей факторной производительности, также играет решающую роль [29, 66]. С момента своего запуска инициатива «Пояс и путь» оказала значительное стимулирующее и мультипликативное воздействие на мировую экономику [14; 21; 23]. Результаты макроэкономического исследования, проведенного Институтом финансовых исследований «Пояса и пути» при Экспортно-импортном банке Китая, показывают, что инициатива не только непосредственно увеличила ВВП стран-участниц на 1,28% и обеспечила 0,2 п/п мирового экономического роста, но и принесла более существенные долгосрочные выгоды за счет увеличения инвестиций в НИОКР на 8,67% и повышения общей факторной производительности в странах-участницах на 2,22% [36]. В Белоруссии особенно заметны приросты ОФП, связанные с модернизацией инфраструктуры. Электрификация белорусских железных дорог, осуществленная Китайской национальной корпорацией электротехнического строительства, позволила увеличить техническую и эксплуатационную скорость поездов на соответствующих участках на 15—25%, сократить время в пути между Минском и Гомелем примерно на 1 час 12 мин., а также улучшить условия передвижения населения и повысить мобильность рабочей силы. При этом энергопотребление на единицу железнодорожных перевозок сократилось на 21,3%, что способствовало снижению эксплуатационных расходов и уменьшению загрязнения окружающей среды [9].

Влияние транснационального сотрудничества на благосостояние населения следует оценивать также с точки зрения его непосредственного вклада в улучшение положения уязвимых групп населения

и развитие сферы общественных услуг. С 2015 г. проект Китая по строительству социального жилья в Белоруссии перешел в третью фазу. На первых двух этапах было завершено 38 проектов и сдано 3286 квартир, что позволило улучшить условия жизни более 10 000 человек. В рамках третьего этапа планируется построить еще 1166 квартир для сирот, многодетных семей и семей с инвалидами [6]. Эта мера снижает финансовую нагрузку, связанную с жильем, и позволяет семьям-бенефициарам перенаправить часть своих сбережений на инвестиции в человеческий капитал, включая образование, здравоохранение и питание.

Сотрудничество между Китаем и Белоруссией расширилось по целому ряду направлений, включая здравоохранение, технологические инновации, цифровую экономику, экологически ориентированное развитие и обмены в сфере образования, что позволило сформировать многоплановый механизм, способствующий повышению благосостояния населения. Сотрудничество в области традиционной китайской медицины (ТКМ) опирается на имеющийся в Белоруссии потенциал в этой сфере и на платформу, созданную промышленным парком «Великий камень». Создание центров ТКМ по всей стране способствовало локализации продуктов, технологий и услуг ТКМ, а также обогатило предложение местных медицинских услуг [10]. В то же время в рамках Китайско-белорусского года научно-технических инноваций 2024—2025 гг. обе стороны содействовали модернизации местной промышленности и созданию новых рабочих мест, тем самым увеличивая количество высококачественных рабочих мест и источников дохода для населения. Развитие цифровой экономики и «зеленых» отраслей еще больше улучшило доступ к повседневным услугам и качество окружающей среды, способствуя снижению затрат на доступ к информации и рисков для здоровья, связанных с состоянием окружающей среды. В сфере образования и культурного обмена университетские альянсы, программы обмена студентами и мероприятия в области культурного туризма укрепили сотрудничество в научных исследованиях и связи между людьми, заложив более широкую социальную основу для долгосрочного двустороннего сотрудничества. Эти инициативы не только улучшили местный человеческий капитал, но и создали более разнообразные возможности развития для молодого поколения. В целом сотрудничество Китая и Бе-

лоруссии в различных сферах оказало значительный мультипликативный эффект на благосостояние населения за счет создания рабочих мест, снижения затрат на здравоохранение и проживание, повышения качества человеческого капитала и улучшения экологических условий. В конечном итоге эти эффекты на уровне домохозяйств выражаются в улучшении доходов, здоровья и возможностей для развития.

Несмотря на значительные достижения в китайско-белорусском сотрудничестве, его мультипликативный эффект в плане повышения благосостояния не возникает автоматически и зависит от ряда структурных ограничений. Во-первых, преобразование инвестиций в социальные выгоды сопровождается значительным временным лагом, поскольку как подготовка кадров, так и формирование цепочек поставок требуют значительного времени. Во-вторых, степень локализации производства играет решающую роль в проявлении эффектов повышения благосостояния. Когда совместные проекты слабо связаны с местными предприятиями, их вклад в увеличение доходов населения, скорее всего, останется относительно ограниченным. В-третьих, нынешнее пространственное распределение роста благосостояния по-прежнему в значительной степени сконцентрировано в Минске и прилегающем промышленном регионе, в то время как жители малых и средних городов и сельских районов имеют относительно ограниченные возможности для получения выгод от сотрудничества. Если этот структурный разрыв не будет устранен в долгосрочной перспективе, это может ослабить социальную основу сотрудничества.

В будущем в китайско-белорусском сотрудничестве следует уделять больше внимания подходу, ориентированному на благосостояние. С одной стороны, сотрудничество должно продолжать расширяться в таких областях, как торговля, инвестиции, индустриальные парки, автомобилестроение, сельское хозяйство и пищевая промышленность, технологические инновации и «зеленое» развитие. С другой стороны, следует уделять больше внимания фактической эффективности, с которой результаты сотрудничества преобразуются в благосостояние жителей. В частности, необходимо укреплять связь между промышленными проектами и местной политикой занятости, совершенствовать профессиональное образование и обучение навыкам, расширять участие местных предприятий и содействовать

интеграции совместных проектов с планами регионального развития, уделяя при этом должное внимание трудовым правам, социальному обеспечению и экологическим стандартам.

В заключение заметим, что мультипликативный эффект в области благосостояния в рамках политико-экономического сотрудничества между Китаем и Белоруссией представляет собой комплексный социально-экономический процесс, формирующийся под совместным влиянием политической стабильности, торговли и инвестиций, модернизации промышленности и предоставления общественных услуг. Этот процесс преобразует импульс внешнего сотрудничества во внутренний потенциал развития и способствует существенному переходу от макроэкономического роста к расширению благосостояния на микроэкономическом уровне. Однако полному раскрытию этого мультипликативного эффекта по-прежнему мешает ряд структурных ограничений. В будущем, расширяя масштабы китайско-белорусского сотрудничества, необходимо уделять большее внимание эффективности преобразования благосостояния. Для обеих стран акцент в будущем сотрудничестве должен быть сделан не только на расширении его масштабов, но и на повышении его качества, с тем чтобы политическое и экономическое сотрудничество действительно стало важным механизмом содействия устойчивому улучшению качества жизни населения.

Литература

1. Автомобильный рынок Беларуси в 2025 году вырос на 14% // БелТА: URL: https://belta.by/economics/view/avtomobilnyj-rynok-belarusi-v-2025-godu-vyros-na-14-761416-2026/ (дата обращения: 16.05.2026).

2. В индустриальном парке «Великий камень» ожидают, что доход резидентов по итогам года составит около одного миллиарда белорусских рублей // БелТА: URL: https://chn.belta.by/economics/view/10-24225-2023/ (дата обращения: 17.05.2026).

3. Внешняя торговля товарами // Национальный статистический комитет Республики Беларусь: URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/ (дата обращения: 11.06.2026).

4. Государственный визит Председателя КНР Си Цзиньпина в Беларусь // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь: URL: https://president.gov.by/ru/events/gosudarstvennyj-vizit-predsedatelja-knr-si-tszinpina-v-belarus-11366 (дата обращения: 15.05.2026).

5. *Гурский В.* Импортозамещающая индустриализация экономики Беларуси: предпосылки и перспективы // Наука и инновации. 2023. Т. 1. № 1. С. 12—18.

6. Как КНР построила среднезажиточное общество и безвозмездно помогает Беларуси возводить социальное жилье — комментарий // БелТА: URL: https://belta.by/society/view/kak-knr-postroila-srednezazhitochnoe-obschestvo-i-bezvozmezdno-pomogaet-belarusi-vozvodit-sotsialnoe-482261-2022/ (дата обращения: 15.05.2026).

7. *Лемещенко П.С.* Институциональное планирование как инструмент теоретического анализа и форма хозяйственного регулирования // Научные труды Донецкого национального технического университета. Сер. Экономика. 2011. № 40-1. С. 195—200.

8. Локализация производства на «БЕЛДЖИ» достигла 50% // БелТА: URL: https://belta.by/economics/view/lokalizatsija-proizvodstva-na-beldzhi-dostigla-50-317764-2018/ (дата обращения: 16.05.2026).

9. Лукашенко дал старт регулярному движению поездов на электротяге по направлению Гомель — Минск — Гомель // БелТА: URL: https://belta.by/president/view/lukashenko-dal-start-reguljarnomu-dvizheniju-poezdov-na-elektrotjage-po-napravleniju-gomel-minsk-gomel-197876-2016/ (дата обращения: 17.05.2026).

10. Министр здравоохранения Дмитрий Пиневич посетил Государственное управление по делам традиционной китайской медицины КНР // Министерство здравоохранения Республики Беларусь: URL: https://www.minzdrav.gov.by/ru/sobytiya/ministr-zdravo-okhraneniya-dmitriy-pinevich-posetil-gosudarstvennoe-upravlenie-po-delam-traditsionnoy/ (дата обращения: 17.05.2026).

11. Названа средняя зарплата в «Великом камне» — вот сумма // Myfin.by: URL: https://myfin.by/article/money/nazvana-srednaa-zarplata-v-velikom-kamne-vot-summa-43720 (дата обращения: 17.05.2026).

12. Николай Снопков: Беларусь за 10 лет увеличила втрое товарооборот с Китаем и вдвое экспорт // Совет Министров Республики

Беларусь: URL: https://www.government.by/news/nikolay-snopkov-belarus-za-10-let-uvelichila-vtroe-tovarooborot-s-kitaem-i-vdvoe-eksport (дата обращения: 19.05.2026).

13. *Нин Цзин.* О политике импортозамещения в Беларуси в контексте глобальных вызовов: несколько тезисов // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты и перспективы: Сборник научных статей. Минск: Право и экономика, 2024. Т. 2. 814 с.

14. *Нин Цзин, Е Юйху*. Проект «Один пояс — один путь» и его влияние на качество жизни стран-участниц // Проблемы современной экономики. 2024. № 1 (89). С. 55—59.

15. О Китайско-Белорусском индустриальном парке «Великий камень» // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике: URL: https://china.mfa.gov.by/ru/invest/ (дата обращения: 16.05.2026).

16. *Садыгов Э.М., Лисиченок Е.П., Измайлович С.В. и др*. Развитие индустриального парка «Великий камень» как приоритетное направление белорусско-китайского экономического сотрудничества // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D. Экономические и юридические науки. 2024. № 4. С. 54—61.

17. *Салмыгина Е.Д.* Партнерские отношения Китайской Народной Республики и Республики Беларусь в ситуации современных вызовов в отношении Беларуси // Развитие территорий. 2022. № 2 (28). С. 38—43.

18. Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Беларусь о дальнейшем развитии отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства между двумя странами в новую эпоху // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики: URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/202303/t20230302_11033905.html (дата обращения: 20.05.2026).

19. Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе 2026 г. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь: URL: https://belstat.gov.by/upload/iblock/bc0/tkmzhrea1ceuto6yw4haw4egzw19euho.pdf (дата обращения: 06.06.2026).

20. Чжан Вэньчуань озвучил, что происходит с товарооборотом Беларуси и Китая по китайской статистике // БелТА: URL:

https://belta.by/economics/view/chzhan-venchuan-ozvuchil-chto-proishodit-s-tovarooborotom-belarusi-i-kitaja-po-kitajskoj-statistike-761726-2026/ (дата обращения: 20.05.2026).

21. *Chen Z., Li X.* Economic Impact of Transportation Infrastructure Investment under the Belt and Road Initiative // Asia Europe Journal. 2021. Vol. 19. Suppl. 1. P. 131—159.

22. Customs statistics // General Administration of Customs People's Republic of China: URL: http://stats.customs.gov.cn/indexEn (дата обращения: 11.06.2026).

23. *De Soyres F., Mulabdic A., Ruta M.* Common Transport Infrastructure: A Quantitative Model and Estimates from the Belt and Road Initiative // Journal of Development Economics. 2020. Vol. 143. Art. 102415.

24. *Domański B., Gwosdz K.* Multiplier Effects in Local and Regional Development. 2010. P. 27—37.

25. Human Development Report 2025 // United Nations Development Programme: URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2025reporten.pdf (дата обращения: 08.06.2026).

26. *Keynes J.M.* The General Theory of Employment, Interest, and Money // Springer. 2018. P. 113—118.

27. *Markusen J.R., Venables A.J.* Foreign Direct Investment as a Catalyst for Industrial Development // European Economic Review. 1999. Vol. 43. No. 2. P. 335—338.

28. *Sirgy M.J., Lee D.J., Miller C.* The Impact of Globalization on a Country's Quality of Life: Toward an integrated model // Social Indicators Research. 2004. No. 68 (3). P. 251—298.

29. *Solow R.M.* A Contribution to the Theory of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. 1956. Vol. 70. No. 1. P. 65—94.

30. Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2025 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202602/t20260228_1962661.html (дата обращения: 06.06.2026).

31. *Zhao H.* China and Belarus' High-quality Collaboration in the Belt and Road Initiative: Achievements, Challenges, and Prospects // Chinese Journal of Slavic Studies. 2025.

32. 2022年度中国对外直接投资统计公报 = Статистический бюллетень о прямых зарубежных инвестициях Китая за 2022 год // Министерство коммерции Китайской Народной Республики: URL: https://hzfimage.mofcom.gov.cn/fec/202509/20250917095932506.pdf (дата обращения: 19.05.2026).

33. 2024年度中国对外直接投资统计公报 = Статистический бюллетень о прямых зарубежных инвестициях Китая за 2024 год // Министерство коммерции Китайской Народной Республики: URL: https://hzfimage.mofcom.gov.cn/fec/202509/20250917095932506.pdf (дата обращения: 19.05.2026).

34. 白俄罗斯为何需要中国技术？以“巨石”工业园为例解析 = Зачем Беларуси нужны китайские технологии? Анализ на примере индустриального парка «Великий камень» // БелТА (Белорусское обращения: 18.05.2026).

References

1. Avtomobil'nyj rynok Belarusi v 2025 godu vyros na 14% // BelTA: URL: https://belta.by/economics/view/avtomobilnyj-rynok-belarusi-v-2025-godu-vyros-na-14-761416-2026/ (data obrashcheniya: 16.05.2026).

2. V industrial'nom parke «Velikij kamen'» ozhidayut, chto dohod rezidentov po itogam goda sostavit okolo odnogo milliarda belorusskih rublej // BelTA: URL: https://chn.belta.by/economics/view/10-24225-2023/ (data obrashcheniya: 17.05.2026).

3. Vneshnyaya torgovlya tovarami // Nacional'nyj statisticheskij komitet Respubliki Belarus': URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/ (data obrashcheniya: 11.06.2026).

4. Gosudarstvennyj vizit Predsedatelya KNR Si Czin'pina v Belarus' // Oficial'nyj internet-portal Prezidenta Respubliki Belarus': URL: https://president.gov.by/ru/events/gosudarstvennyj-vizit-predsedatelja-knr-si-tszinpina-v-belarus-11366 (data obrashcheniya: 15.05.2026).

5. *Gurskij V.* Importozameshchayushchaya industrializaciya ekonomiki Belarusi: predposylki i perspektivy // Nauka i innovacii. 2023. T. 1. № 1. S. 12—18.

6. Kak KNR postroila srednezazhitochnoe obshchestvo i bezvozmezdno pomogaet Belarusi vozvodit' social'noe zhil'e — kommentarij //

BelTA: URL: https://belta.by/society/view/kak-knr-postroila-srednezazhitochnoe-obschestvo-i-bezvozmezdno-pomogaet-belarusi-vozvoditsotsialnoe-482261-2022/ (data obrashcheniya: 15.05.2026).

7. *Lemeshchenko P.S.* Institucional'noe planirovanie kak instrument teoreticheskogo analiza i forma hozyajstvennogo regulirovaniya // Nauchnye trudy Doneckogo nacional'nogo tekhnicheskogo universiteta. Ser. .Ekonomika. 2011. № 40-1. S. 195—200.

8. Lokalizaciya proizvodstva na «BELDZHI» dostigla 50% // BelTA: URL: https://belta.by/economics/view/lokalizatsija-proizvodstva-na-beldzhi-dostigla-50-317764-2018/ (data obrashcheniya: 16.05.2026).

9. Lukashenko dal start regulyarnomu dvizheniyu poezdov na elektrotyage po napravleniyu Gomel' — Minsk — Gomel' // BelTA: URL: https://belta.by/president/view/lukashenko-dal-start-reguljarnomu-dvizheniju-poezdov-na-elektrotjage-po-napravleniju-gomel-minsk-gomel-197876-2016/ (data obrashcheniya: 17.05.2026).

10. Ministr zdravoohraneniya Dmitrij Pinevich posetil Gosudarstvennoe upravlenie po delam tradicionnoj kitajskoj mediciny KNR // Ministerstvo zdravoohraneniya Respubliki Belarus': URL: https://www.minzdrav.gov.by/ru/sobytiya/ministr-zdravookhraneniya-dmitriy-pinevich-posetil-gosudarstvennoe-upravlenie-po-delam-traditsionnoy/ (data obrashcheniya: 17.05.2026).

11. Nazvana srednyaya zarplata v «Velikom kamne» — vot summa // Myfin.by: URL: https://myfin.by/article/money/nazvana-srednaa-zarplata-v-velikom-kamne-vot-summa-43720 (data obrashcheniya: 17.05.2026).

12. Nikolaj Snopkov: Belarus' za 10 let uvelichila vtroe tovarooborot s Kitaem i vdvoe eksport // Sovet Ministrov Respubliki Belarus': URL: https://www.government.by/news/nikolay-snopkov-belarus-za-10-let-uvelichila-vtroe-tovarooborot-s-kitaem-i-vdvoe-eksport (data obrashcheniya: 19.05.2026).

13. *Nin Czin.* O politike importozameshcheniya v Belarusi v kontekste global'nyh vyzovov: neskol'ko tezisov // Strategiya razvitiya ekonomiki Belarusi: vyzovy, instrumenty i perspektivy: Sbornik nauchnyh statej. Minsk: Pravo i ekonomika, 2024. T. 2. 814 s.

14. *Nin Czin, E YUjhu*. Proekt «Odin poyas — odin put'» i ego vliyanie na kachestvo zhizni stran-uchastnic // Problemy sovremennoj ekonomiki. 2024. № 1 (89). S. 55—59.

15. O Kitajsko-Belorusskom industrial'nom parke «Velikij kamen'» // Posol'stvo Respubliki Belarus' v Kitajskoj Narodnoj Respublike: URL: https://china.mfa.gov.by/ru/invest/ (data obrashcheniya: 16.05.2026).

16. *Sadygov E.M., Lisichenok E.P., Izmajlovich S.V. i dr.* Razvitie industrial'nogo parka «Velikij kamen'» kak prioritetnoe napravlenie belorussko-kitajskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2024. № 4. S. 54—61.

17. *Salmygina E.D.* Partnerskie otnosheniya Kitajskoj Narodnoj Respubliki i Respubliki Belarus' v situacii sovremennyh vyzovov v otnoshenii Belarusi // Razvitie territorij. 2022. № 2 (28). S. 38—43.

18. Sovmestnoe zayavlenie Kitajskoj Narodnoj Respubliki i Respubliki Belarus' o dal'nejshem razvitii otnoshenij vsepogodnogo i vsestoronnego strategicheskogo partnerstva mezhdu dvumya stranami v novuyu epohu // Ministerstvo inostrannyh del Kitajskoj Narodnoj Respubliki: URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/202303/t20230302_11033905.html (data obrashcheniya: 20.05.2026).

19. Social'no-ekonomicheskoe polozhenie Respubliki Belarus' v yanvare 2026 g. // Nacional'nyj statisticheskij komitet Respubliki Belarus': URL: https://belstat.gov.by/upload/iblock/bc0/tkmzhrea1ceuto6yw4haw4egzw19euho.pdf (data obrashcheniya: 06.06.2026).

20. CHzhan Ven'chuan' ozvuchil, chto proiskhodit s tovarooborotom Belarusi i Kitaya po kitajskoj statistike // BelTA: URL: https://belta.by/economics/view/chzhan-venchuan-ozvuchil-chto-proishodit-s-tovarooborotom-belarusi-i-kitaja-po-kitajskoj-statistike-761726-2026/ (data obrashcheniya: 20.05.2026).

Н.П. НЕДЗВЕЦКАЯ

Актуальные вопросы адаптации к современным реалиям нейросетевой модели экономики*

Аннотация. В статье анализируются современные реалии нейросетевой модели экономики и отражены последние шаги для поддержания сохранения научно-технического суверенитета нашей страны. В первую очередь требуется качественный прорыв в области научно-исследовательской и опытно-конструкторской работы (НИОКР), который может способствовать усилению роботизации и автоматизации промышленности, внедрению технологий искусственного интеллекта (ИИ), дальнейшему развитию биотехнологии. При этом гуманитарно ориентированный подход в создании новой цифровой цивилизации при колоссальных темпах развития ИИ должен выдвигаться на первый план.

Ключевые слова: диджитализация, НИОКР, биоэкономика, нейросети, ИИ, цифровой социум.

Abstract. The article analyzes the current realities of the neural-network-based economic model and outlines recent measures aimed at preserving the country's scientific and technological sovereignty. Above all, a breakthrough in research and development (R&D) is required to drive the robotization and automation of industry, the adoption of artificial intelligence (AI) technologies, and the continued advancement of biotechnology. At the same time, a human-centric approach must take center stage in the creation of a new digital civilization amidst the rapid pace of AI development.

Keywords: digitalization, R&D, bioeconomy, neural networks, AI, digital society.

УДК 330
ББК 65

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Недзвецкая Н.П. Актуальные вопросы адаптации к современным реалиям нейросетевой модели экономики // Философия хозяйства. 2026. № 5. С. 156—164. DOI: 10.5281/zenodo.23560195.

В начале октября 2026 г. президент РФ В.В. Путин, выступая на пленарном заседании известного Валдайского форума «Международный дискуссионный клуб» и говоря о дальнейшем распространении ИИ, отметил: «Как отразится его стремительное развитие на интеллектуальном уровне самого человечества, на его духовном, культурном наследии? Неслучайно, что обсуждается такое понятие, как “бережная цифровизация” — то есть отказ от неконтролируемого внедрения подобных технологий в те сферы, которые всегда оставались важными, чувствительными для нравственного развития человека. А социально-гуманитарные аспекты распространения искусственного интеллекта сейчас анализируются даже более пристально и тщательно, чем технические или экономические» [1]. Этой проблематике всегда отдавалось особое предпочтение в работе научно-исследовательской лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством профессора Ю.М. Осипова, который еще десятилетие назад, предвосхищая дальнейшее развитие цифровизации, предупреждал, что «под мощным, усердным и необратимым давлением нео-мира человек выворачивает из себя… нео-человека, превращаясь в элементно-сетевую принадлежность нео-мира — не-совсем-уж и человеческую, а может, уже-и-нечеловеческую» [4, 311]. В последние годы специалисты действительно стали серьезно задумываться о проблеме трансформации социума и изменения самого человека. Например, основатель компании «Microsoft» Билл Гейтс, реально обеспокоенный процессом стремительного развития ИИ и глобального распространения нейросетей, который может представлять угрозу будущему человечества, неоднократно говорил об этом в средствах массовой информации. Ему вторят и другие разработчики передовых технологий и ученые различных научных сфер. Именно поэтому гуманитарно ориентированный подход в создании новой цифровой цивилизации при колоссальных темпах развития ИИ выдвигается на первый план ради сохранения самого ЧЕЛОВЕКА.

Цифровизация охватила все человечество, и хозяйствующие субъекты с трудом успевают адаптироваться к молниеносным изменениям жизнеустройства, которые связаны с расширением нейросетей и быстрым распространением ИИ. По-прежнему экономические рейтинги возглавляют две сильнейшие державы: США и Китай. Так, по объему оборота среди крупнейших предприятий мира в прошлом

году лидировали американские компании: «Walmart» — 681 млрд долл., «Amazon» — 638 млрд долл., а в области цифровых технологий первые два места поделили между собой компания «Apple» — 391 млрд долл. и «Alphabet» — 350 млрд долл. За США следуют китайские энергетические компании с соответствующими показателями: «State Grid» — 548 млрд долл., «China National Petroleum» — 4132 млрд долл., «Sinopec» — 407 млрд долл. [7, 30]. США и Китай ведут дуэль за лидерство в области научно-технического прогресса (НТП), о чем свидетельствуют данные рис. 1 по расходам на НИОКР.

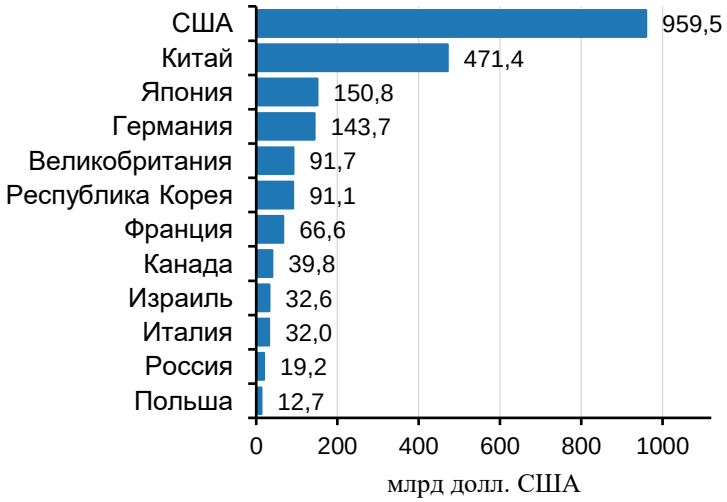

Рис. 1. Расходы на НИОКР в 2023 г. (в долл. США)
(составлено автором по зарубежным материалам [6])

Развитию НИОКР уделялось первостепенное внимание на всех стадиях НТП, потому что достижения именно в этой сфере определяют уровень научно-технического потенциала страны. Главные проблемы расширения сферы НИОКР могут быть сформулированы следующим образом:

- источники финансирования;
- взаимосвязь государства и частного предпринимательства;
- организация научно-технологической цепи;

- определение первостепенных целей структурной перестройки и пути их достижения;
- материальная мотивация ученых и исследователей;
- формирование кадрового ресурса;
- изучение и применение зарубежного опыта.

Интересно сопоставить данные по современным расходам на НИОКР в мире, представленные на рис. 1, в процентном соотношении к показателям валового внутреннего продукта (ВВП) вышеуказанных стран (рис 2). Первые три места занимают: Израиль — 6,35%, Республика Корея — 4,94% и США — 3,45%. Данные показатели отражают целенаправленную государственную политику с целью дальнейшего развития и совершенствования передовых научно-технологических областей, являющихся на данном этапе самыми перспективными и востребованными. Из европейских стран наиболее высокий показатель продемонстрировала в 2023 г. Германия — 3,15%, а следующую позицию занимает Великобритания — 2,68%. Поскольку сфера НИОКР требует колоссальных вложений для достижения эффективных результатов в области фундаментальных и прикладных исследований с обеспечением высокотехнологичной опытно-экспериментальной базы, то ее финансирование в наиболее развитых странах, как правило, осуществляется самим государством наряду с инвестиционными вложениями крупного бизнеса.

В последние годы враждебно настроенные западные политические круги надеялись, что санкционная политика в отношении России приведет к экономическому краху в нашей стране и остановит ее научно-техническую эволюцию. Однако этого не произошло. Более того, продолжается уверенное развитие ведущих направлений цифрового этапа НТП. Например, за короткий двухлетний период рынок ИИ в России увеличился вдвое и достиг к началу 2026 г. 316 млрд р. [2]. Успешное развитие и применение новейших оптико-электронных технологий в военной области в условиях проведения спецоперации обеспечивают уверенное продвижение российских войск, нанося противнику сокрушительные потери, а размещение передовых радиолокационных установок зенитного вооружения и лазерных систем противовоздушной обороны гарантирует надежную защиту российских городов и мирного населения.

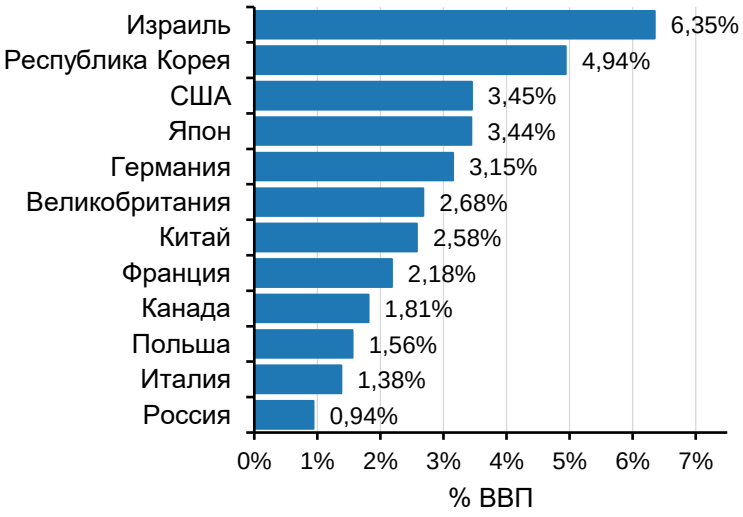

Рис. 2. Расходы на НИОКР в 2023 г. (в % ВВП)
(составлено автором по зарубежным материалам [6])

В настоящее время процесс цифровизации предполагает структурную перестройку экономики, которая должна качественно изменить экономические процессы и повысить производительность труда. При этом необходимо создание по всей российской территории сети технопарков, конструкторских бюро и всевозможных стартапов, обеспечив при этом усиленную подготовку специализированных кадров. Как мы уже отмечали ранее, значимую роль в этой проблеме играет наличие соответствующего человеческого потенциала с возможностью специализированной подготовки кадров цифрового профиля с последующей профессиональной переподготовкой и коррекцией в сфере применения нейросетевых технологий. По большому счету эта проблема связана с возможностью достижения и удержания высокого уровня развития образования в стране [3, 98].

Для сохранения научно-технического потенциала нашей страны, на наш взгляд, в первую очередь требуется качественный прорыв в области НИОКР, который должен способствовать усилению роботизации и автоматизации промышленности, внедрению

технологий ИИ, дальнейшему развитию биотехнологии. Именно исследования в области биотехнологий на протяжении многих десятилетий является одним из основных направлений НТП в высокоразвитых странах. Так, 5 октября 2026 г. российское правительство утвердило новую «Стратегию развития биоэкономики в Российской Федерации на период до 2036 года и на дальнейшую перспективу до 2050 года». Это, конечно, беспрецедентный пример формирования биоэкономического уклада, при котором, как сказано в документе, «интеграция биоэкономических принципов с различными секторами экономики обеспечит синергию государственных и частных инициатив, а также выступит драйвером для научных исследований и инноваций, направленных на устойчивое развитие биоресурсов» [5]. Кроме того, в материалах Стратегии даны определения таких важных терминов, как «биокапитал», «биоконверсия», «биологизация производства», «биоэкономика» и др. Реализация подобной Стратегии однозначно может гарантировать экономическую независимость России и обеспечить биотехнологический суверенитет нашей державы в будущем.

В последние десятилетия функционирование цифровой экономики привело к формированию платформенной организации рынка. Именно поэтому в этом году в нашей стране вступил в силу закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», который предполагает регулирование функционирования рынка и обеспечение равными правами всех участников маркетплейсов. Теперь маркетплейсы обязаны своевременно информировать о политике скидок, качестве товаров, изменениях комиссионных сборов и т. д., чтобы избежать соответствующих штрафных санкций за нарушения. Возникает закономерный вопрос о возможности математической оценки и статистического анализа относительно результатов воздействия платформ на социум. С другой стороны, каждый пользователь, заходя на ту или иную платформу, обязательно оставляет свой след в виде заказа, комментария, лайка, отзыва, оплаты и т. д. Тем самым именно пользователи платформ оказывают влияние на их формирование и функционирование.

В настоящее время наблюдаются своеобразная поляризация общества и его деление на «цифровых оптимистов» и «цифровых пессимистов». Первые восхищены процессом диджитализации жизни, повседневно обращаются к нейросетям, являются активными

пользователями искусственного интеллекта и «живут» в социальных сетях. «Цифровые пессимисты», принимая во внимание полезность применения ИИ в определенных отраслях экономики, пытаются минимизировать обращение к цифровым платформам в своей повседневной жизни, продолжают пользоваться кнопочными телефонами и никогда не регистрируются в социальных сетях, потому что прекрасно осознают, как быстро и легко попадают под всесторонний контроль и подвергаются определенному давлению. Можно привести простой пример, который касается любого пользователя при общении с электронными роботами. Если раньше при телефонном звонке в какую-либо организацию человек слышал следующее предупреждение: «Ваш разговор может быть записан»; чуть позже нас стали информировать, что «Ваш разговор будет записан», теперь же — категоричная констатация факта: «Ваш разговор записывается». Другой пример связан с оплатой онлайн, например, счета за домашний телефон, когда вам предоставляется информация о сумме платежа, расчетном счете, реквизитах банка, но узнать более подробную информацию, за какой период вам выставлен счет и почему сумма оплаты возросла, не удается. Поэтому зачастую люди, не доверяя электронным финансовым операциям, до сих пор производят платежи в банках, чтобы сохранять бумажный носитель информации об оплате.

Казалось бы, распространение социальных сетей, использование интернета и применение ИИ должны способствовать сближению людей, разрушая виртуальные границы между ними. Но в действительности мы ощущаем распространяющуюся поляризацию в обществе: возрастает напряженность, усиливаются агрессивность и нетерпимость людей. Более того, аналогичные явления наблюдаются и между странами на мировом уровне: растет количество политических конфликтов и войн. Согласно некоторым военным аналитикам, планета находится на краю гибели. Возникают вопросы: может ли это явление быть вызвано процессом цифровизации; возможно ли измерить степень подобной поляризации математически и выявить потенциальные шаги к уничтожению этого явления? На наш взгляд, всевозможные информационные потоки, которые благодаря появлению интернета стали открыты и доступны любому интернет-пользователю, оказывают непосредственное воздействие на умы и психику человека, что зачастую негативно влияет на формирование личности,

особенно молодого поколения. Если ранее мы указывали на глобальное возрастание роли социальных сетей для пользователей и подчеркивали крупномасштабный рост их участников, то теперь можно констатировать создание целых онлайн-сообществ, которые формируют всю структуру современного диджительного социума.

Нам представляется, что в последнее время среди населения наблюдается постепенное снижение ажиотажа вокруг дальнейшего совершенствования и распространения ИИ и расширения нейросетей. Конечно, нельзя сказать, что интерес социума к ним угас, но возникает ощущение, что пользователи стали более осмысленно и осмотрительно относиться к передовым технологиям. Важно отметить, что и ведущие мировые разработчики ИИ стали высказываться более осторожно в отношении перспективы дальнейшего создания супер-ИИ, который может снизить роль личности, подменить человека и в дальнейшем поставить под угрозу факт самого существования нашей цивилизации.

Литература

1. Выступление В.В. Путина на пленарном заседании дискуссионного клуба «Валдай» 01.10.2026: URL: http://kremlin.ru/events/president/news/80910 (дата обращения: 09.10.2026).
2. *Мамонова Е.Е.* ИИ берет скоростью // Российская газета. 2026. 29 сент. № 223.
3. *Недзвецкая Н.П.* Современные аспекты комплементарности Человека и ИИ // Философия хозяйства. 2025. № 6. С. 95—99. DOI: 10.5281/zenodo. 17780501.
4. *Осипов Ю.М.* Белые скрижали. Сумма иного знания. Антиучебник. М.: ТЕИС, 2016. 464 с.
5. Стратегия развития биоэкономики в Российской Федерации на период до 2036 года и на дальнейшую перспективу до 2050 года: URL: http://static.government.ru/media/files/dYD3BDVdy6Fii5utWg69hQdmD1Kqfzak.pdf (дата обращения: 07.10.2026).
6. Statistics Explained: URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics- explained/index.php?title=R%26D_expenditure (дата обращения: 17.09.2026).
7. *Ziesemer B., Kort K., Kreimer N.* Das Duell um die Welt // Capital. 2026. Nr 3.

References

1. *Vystuplenie B.B.* Putina na plenarnom zasedanii diskussionnogo kluba «Valdaj» 01.10.2026: URL: http://kremlin.ru/events/president/news/80910 (data obrashcheniya: 09.10.2026).
2. *Mamonova E.E.* II beret skorost'yu // Rossijskaya gazeta. 2026. 29 sent. № 223.
3. *Nedzveckaya N.P.* Sovremennye aspekty komplementarnosti Cheloveka i II // Filosofiya hozyajstva. 2025. № 6. S. 95—99. DOI: 10.5281/zenodo. 17780501.
4. *Osipov Yu.M.* Belye skrizhali. Summa inogo znaniya. Antiuchebnik. M.: TEIS, 2016. 464 s.
5. Strategiya razvitiya bioekonomiki v Rossijskoj Federacii na period do 2036 goda i na dal'nejshuyu perspektivu do 2050 goda: URL: http://static.government.ru/media/files/dYD3BDVdy6Fii5utWg69hQdmD1Kqfzak.pdf (data obrashcheniya: 07.10.2026).

Ф.К. АБДУЛКЕРИМОВ, В.В. АТАЯН, Т.А. МАКАРЕНЯ

Устойчивое развитие региона: проблемы и возможные пути решения с учетом опыта незападных стран*

Аннотация. В данной статье систематизируются и анализируются различные точки зрения исследователей и ученых на определение понятия «устойчивое развитие». Авторы предлагают расширенное понимание концепции устойчивого развития, предоставляя более всестороннее и глубокое объяснение ее социально-экономических основ. Рассматриваются региональные особенности устойчивого развития на основе анализа социально-экономических показателей, таких как индекс физического объема, валовый региональный про-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Абдулкеримов Ф.К., Атаян В.В., Макареня Т.А. Устойчивое развитие региона: проблемы и возможные пути решения с учетом опыта незападных стран // Философия хозяйства. 2026. № 5. С. 164—182. DOI: 10.5281/zenodo.23560233.

дукт, валовый региональный продукт на душу населения, инвестиции в основной капитал на примере Ростовской области как стратегического региона между Востоком, Кавказом и историческими территориями нашей страны. В исследовании также рассматриваются специфические особенности и отличительные характеристики ведения хозяйства незападных стран. В том числе, отталкиваясь от опыта последних, делается вывод о необходимости планирования деятельности регионального развития с целью динамического и устойчивого развития.

Ключевые слова: регион, региональная экономика, устойчивое развитие региона, устойчивость, социально-экономическая система, цели устойчивого развития, территория.

Abstract. This article systematizes and analyzes various points of view of researchers and scientists on the definition of the concept of «sustainable development». The author offers an expanded understanding of the concept of sustainable development, providing a more comprehensive and in-depth explanation of its socio-economic foundations. The article examines the regional characteristics of sustainable development based on the analysis of socio-economic indicators, such as the index of physical volume, gross regional product, gross regional product per capita, and investments in fixed assets, using the example of the Rostov Region, which is a strategic region located between the East, the Caucasus, and the historical territories of our country. The study also examines the specific features and distinctive characteristics of the economy in non-Western countries, such as the countries of the East. It concludes that it is necessary to plan regional development activities in order to achieve dynamic and sustainable development.

Keywords: region, regional economy, sustainable regional development, sustainability, socioeconomic system, sustainable development goals, territory.

УДК 332.1
ББК 65.04

Несмотря на эскалацию санкций против экономики России, концепция устойчивого развития остается крайне важной для стабильного социально-экономического развития. Более того, ее важность требует постоянного мониторинга и систематического наблюдения. Вызовы, стоящие перед национальной экономикой, подразделяются на региональные и муниципальные контексты. Давление и нестабильность, затрагивающие национальные экономики, отражаются в схожих моделях региональных экономических систем.

Устойчивое региональное развитие все чаще признается важнейшим фактором социально-экономического прогресса и сохранения природных ресурсов в современном мире.

Россия имеет богатую историю исследований в области устойчивого регионального развития. Многочисленные ученые, в том числе И.Д. Афанасенко, Е.Б. Голованов, М.М. Гузев, А.Х. Думанова, В.В. Дорофеева, Е.Ю. Злобина, И.Л. Зимич, Н.С. Морозова, М.Ю. Осипова, Е.А. Пантелеева, Н.А. Соколова, О.Ю. Савенкова, Л.В. Турганова, Б.В. Шорова, З.М. Хашева, исследовали концепцию устойчивого развития в своих работах.

Рассмотрим определение устойчивого развития, в том числе устойчивого регионального развития указанных авторов в табл. 1.

Таблица 1

Анализ авторских концепций понятия «устойчивое развитие»

Автор	Определение
И.Д. Афанасенко	Устойчивость трактуется как адаптивная способность, опирающаяся на культурно-цивилизационные коды и механизмы саморегуляции на микро-, мезо- и макроуровнях
Е.Ю. Злобина, Е.А. Пантелеева	«Устойчивое развитие — это комплексная характеристика, которая включает в себя соответствие сразу трем целям (экономическим, социальным и экологическим), то и система индикаторов должна охватывать все составляющие устойчивого развития» [9, 105]

Продолжение табл 1

И.Л. Зимич, В.В. Дорофеева	«Комплексный процесс, характеризующийся стабильностью и защищенностью региональной экономики, направленный на обеспечение роста социо-эколого-экономических показателей, а также повышение уровня и качества жизни населения в долгосрочной перспективе» [10, 17]
Л.В. Турганова, О.Ю. Савенкова, Н.С. Морозова	«Устойчивое развитие региона — это определенное сочетание специфических социально-экономических, инновационных, правовых отношений, а также различного рода ресурсов, связанных с территориальной организацией общественного производства, представляет собой особый структурный элемент общенациональной системы производственных отношений» [19]
З.М. Хашева	«Процесс прогрессивной трансформации качественных и количественных показателей функционирования региональной системы, обеспечивающий создание и поддержание оптимальных условий для повышения качества жизни граждан» [21; 11, 134]
М.Ю. Осипова	«Целенаправленный процесс позитивных изменений, обеспечивающих системную социо-эколого-экономическую сбалансированность на длительном интервале времени» [15, 766; 11, 134]
М.М. Гузев	«Под устойчивым развитием понимается вся совокупность отношений в системе “человек — общество — природа”. Это такое развитие, при котором обеспечивается гармонизация взаимодействия между обществом и природой, в самом обществе и в человеке и которое направлено на совершенствование общественных отношений» [8, 69]
Б.В. Шорова, А.Х. Думанова, Н.А. Соколова	«Управляемый процесс изменения параметров региональной системы при поддержании ее динамического равновесия и обеспечении расширенного воспроизводства с целью удовлетворения потребностей и роста уровня жизни населения, при условии сохранения ресурсной базы и окружающей среды» [23, 147; 11, 134]

Продолжение табл 1

Е.Б. Голованов	«Способность и возможность социально-экономической системы региона сохранять и увеличивать значение необходимых параметров качества жизни населения за счет стимулирования хозяйствующих субъектов к расширенному воспроизводству, своевременно нивелировать негативное влияние внутренних и внешних факторов и трансформировать такого рода изменения в региональные преимущества, при условии сбалансированного развития экономической, социальной и экологической подсистем региона» [7, 28; 11, 134]

Источник: составлено авторами по [9; 10; 19; 21; 11; 15; 23; 7].

В таблице 1 представлены концептуальные подходы к определению устойчивого развития. Так, М.Ю. Осипова утверждает, что специфические особенности устойчивого развития региона закладывают основу для фундаментальных принципов динамической системы в трех измерениях для долгосрочного системного равновесия [15]. В своей работе автор не уточняет конкретные характеристики, которые четко устанавливают масштаб ожидаемых социально-экономических изменений.

Б.В. Шорова, А.Х. Думанова и Н.А. Соколова предполагают, что стратегическое региональное управление при условии сохранения ресурсной базы и окружающей среды осуществляется посредством преобразований внутри региона для достижения определенных социально-экономических целей на основе экологической идентичности как фактора устойчивого развития региона [23; 18]. Координирование концепции с устойчивым региональным развитием выявляет неопределенность достижения качественных изменений без использования конкретных инструментов и механизмов развития посредством гармоничной интеграции экологического, социального и экономического прогресса [18].

З.М. Хашева определяет прогресс в улучшении показателей, поддерживающих функционирование региональной системы, как специфический фактор увеличения обеспеченности людей финансовыми, материальными и духовными благами [21]. Необходимо отме-

тить, что некоторые авторы предложили иную перспективу, определяя устойчивое региональное развитие как способность региональной системы поддерживать и улучшать благосостояние своих жителей.

Ключевой вклад И.Д. Афанасенко в категориальный аппарат русской экономической школы связан с разработкой многоуровневой теории устойчивости хозяйственных систем. В программной статье «Теория устойчивости хозяйственных систем» устойчивость трактуется им не как статическое равновесие, а как адаптивная способность, опирающаяся на культурно-цивилизационные коды и механизмы саморегуляции на микро-, мезо- и макроуровнях [5]. Тем самым критически пересматривается универсалистская модель «переноса» решений: валидность экономических инструментов соотносится с контекстом цивилизационного уклада страны.

Анализ работ указанных авторов показал, что все данные ими определения близки к определению устойчивого развития, представленного в Программе развития Организации Объединенных Наций: во Всемирном отчете о человеческом развитии оно показано как «процесс, посредством которого формулируется экономическая, налоговая, торговая, энергетическая, сельскохозяйственная и промышленная политика с целью установления устойчивого экономического, социального и экологического развития» [24]. (Заметим, что И.Д. Афанасенко закладывал в это понятие *цивилизационные* особенности.)

В рамках проведенного исследования нами был рассмотрен опыт стран Востока как имеющих национальные особенности развития и хозяйственного уклада, которые закреплены в конституциях, соответственно, было важно изучить уже существующие подходы к определению устойчивого развития.

Так, не только в конституциях государств Дальнего Востока, в которых власть сохраняет коммунистическая партия, но и в ближневосточных теократиях (весьма показательны ст. 44 Конституции Ирана, ст. 16, 17 Основного низама о власти Саудовской Аравии и проч.), в странах Юго-Восточной Азии (Тайланд, Бруней) прописывается плановый характер ведения экономики, осуществляется закрепление государственной собственности на землю и примат государства в таких стратегических отраслях экономики, как тяжелое машиностроение, добыча минерально-сырьевых ресурсов, банкинг

и т. д. Несомненно, что подобный экономико-правовой и — шире — мировоззренческий уклад позволяет многим незападным странам обрести суверенную экономику, выдерживать агрессивные и необоснованные санкционные нагрузки и, как следствие, проявлять независимость в политической сфере.

Так, в хозяйственной сфере Ирана существенная роль принадлежит государству. Особенно велики масштабы государственного сектора экономики в таких отраслях, как тяжелая промышленность, внешняя торговля, банкинг, коммуникации и многие другие сферы. Все это получает закрепление в важнейшей 44 статье иранского основного закона. Кроме того, экономическая деятельность осуществляется на принципах планирования (ст. 44 Конституции Исламской Республики Иран) [2].

Для реализации социальных, хозяйственных, культурных и прочих программ, исходя из ст. 100 Конституции Ирана, на всех уровнях управления создаются соответствующие советы [4].

Другим показательным примером является такой социально-исторический организм, как Китайская Народная Республика, являющаяся, в соответствии с нормами Конституции, государством «демократической диктатуры народа». Несмотря на то что за последние сорок лет в экономику были широко внесены рыночные элементы, организация власти в Китае, а также отношение к такому базовому средству производства, как земля, демонстрирует, что этот влиятельный актор не может быть отнесен к рыночным цивилизациям [4].

Так, в Китае продолжает существовать экономическое планирование, вся земля находится в собственности государства. По сути, в Китае, а также в ряде других незападных стран (в частности, в Эфиопии) де-факто продолжает существовать азиатский способ производства, что закреплено основополагающим законодательством [3]. В соответствии с китайской конституцией земля находится в государственной собственности, что исторически всегда было свойственно этой цивилизации. Утрачивание же верховной властью собственности на землю в древние времена приводило к расшатыванию и гибели единой страны и династии. Также такие отрасли, как энергетика, транспорт, автомобилестроение, военно-промышленный комплекс, находятся в руках государства [4].

Основываясь на огосударствленной экономике, китайская компартия продолжает осуществлять руководство страной. Указанные обстоятельства не состыкуются с утверждениями ряда либеральных и «иноагентских» публицистов, утверждающих, что в КНР якобы установлен типичный капитализм под красной ширмой [4].

Анализ публикаций исследователей таких стран, как Иран и Ирак, показал наличие цивилизационных особенностей при подходе к определению концепции устойчивого развития.

Мохаммед Рахи дает следующее определение устойчивому развитию: «Это не статичная концепция, а, скорее, культурно ориентированный поиск динамического равновесия во взаимоотношениях между социальными, экономическими и природными системами, равновесие которого стремится содействовать равенству между странами, расами, социальными классами и народностями» [26].

По мнению О.М. Гонейм (O.M. Ghoneim), устойчивое развитие включает следующее [25]:

1) экономическое измерение: напрвлено на максимизацию экономического благосостояния;

2) экологическое измерение: направлено на сбережение экологических ресурсов;

3) социальное измерение: направлено нарешение социальных проблем.

Многие китайские ученые связывали устойчивое развитие с конфуцианскими идеями. Например, Чжан Цичжи рассматривал конфуцианство как культуру гармонии между людьми, природой и обществом. Он отмечал, что социальные модели «великой гармонии» (Датун) и «среднезажиточного общества» (Сяокан) перекликаются с идеями устойчивого развития [22].

Вместе с тем хозяйственная и управленческая практика незападных стран убедительно подтверждает, что тезис об «универсальности» и общеобязательности рыночного по своему генезису и сути западного социального уклада (в том числе и определений устойчивого развития для всех стран) является не только дискуссионным, но и всецело несостоятельным: публично-правовая сфера и экономическая практика ведущих государств как Западной, так и Восточной Азии убедительно подтверждают неуниверсальность западного экономического и социокультурного уклада. Таким образом, можно сделать вывод, что устойчивое развитие в государствах Востока, иных

незападных странах может происходить на основе своего «родового» социокультурного кода.

Бесспорным является вывод, в соответствии с которым нерыночная экономика, зиждущаяся на классических ценностных основаниях (в частности, на идее «азиатского способа производства»), не только способна выживать и воспроизводить себя в новейшую эпоху, но и может оказаться «культурным эмитентом», т. е. предлагать свои управленческие и экономические стратегии странам, обществам и народам всего мира [3]. Для России, ведущей борьбу с агрессивным коллективным Западом, неизменно нарушающим всякого рода договоренности о нераспространении своей военной и политической инфраструктуры на Восток, примеры и экономико-управленческие технологии незападных стран могут быть образцом в практической сфере.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что определение направлений и факторов поддержания роста стратегической социально-экономической устойчивости в контексте «устойчивого регионального развития» имеет решающее значение. Этот подход следует рассматривать как целостный процесс многоступенчатой региональной социально-экономической системы, координируемый на национальном и региональном уровнях, направленный на значительный рост в социальной, экологической и экономической сферах. Представленный подход обеспечивает высокий уровень качества жизни и благополучия населения сегодня и в будущем, независимо от имеющихся региональных ресурсов [11].

Таким образом, устойчивое развитие охватывает широкий спектр областей регионального развития, включая экономику, экологию и социальное благополучие. Центральное место в этой концепции занимают долгосрочное улучшение и поддержание качества жизни населения. Устойчивое развитие выходит за рамки простого эффективного использования ограниченных ресурсов.

Региональное социально-экономическое планирование требует обеспечения устойчивого развития в свете постоянно меняющихся социальных, экономических и экологических вызовов, стоящих перед территориальной социоэкономической системой. Мониторинг и анализ устойчивости текущего состояния региональной си-

стемы развития позволяют выявить внутренние механизмы, способствующие стабильности современных вызовов, стоящих перед региональной системой.

Рассмотрение вопросов устойчивого регионального развития позволяет нам понять, что оно имеет первостепенное значение для региональной социально-экономической системы. В сфере устойчивого регионального развития плановая деятельность и систематические действия региональных властей и экономических субъектов несут важнейшую ответственность: обеспечение стабильности и устойчивого развития социально-экономической структуры региона. Стратегическое планирование региональных социально-экономических систем позволяет регионам эффективно реагировать на меняющиеся условия путем интеграции принципов устойчивого развития, что в конечном итоге приводит к сбалансированному и устойчивому росту, отвечающему современным вызовам и соответствующему целям устойчивого развития региона.

Необходимость изучения устойчивости регионального развития возрастает в связи с масштабными социально-природными и экономическими проблемами, затрагивающими интересы населения и меняющимися характеристиками экономической системы. Это требует непрерывного развития фундаментальных концепций, совершенствования методологий, эффективного сочетания нормативного и эмпирического анализа, а также практических инструментов для эффективных стратегий управления, обеспечивающих успешные результаты.

Авторами проведена оценка устойчивого развития региона на примере Ростовской области за период 2015—2024 гг. как региона, имеющего стратегическое значение в современной истории страны: это наличие транспортных путей на Восток, Кавказ и в исторические регионы; развитый промышленный и сельскохозяйственные комплексы.

Анализ статистических данных показал, что в 2024 г. валовой региональный продукт на душу населения в Ростовской области достиг 746 510 р., что значительно ниже среднего показателя по стране (1276 520 р.) и среднего показателя по Южному федеральному округу (757 060 р.). В то время как в Южном федеральном округе за исследуемый период наблюдался рост ВРП на душу населения на

27,4%, в Российской Федерации этот рост был более значительным — на 30,1%. Примечательно, что наиболее впечатляющий темп роста — 78,9% — продемонстрировала в Южном федеральном округе Республика Калмыкия.

Таблица 2

ВРП на душу населения регионов ЮФО, тыс. р.

	2022	**2023**	**2024**	**Абсолютное отклонение 2024 г. от 2022 г.**	**Темпы роста 2024 г. к 2022 г.**
Российская Федерация	980,62	1 114,29	1 276,52	295,9	130,17
ЮФО	594,19	670,99	757,06	162,87	127,41
Республика Адыгея	395,6	446,7	567,83	172,23	143,54
Республика Калмыкия	454,43	633,27	813,19	358,76	178,95
Республика Крым	347,09	390,23	470,79	123,7	135,64
Краснодарский край	744,98	828,22	922,28	177,3	123,80
Астраханская область	806,96	828,72	944,95	137,99	117,10
Волгоградская область	494,49	567,44	621,12	126,63	125,61
Ростовская область	565,36	664,48	746,51	181,15	132,04
г. Севастополь	416,82	450,03	504,99	88,17	121,15

Источник: [20].

В таблице 2 представлены данные о ВРП на душу населения для регионов ЮФО за 2022—2024 гг. На основе представленных данных, в 2024 г. большинство регионов ЮФО продемонстрировали значительный рост ВВП на душу населения. Ростовская область занимает 4-е место по ВВП на душу населения и демонстрирует умерен-

ный рост, что свидетельствует об устойчивом развитии этих регионов. Эти тенденции указывают на благоприятные экономические перспективы региона и предполагают позитивное развитие в ближайшие годы.

Таблица 3

Показатели экономического развития Ростовской области за период 2015—2024 гг.

	2015	**2020**	**2022**	**2023**	**2024**
Индекс физического объема	104,0	97,7	102,8	106,5	101,1
Производство ВРП на душу населения, в % от среднероссийского уровня	62,47	62,49	57,65	59,63	58,48
ВРП на душу населения, тыс. р..	279,50	417,53	565,36	664,48	746,51
Валовой региональный продукт в текущих ценах, млн р.	1,19	1,76	2,36	2,76	3,09
Инвестиции в основной капитал, млрд р.	309,4	323,8	470,55	645,79	717,3
Инвестиции в основной капитал, в % к предыдущему году	93,2	111,8	103,2	123,8	102,4
Доля инвестиций в основной капитал к ВРП	26,00	18,40	19,94	23,40	23,21

Источник: [20].

Анализ ключевых региональных экономических показателей за период с 2015 по 2024 г. показывает устойчивый рост валового регионального продукта, капиталовложений и среднего ВРП на душу населения. Как показано в табл. 3, в 2024 г. наблюдалось незначительное снижение индекса физического объема. На основании представленных данных можно сделать вывод, что инвестиции в ВРП в 2024 г. несколько снизились по сравнению с показателями прошлого года. В целом можно отметить, что анализ статистических данных показал позитивные улучшения в региональной социально-экономической системе, демонстрируя потенциал для значительного улучшения качества жизни на региональном уровне и траекторию непрерывного повышения эффективности региональных инвестиций.

Необходимо отметить, что в Ростовской области и в ЮФО в целом отсутствуют программы развития с указанием количественных показателей развития [13]. Это затрудняет системное и устойчивое развитие и проведенный анализ тенденций таких статистических показателей, как ВРП на душу населения, валовый региональный продукт, инвестиции в основной капитал тому подтверждение.

В настоящее время растущая тенденция к долгосрочному устойчивому развитию в регионе способствует непрерывному повышению уровня жизни и общей экономической активности, а также улучшению благосостояния граждан. Поэтому создание региональных долгосрочных программ с указанием точных количественных показателей имеет важное значение для устойчивого развития как региона, так и всей страны. Наличие таких программ является элементом планового ведения хозяйства, опыт которого был рассмотрен на примере восточных стран. Также при реализации устойчивого развития такого стратегического региона, как Ростовская область, необходимо учитывать экономику новых территорий и возобновлять развитие тех отраслей, которые были взаимосвязаны с отраслями ДНР, ЛНР, Крыма, т. е. учитывать цивилизационные особенности нашей страны, как писал И.Д. Афанасенко.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что устойчивое региональное развитие определяется сочетанием факторов, позволяющих провести как значимую количественную, так и качественную оценку динамического равновесия в региональных социально-экономических системах с учетом современного состояния общества.

Необходимо отметить, что важнейшей задачей социально-экономического развития Ростовской области является поддержание устойчивого роста путем расширения социально-экономической базы и создания благоприятных условий для перехода к промышленно-инновационной отраслевой модели социально-экономического развития, ориентированной прежде всего на смягчение последствий региональных социально-экономических проблем, а не на непосредственное решение фундаментальных факторов, определяющих региональную экономику и ее будущие перспективы. Достижение этих целей требует скоординированных усилий правительства и бизнеса по созданию благоприятной инновационной среды, включая развитие инфраструктуры, финансовые стимулы и подготовку квалифицированных кадров. А для решения всех этих задач необходима программа развития с заданными количественными значениями, т. е. нужен план действий.

Литература

1. *Антонова М.А.* Теоретико-методологические основы изучения устойчивого развития регионов // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2013. № 4 (36). С. 10—27: URL: https://eee-region.ru/article/3604/ (дата обращения: 25.04.2026).

2. *Атаян В.В.* Экономико-аксиологическое содержание конституций стран Ближнего Востока // Вест. Моск. ун-та. Сер. Право. 2016. № 1. С. 35—44.

3. *Атаян В.В.* Азиатский способ производства в конституциях стран Незапада // Философия хозяйства. 2020. № 2. С 263—279.

4. *Атаян В.В.* Ценностные основания глобального социокультурного изменения. Ростов/нД: ООО «Фонд науки и образования», 2022. 314 с.

5. *Афанасенко И.Д.* Теория устойчивости хозяйственных систем // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2012. № 4: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-ustoychivosti-hozyaystvennyh-sistem (дата обращения: 29.04.2026).

6. *Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики: Учебник для вузов. 3-е изд. М.: ТЕИС, 2003. 495 с.

7. *Голованов Е.Б.* Методический подход в оценке устойчивого развития региональной экономики // Современные технологии управления. 2015. № 3 (51): URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskiy-podhod-v-otsenke-ustoychivogo-razvitiya-regionalnoy-ekonomiki (дата обращения: 29.04.2026).

8. *Гузев М.М.* Проблемы устойчивого развития в условиях глобальной неустойчивости и их ноосферное решение // Философия хозяйства. 2025. № 6. С. 66—82. DOI: 10.5281/zenodo.17780459.

9. *Злобина Е.Ю., Пантелеева Е.А.* Устойчивое развитие региона: сущность понятия и основные подходы к оценке // Технологии менеджмента в современной экономике: тенденции и перспективы: Материалы V Международной научной конференции: В 3 т. Ростов-на-Дону, 13—15 марта 2025 г. Ростов/Д; Таганрог: Южный федеральный университет, 2025. С. 102—106. EDN HEWZYU.

10. *Зимич И.Л., Дорофеева В.В.* К вопросу о сущности понятия «устойчивое развитие региона» // Проблемы межрегиональных связей. 2024. № 28. С. 14—17. DOI 10.54792/24145734_2024_28_14_17. – EDN WLHTBX.

11. *Корабейников И.Н., Бальцежак М.С.* Классификация подходов к определению понятия «устойчивое развитие региона» // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 5. № 5 (146). С. 131—140. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.05.05.017. EDN KQQBPS.

12. Конституция Исламской Республики Иран от 15 октября 2005 года // Конституции государств Азии / Под ред. Т.Я. Хабриевой: В 3 т. Т. 1: Западная Азия. М.: Норма, 2010. С. 258.

13. *Макареня Т.А., Калиниченко А.И., Маннаа А.С., Петренко С.В.* Новые вызовы и форматы устойчивого экономического развития в период неопределенности: российский и зарубежный опыт: Сборник научных статей по результатам III Международной научно-практической конференции и IX Международной научно-практической конференции. М., 2024. С. 126—134.

14. Организации Объединенных Наций // ООН: URL: https://www.un.org/ru/ (дата обращения: 25.04.2026).

15. *Осипова М.Ю.* Совершенствование модели управления устойчивым развитием региональной системы (на примере Пермского края) // Экономика и предпринимательство. 2016. № 10-1 (75). С. 766—772.

16. Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе // ЮФО: URL: http://ufo.gov.ru/district/ (дата обращения: 25.04.2026).

17. *Репушевская О.А.* Алгоритм оценки уровня устойчивого развития региона как элемента устойчивого развития // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2025. № 1. С. 117—123. EDN HWESJK.

18. *Соколов Н.А.* Концепция устойчивого развития и международное право окружающей среды // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 1 (11). С. 225—232: URL: https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.87.11.225-232 (дата обращения: 22.05.2026).

19. *Турганова Л.В. Савенкова О.Ю., Морозова Н.С.* Систематизация подходов к определению устойчивого развития региона // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 381. EDN SYZPFH.

20. Федеральная служба государственной статистики: URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 25.04.2026).

21. *Хашева З.М., Джерештиева Ф.А.* Управление устойчивым развитием региона: Монография. Краснодар: Южный институт менеджмента, 2011. 116 с.

22. *Чебунин А.В.* Современное конфуцианство и концепция устойчивого развития // Философская мысль. 2021. № 9. С. 31—44. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.9.36499.

23. *Шорова Б.В, Думанова А.Х.* Сущность, необходимость и содержание управления устойчивым развитием региона // Экономические науки. 2011. № 85. С. 146—149.

24. Drought and water scarcity management policy in England and wales-current failings and the potential of civic innovation // Policy and Practice Reviews. Article Front. Environ. Sec. Science and Environmental Communication. 2021. Vol. 9: URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fenvs.2021.574975/full (дата обращения: 20.08.2026).

25. *Ghoneim D.M.* Sustainable Development, its Philosophy, Planning Methods and Measurement Tools. Amman: Dar Al-Safa for Publishing, 2006. P. 39.

26. *Rahi M.* The Impact of Technological Innovation In Environmental Sustainability (An exploratory study in the Arab Company for the manufacture of antibiotics). Thesis Submitted to College of Technical

Management. Dept. of Operations Management Techniques, Baghdad. Iraq. 2021.

27. UNESCO-UNEVOC International Centre for Technical and Vocational Education and Training Hermann-Ehlers-Str. 10: URL: https://unevoc.unesco.org/fileadmin/user_upload/docs/CS_vol2_ESD_Africa_Final.pdf.

References

1. *Antonova M.A.* Teoretiko-metodologicheskie osnovy izucheniya ustojchivogo razvitiya regionov // Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyj nauchnyj zhurnal. 2013. № 4 (36). C. 10—27: URL: https://eee-region.ru/article/3604/ (data obrashcheniya: 25.04.2026).

2. *Atayan V.V.* Ekonomiko-aksiologicheskoe soderzhanie konstitucij stran Blizhnego Vostoka // Vest. Mosk. un-ta. Ser. Pravo. 2016. № 1. S. 35—44.

3. *Atayan V.V.* Aziatskij sposob proizvodstva v konstituciyah stran Nezapada // Filosofiya hozyajstva. 2020. № 2. S. 263—279.

4. *Atayan V.V.* Cennostnye osnovaniya global'nogo sociokul'turnogo izmeneniya. Rostov/nD: OOO «Fond nauki i obrazovaniya», 2022. 314 s.

5. *Afanasenko I.D.* Teoriya ustojchivosti hozyajstvennyh sistem // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2012. № 4: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-ustoychivosti-hozyaystvennyh-sistem (data obrashcheniya: 29.04.2026).

6. *Granberg A.G.* Osnovy regional'noj ekonomiki: Uchebnik dlya vuzov. 3-e izd. M.: TEIS, 2003. 495 s.

7. *Golovanov E.B.* Metodicheskij podhod v ocenke ustojchivogo razvitiya regional'noj ekonomiki // Sovremennye tekhnologii upravleniya. 2015. № 3 (51): URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskiy-podhod-v-otsenke-ustoychivogo-razvitiya-regionalnoy-ekonomiki (data obrashcheniya: 29.04.2026).

8. *Guzev M.M.* Problemy ustojchivogo razvitiya v usloviyah global'noj neustojchivosti i ih noosfernoe reshenie // Filosofiya hozyajstva. 2025. № 6. S. 66—82. DOI: 10.5281/zenodo.17780459.

9. *Zlobina E.YU., Panteleeva E.A.* Ustojchivoe razvitie regiona: sushchnost' ponyatiya i osnovnye podhody k ocenke // Tekhnologii

menedzhmenta v sovremennoj ekonomike: tendencii i perspektivy: Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: V 3 t. Rostov-na-Donu, 13—15 marta 2025 g. Rostov/D; Taganrog: YUzhnyj federal'nyj universitet, 2025. S. 102—106. EDN HEWZYU.

10. *Zimich I.L., Dorofeeva V.V.* K voprosu o sushchnosti ponyatiya «ustojchivoe razvitie regiona» // Problemy mezhregional'nyh svyazej. 2024. № 28. S. 14—17. DOI 10.54792/24145734_2024_28_14_17. – EDN WLHTBX.

11. *Korabejnikov I.N., Bal'cezhak M.S.* Klassifikaciya podhodov k opredeleniyu ponyatiya «ustojchivoe razvitie regiona» // Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. 2024. T. 5. № 5 (146). S. 131—140. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.05.05.017. EDN KQQBPS.

12. Konstituciya Islamskoj Respubliki Iran ot 15 oktyabrya 2005 goda // Konstitucii gosudarstv Azii / Pod red. T.YA. Habrievoj: V 3 t. T. 1: Zapadnaya Aziya. M.: Norma, 2010. S. 258.

13. *Makarenya T.A., Kalinichenko A.I., Mannaa A.S., Petrenko S.V.* Novye vyzovy i formaty ustojchivogo ekonomicheskogo razvitiya v period neopredelennosti: rossijskij i zarubezhnyj opyt: Sbornik nauchnyh statej po rezul'tatam III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii i IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M., 2024. S. 126—134.

14. Organizacii Ob"edinennyh Nacij // OON: URL: https://www.un.org/ru/ (data obrashcheniya: 25.04.2026).

15. Osipova M.YU. Sovershenstvovanie modeli upravleniya ustojchivym razvitiem regional'noj sistemy (na primere Permskogo kraya) // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2016. № 10-1 (75). S. 766—772.

16. Polnomochnyj predstavitel' Prezidenta Rossijskoj Federacii v YUzhnom federal'nom okruge // YUFO: URL: http://ufo.gov.ru/district/ (data obrashcheniya: 25.04.2026).

17. Repushevskaya O.A. Algoritm ocenki urovnya ustojchivogo razvitiya regiona kak elementa ustojchivogo razvitiya // Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki. 2025. № 1. S. 117—123. EDN HWESJK.

18. Sokolov N.A. Koncepciya ustojchivogo razvitiya i mezhdunarodnoe pravo okruzhayushchej sredy // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). 2021. № 1 (11). C. 225—232: URL: https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.87.11.225-232 (data obrashcheniya: 22.05.2026).

19. *Turganova L.V. Savenkova O.YU., Morozova N.S.* Sistematizaciya podhodov k opredeleniyu ustojchivogo razvitiya regiona // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. № 3. S. 381. EDN SYZPFH.

20. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki: URL: https://rosstat.gov.ru/ (data obrashcheniya: 25.04.2026).

21. *Hasheva Z.M.*, Dzhereshtieva F.A. Upravlenie ustojchivym razvitiem regiona: Monografiya. Krasnodar: YUzhnyj institut menedzhmenta, 2011. 116 c.

22. *CHebunin A.V.* Sovremennoe konfucianstvo i koncepciya ustojchivogo razvitiya // Filosofskaya mysl'. 2021. № 9. S. 31—44. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.9.36499.

23. *SHorova B.V, Dumanova A.H.* Sushchnost', neobhodimost' i soderzhanie upravleniya ustojchivym razvitiem regiona // Ekonomicheskie nauki. 2011. № 85. S. 146—149.

24. Drought and water scarcity management policy in England and wales-current failings and the potential of civic innovation // Policy and Practice Reviews. Article Front. Environ. Sec. Science and Environmental Communication. 2021. Vol. 9: URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fenvs.2021.574975/full (data obrashcheniya: 20.08.2026).

25. Dr. Othman Mohammed Ghoneim. Sustainable Development, its Philosophy, Planning Methods and Measurement Tools. Amman: Dar Al-Safa for Publishing, 2006. P. 39.

26. Mohammed Rahi Moutlag. The Impact of Technological In-novation In Environmental Sustainability (An exploratory study in the Arab Company for the manufacture of antibiotics). Thesis Submitted to College of Technical Management. Dept. of Operations Management Techniques, Baghdad. Iraq. 2021.

27. UNESCO-UNEVOC International Centre for Technical and Vocational Education and Training Hermann-Ehlers-Str. 10: URL: https://unevoc.unesco.org/fileadmin/user_upload/docs/CS_vol2_ESD_Africa_Final.pdf.

IV

АКТУАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Иное в контексте философии*

Аннотация. Исследуется феномен Инобытия, кратко — Иного. Платон и Эпикур представили Иное в качестве силового фактора вечности, порождающего противоречия и диалектику, определяющего отклонения бытия и человека от ига необходимости.

В христианстве Иное создало свою инфраструктуру, свои институты — монастыри и монашеское сословие иноков — уникальных субъектов Иного.

Кант выявил гносеологический статус Иного в качестве «знания о незнании», воплощением которого стала «вещь в себе». Гегель представил Иное в качестве высшего начала Духа, приносящего в жертву природу, историю, культуру и человека ради создания и обретения адекватного понятия о самом себе.

В древнерусском фольклоре Иное предстает как особое царство, хранящее в себе воду живую и мертвую. Иное действует по алгоритму живой неопределенности: «Пойди туда, не зная куда, принеси то, не зная что».

В русской философии Иное раскрывается и действует в качестве софийного начала, опосредующего взаимоотношения Бога и мира.

В современной русской философии Иное концептуально исследует Ю.М. Осипов, который представил его в качестве органического единства сущего и вещего. Иное есть спонтанная субъектная сила вечности, обновляющая бытие. В то же время Иное есть творящая сила Духа, обновляющая знание, выражая его в формах философии хозяйства, софиасофии, софиалектики.

Ключевые слова: Иное, Инобытие, иноки, отклонение, вещь в себе, сущее и вещее.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шулевский Н.Б. Иное в контексте философии // Философия хозяйства. 2026. № 5. С. 185—198. DOI: 10.5281/zenodo.23560494.

Abstract. The article investigates the phenomenon of Otherbeing, briefly — the Other. Plato and Epicurus presented the Other as the power factor of eternity generating contradictions and dialectics, determining the deviations of being and a human from the yoke of necessity.

In Christianity, the Other created its infrastructure, its institutions, creating monasteries and the monastic class of monks, unique subjects of the Other.

Kant revealed the epistemological status of the Other as the «knowledge of ignorance», the embodiment of which was the «thing in itself». Hegel presented the Other as the highest principle of the Spirit sacrificing nature, history, culture and a human in order to create and acquire an adequate concept of oneself.

In ancient Russian folklore, the Other appears as a special kingdom that stores living and dead water. The Other acts according to the algorithm of living uncertainty: «Go there, not knowing where, bring what, not knowing what».

In Russian philosophy, the Other is revealed and acts as a sophic principle that mediates the relationship between God and the world.

In modern Russian philosophy, the Other is conceptually explored by Yu.M. Osipov, who presented it as an organic unity of being and prophetic. The other is the spontaneous subjective power of eternity renewing the being. At the same time, the Other is a creative power of the Spirit renewing knowledge, expressing it in the forms of philosophy of economy, sophiasophy, sophialectics.

Keywords: the Other, Otherbeing, monks, deviation, thing in itself, being and prophetic.

УДК 111
ББК 65в

Если бы современный мир провел смысловую диагностику своего когнитивного состояния, то он вполне мог бы оценить себя апофатической формулой Сократа: «Я знаю только то, что я ничего не знаю». Парадоксально, но утопая в сверхизобилии информации, современный мир не понимает себя, не знает, куда и зачем несет, ведет его спонтанный рост информации, становящейся уже цифропаранойей.

Формула Сократа признает наличие в мире демона неизвестности, который радикально испытывает бытие и знание, обнуляя их или же обогащая новым содержанием, превращая их в нечто другое, в ноумен и феномен *Иного*.

Негативная самооценка миром своего когнитивного состояния обусловлена тем обстоятельством, что во все его противоречия, кризисы, формы и структуры вмешивается, проникает фактор информации, который изменяет, деформирует, трансформирует его содержание, не позволяя в полной мере использовать когнитивный потенциал диалектической, системной и аналитической методологии.

Непонимание, незнание современным миром самого себя, описание его предметной и смысловой инфраструктуры наиболее кратко и адекватно выражает слово, термин, формула — Иное.

Иное — это уникальное слово, выражающее свою динамическую, интегральную семантику через все части речи. Это и существительное, и прилагательное, и местоимение, и глагол, и наречие, и союз… и еще некая неизвестная часть речи.

Но Иное — это даже не совсем слово, не совсем сущность, а какая-то смыслосиловая субстанция. Есть слово, есть обозначаемый им предмет, например дерево, есть познающий человек, но есть и иное, не совпадающее с предметом, со словом и с человеком. Это — смысл. И он монопольно не принадлежит ни предмету, ни слову, ни человеку, ни знанию, а выражает «третий мир», пространство их общения. Смысл — вездесуший, неуловимый, животворящий, озаряющий, вдохновляющий, умиротворяющий, всепрощающий, всеисцеляющий, благонесущий посланник Духа. Поэтому нет страшнее кары для человека, чем бессмысленные занятия [6].

Современный мир адекватно не познает, не понимает самого себя, так как он существует не сам по себе, а является проявлением, *Инобытием* другой реальности — информации, которая детерминирует его предметное и смысловое содержание, определяет тенденции и бифуркации его развития, направляя его по пути конструирования своего искусственного образа.

Мир существует и дан не только сам по себе, как ЭТО, но и как *Инобытие информации,* которая сама проявляет, интерпретирует, определяет себя через все формы и функции мира, используя в своих целях все его онтологические и когнитивные инструменты. В этом

выражении основным термином является не информация, а Иное, которое содержит в себе ее творящий архетип, ее деструктивную агрессию. Именно поэтому Иное становится ключевой категорией в понимании современного бытия, разума, знания. Иное теснит традиционную онтологию, гносеологию и рациональность, подменяя их формами Инобытия, Иноумия, Инознания.

Чтобы сделать более очевидным введение в тему Иного, используем притчу. В портовом городе N стоит храм, в котором есть музей, где хранятся различные ценные вещи. Настоятель храма разъясняет, что эти вещи представляют дары тех, кто молился во время морских ураганов и спасся в кораблекрушениях. Один посетитель храмового музея спросил: «А где дары тех, кто молились, но не спаслись?».

Иное выражает бытие, интересы, надежды, интуиции, знания, принцип тех, кто молился, но не спаслись, тех, кто молится, но не спасется, бытийный статус всех проигравших в жизненной борьбе, всех обездоленных, обреченных, всех анонимных жертв, выпавших даже из круга судьбы. Во всех реалиях, доступных сегодня сознанию, смысла и спасения нет. Отсюда — призыв Иного и к Иному. Иное стоит на стороне всех порабощенных, униженных, оскорбленных, обессмысленных, лишенных доступа к световым понятиям жизни. Иное самим фактом своего рабочего дела говорит армии страдальцев бытия: «Будет и на вашей улице праздник!» Иное — неведомый бог (Deus Incognitus) для изгоев бытия, ищущих его свободные земли.

Современный мир молится на информацию и ИИ, но он не вполне уверен, что эта молитва его спасет, а других молитв он не знает. Вернее, эти молитвы знает Иное, несущее на своем острие перспективу грядущего, критерии нового разделения на победителей и побежденных, на спасенных и обреченных, диалектику исхода из этого адского тупика. Но проект договора современного мира и информации еще не выработан, не создан, или он пока еще недоступен для людского любопытства.

Иное — уникальный принцип апофатической методологии, характеризующей бытие и вещи со стороны того, чем они не являются, устанавливающий бытийный статус и перспективы всех говорящих НЕТ. НЕТ говорят, примеряют, применяют не только люди, но этим отчаянным орудием диалектики молчаливо пользуются все реалии,

вещи, знания, ограждая себя посредством его от диктатуры безотрадной данности и освобождая в себе место для посланий, агентов, жизненных реалий грядущего.

Итак, вперед, мысль, в мир Иной, дабы обрести его молитвы, надежды, перспективы, смыслы, понимание, лозунги борьбы и спасения!

Событийное и духовное гражданство Иное обрело в философии Платона, который впервые дал анализ его онтологического и когнитивного содержания в своих диалогах «Софист» и «Парменид».

Платон обнаружил в Космосе странного агента — непостижимый, трудно выразимый фактор-аттрактор, формирующий из противоположностей события, незримо направляющий их ход по пути неизвестности. Например, есть Единое. Но оно почему-то не желает (да и не может) оставаться самим собой, наслаждаться своей идентичностью, а вынуждено переходить во множество и растворяться в нем. И Многое не желает и не может наслаждаться своим разнообразием, а устремляется к Единому и, жертвуя своей многокрасочностью, поселяется в нем. В итоге из нарушения идентичности Единого и Многого возникают взаимодействия, порождающие различные вещи из этих начал.

Такой же анонимный фактор действует во всех противоречиях. Даже вечные, совершенные идеи не желают и не могут замыкаться в своей идеальности, а некий икс вынуждает их превращаться в материальные вещи, которые тоже не могут и не желают оставаться в материальных формах, а устремляются к своим прообразам-идеям. Есть боги и люди, а есть противоборствующие и соревнующиеся с ними титаны и герои, которые идут путями, минуя человеческий и даже божественный удел, даже олимпийцы страшатся их. Куда же они могут идти [6]?

В противоречии противоположных и самодовлеющих мужских и женских начал Иным является невидимый Эрот, который побуждает, принуждает их стремиться друг к другу, создавать союзы, порождать природное и культурное потомство. Эрот не входит в олимпийский пантеон богов, но именно он обусловливает радикальные решения и поведение всех богов. Некие подобия эротов есть во всех противоречиях, а их космическая общность образует единый эротический облик Иного.

Следовательно, в структурах противоречий есть еще какое-то начало, не совпадающее с противоположностями, имеющее над ними власть, созидающее из них конкретные реалии, соединяющее их, гонящее их к какому-то неведомому финалу. Вот этот неведомый, спонтанный фактор-аттрактор Платон обозначил категорией Иного.

Общий вывод Платона гласит, что «Иное» есть высший определитель всех противоположных категорий. Иное «проходит через все остальные виды, ибо каждое одно есть иное по отношению к другому не в силу собственной природы, но вследствие причастности идее иного» [3, 377—378]. Иное сохраняет в себе еще не реализованные качества вещей, идей, событий представляя стратегический резерв бытия, сакральное лекарство от изоляции, разобщенности, одиночества вещей и мыслей. Иное представляет ту единую реалию мира, которая служит причиной противоречий и диалектике, в которой они зарождаются.

Можно предположить, что Иное для Платона — это вечность, действующая в качестве анонимной причины, находясь в вещах и вне вещей, создающая алгоритмы их взаимодействий. Иное не позволяет противоположностям наслаждаться своей автономией, а заставляет их порождать самобытные плоды — конструктивные взаимодействия, упрямые вещи и непредсказуемые события.

Платон подразумевает даже особую науку, призванную изучать Иное. Ее можно назвать инолектикой, или софиалектикой, а изучать она должна механизмы, причины возникновения противоречий, самой диалектики из единоречий вечности.

Отдельную главу книги об Ином создала философия Эпикура, хотя он использовал этот термин редко и случайно, но выявил его существенные содержание.

Согласно Эпикуру, мироздание, все его материальные, сакральные, духовные, душевные явления состоят из атомов. Атомам присуще фундаментальное свойство — отклонение от любых заданных и существующих траекторий, функций, норм, правил, законов, мер, форм.

Отклонения нетождественны любым аномалиям. Отклонения всегда позитивны, конструктивны, благодетельны для бытия и человека, создавая новые реалии, пути, возможности, оставляя за бортом тягостные, неразрешимые состояния и страхи жизни. Отклонения

объективно благие, так как они исходят из внутренней сущности самих атомов, а вот человеческие отклонения субъективны, ошибочны и пагубны — ведут к болезням и смерти.

Принцип отклонения открывает уникальный оптимистический взгляд на перспективы человеческого существования, создавая контекст, альтернативный всевластию смерти. Жизнь в связке со смертью у Эпикура представляет неполное, незавершенное, неадекватное состояние человеческого бытия, что проявляется в страхе перед смертью. Причем человек страшится не столько смерти, сколько ошибочного отклонения своей жизни, ведущего в пустоту.

Возможны, необходимы и есть отклонения от жизни и смерти в лучшую, «третью» сторону. Вечность не исчерпывает свои возможности смертной жизнью и бессмертной смертью, а в ней есть еще другое состояние человеческого бытия, в котором «над жизнью не пляшет смерть» (С.А. Есенин). Это состояние обозначает категория Инобытия, Иной жизни, которая определяется своими отклонениями как от смертной жизни, так и от негативности смерти. Иная жизнь опирается на изначальную и неизвестную благосклонность атомов, которые программируют богов, вещи, существа свободными, могущими отклоняться от необходимости, от ошибок жизни и от истин смерти.

Иная жизнь — это не бессмертие, но это и не смертная обреченность, а жизнь, сообразная со свободной волей образующих ее вечных атомов, или атомов вечности. Человек может умереть, стать бессмертным, а может попасть в невообразимое приключение, превосходящее все страхи смерти и блага бессмертия. И автором этого приключения является творящая свобода атомов, допускающая любые отклонения, определяющие конкретные облики и судьбы людей посредством Иного. Эта воля вечности человеку неведома, но это даже и лучше: меньше возможностей ее нарушать, ибо сама по себе она постоянно благосклонна к человеку. В целом сущностная неизвестность атомов благосклонно относится к человеку, позволяя ему творчески существовать, воспринимать будущее в рамках парадигмы мира Иного.

Практически, реально жизнь, сообразная отклонению от смерти, была организована в школе Эпикура. Ее составляющие —

следование естественным потребностям, дружелюбие, взаимопомощь, философские размышления об устроении мира.

Таким образом, Иное создает онтологический и когнитивный контекст, в котором перед человеком раскрываются перспективы отклонения от смертного Конца. Фантастически, но человек, по Эпикуру, однозначно не должен идти к смерти, а у него есть возможность отклоняться от этого пути, он даже вынужден это делать, будучи принуждаем к нему самим отклонением. Кроме жизни и смерти есть еще Иное состояние, Инобытие этих противоположностей. Если субъектом начала жизни выступает Рождение, субъектом конца — смерть, то Иное может быть лишь субъектом продолжения жизни и ограничения власти смерти. Иное выражает интересы и линию продолжения бытия, минуя, обходя его концы, и эта линия Иного состоит из цепей отклонений, аномалий, мутаций, девиаций. Иное есть отклонение бытия, но не его отрицание.

В Ином проявляется и действует сила, принуждающая вещи и людей (саму судьбу и Бога, смерть) отклоняться от своих предопределенных решений и траекторий. Именно отклонение создает ткани, структуру, организацию бытия, жизни, мысли. В Ином, действующем через отклонения, выражается воля Продолжения творения мира.

В отклонении реализуется творящая свобода бытия, ищущего свое оптимальное устроение, свою свободу от предопределенности, не только имеющего путь, идущего по нему, но и создающего для себя новые пути.

Иное выражает, представляет маршрут отклонения корабля жизни от маршрута жизни и смерти. Не преодолевает, не отрицает, а отклоняется от него, выходя на новый, неизведанный маршрут, намеченный свободным самоопределением атомов.

Эпикурейская трактовка Иного, несмотря на ее материалистический характер, своеобразно была воспринята христианством, в котором Иное оформляется в особый мир, создает свою социальную инфраструктуру, институты. В христианском мире Иное стало уделом особого сословия — монахов, которые даже именуются иноками, ведущими иноческую жизнь, возводя иночество в особую духовную и жизненную ценность. Есть Бог, есть мир, а есть Иное — монастыри, населенные иноками. Инок — уже не вполне человек,

ибо он максимально отрекся от мирского имени, человеческого уклада жизни. Но инок и не вполне внечеловеческое существо, ибо сохраняет в себе минимум людских потребностей и привязанностей [6].

Иноки хранят в себе христианский облик человека, минимум правды человеческой, самим уделом своим напоминая, что умножение имущества, власти, удовольствий, знаний, приключений ценно не само по себе, а в качестве орудий мира Иного, ведущего к тайным единоречиям Царства Божьего, выявляющего, утверждающего конечные смыслы человеческого бытия. Иное — своеобразная социокультурная и духовная реалия, в которой человек ищет свой смысл, а смысл ищет своего человека.

В философии Нового времени Иное из философии уходит и скрывается в религии: разум контролирует всю целостность бытия, а потому никакого Иного нет и быть не может.

В философии Канта раскрываются гносеологические, когнитивные аспекты Иного. Облик Иного у Канта представлен «вещью в себе». Она не познаваема традиционными научными и философскими методами, но в то же время мы знаем, что она есть, что она независима от человека, непознаваема, что она детерминирует разум, сознание, чувства, воображение. Вещь в себе — независима от априорности, разума, чувств, красоты, долга и может в любой момент обнулить их когнитивные притязания, наложить свое вето на их работу и нормы. В качестве Иного непроявленность, непознаваемость и неизвестность вещи в себе действуют как причина проявленного, познаваемого и известного. В этике Иное проявляет себя через детерминизм свободы, выступая как анонимный конструктор моральной идентичности человека. Иное непознаваемо, но действует оно наподобие икса в математике, так же реально, как и познаваемое, являясь причиной всего познанного, причиной его постоянного изменения, обновления, умножения.

Важную роль категория Иного выполняет в философии Гегеля. Так, природа выступает как Инобытие Абсолютной идеи, но в то же время она сохраняет свою автономию. Что вынуждает Абсолюта принимать облик самосущей природы, без которой он может обойтись? Иное есть силовой фактор вечности, принуждающий Абсолют становиться природой, историей, затем возвращаться к самому себе

с обновлениями, добытыми на этом пути самоотчуждения. Иное у Гегеля — это путь величайшего жертвоприношения мира. Через Иное, в Ином, посредством его Инобытия Абсолют жертвует природой, историей, человеком, даже самим собой. Ради чего? Ради понятия, ради самопознания, которое дается лишь через испытания Иным. Иное «составляет воспоминание абсолютного духа и его Голгофу, действительность, истину и достоверность его престола, без которого он был бы безжизненным и одиноким» [2, 434]. Через испытания Иным, диалектикой его Голгофы вещи и люди выявляют и раскрывают свою истину своего бытия. У Гегеля Иное (Инобытие) созидает, шьет живые одеяния Абсолюта, действуя по мандату вечности и диалектики (см. [1]).

В русском мире полно, глубоко, содержательно онтологию, смысл, алгоритмы и функции реальности, таящейся в Ином, раскрывает фольклор, базовой онтологией, социологией, гносеологией которого служит феномен «Иное царство».

Парадоксальную реальность «Иного царства» исследовал Е.Н. Трубецкой в своей уникальной книге [4, 49]. Иное есть особый мир, в котором человек, природа, власть, мудрость достигают оптимальной самореализации. Фольклор признает, что кроме золотого, серебряного, бронзового царств есть еще Иное царство, в котором находятся источники воды мертвой и воды живой. Иное действует через жизнь, как-то обходя смерть, идя путями исцеляющей воды.

Фольклор установил и первый рабочий алгоритм «Иного царства», гласящий: «Пойди туда, не зная, куда, принеси то, не зная, что». Этот алгоритм указывает, что путь в Иное царство лежит через сферу неопределенности, в которой при решении людских задач нужно двигаться на основе совместных, сотворческих взаимодействий вещей, растений, стихий, животных, людей.

В русской философии проблема Иного представлена в софиологии. Иное выступает орудием, средством разрешения основного противоречия бытия-истории: без Бога невозможно оптимальное устроение человеческого бытия, но и только с Богом людям не удается найти адекватное устроение своего бытия.

Следовательно, в решении жизненных уравнений нужно учитывать еще одну величину, в качестве которой выступает София Пре-

мудрость, опосредующая взаимоотношения человека и Бога. Софийность предстает как помощница, художница, радость Бога, являясь Инобытием, Иным Бога и творения. В качестве Иного действует невидимая София Премудрость Божия, реализующая Его замыслы даже в самых малых творениях. У Булгакова софийность Иного творит исторические и экзистенциальные контексты будущего.

Фундаментально и концептуально исследует Иное видный русский ученый, мыслитель Ю.М. Осипов. В его творчестве Иное выступает и действует в качестве закона, детерминизма возмездия.

Трактовку возмездия как универсальной причины открыл досократик Анаксимандр: «А из каких начал вещам рожденье, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они ***в назначенный срок времени*** выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды [=ущерба]» [5, 217].

Во всех вещах и реалиях есть аномальные, неправедные, ущербные, элементы, которые разрушают их идентичность, наносят ущерб их бытийному иммунитету. А потому в назначенные сроки они делаются объектами возмездия, которое становится причиной их изменений, трансформаций, гибели! Любой предмет, человек являются как орудием этого загадочного возмездия, так и его жертвой. Субъектом этого возмездия является загадочный апейрон — бесконечное *начало мироздания, которое служит* мстителем, судьей, палачом, карая вещи и людей, опираясь на свой кодекс разумности и бытия. Апейрон напоминает, что природа нам не дарит разум и бытие, а в долг дает свободная свободным. А долги нужно возвращать. За своевременной их уплатой следит апейрон.

Анаксимандр говорит о возмездии как о некоем высшем законе Вселенной, превосходящем даже истину. Возмездие крайне изобретательно в своих средствах: архаические времена назвали его закон бумерангом, индусы — кармой, наука — третьим законом Ньютона. Философия его именует законом Иного. Судит апейрон «огнем, кнутом и рублем». Не все в бытии определяется бумерангом, кармой, Иным, но в любом решении, вещи, деле, событии сокрыт алгоритм возмездия. И его забвение притягивает к себе судебное любопытство Иного, в качестве которого работает невидимая сила мира, служащая перводвигателем возмездия.

«Иное — потаенная, суровая, неотвратимая и крайне судьбоносная сила, ключ к восприятию которой в лучах софийной метафизики, даруемый лишь единицам. Это то, чего как будто бы и нет, но что реально тревожит реальность, ее возбуждает, побуждая к переменам, ведет, а в итоге и определяет, за ней надежно и скрываясь» [2, 171].

Сила эта структурно оформлена. В онтологическом плане Иное представляет вид реальности, которая уже вышла из ничто, но еще не стала бытием. Промежуточный статус Иного делает его совершенным орудием возмездия: оно может внезапно и беспричинно, но заслуженно низвергнуть бытие в ничто, а может столь же произвольно ничто вознести на высоты бытия, исполняя в первом и во втором случае волю развития и обновления вечности.

В гносеологическом (когнитивном) плане Иное представляет сократовскую формулу «знания незнания». Знание позволяет человеку использовать причины, уходя от его возмездия, а незнание позволяет использовать человека как объект возмездия, несомый Иным. Так, современный мир определяется не только и не столько ИИ, сколько незнанием и непониманием последствий его использования.

В методологическом плане Иное представляет действия, события, свершающиеся без планов и проектов, игру без правил. Планы и правила появляются после окончания возмездия, после «разборов полетов». Иное заявляет: «У каждого есть шанс избежать прощения и получить сполна за ущерб, принесенный бытию и ничто!».

В морально-экзистенциальном плане Иное стоит на страже истины, свободы, чести, достоинства, запуская свои исторические бумеранги против тотального попрания этих жизнетворных ценностей. «Насилие, обман, унижение никогда, нигде, никому и ничему не прощается» [2, 130]. Не прощается как активным агентам античеловечности, так и ее безропотным жертвам.

Каждая цивилизация является воплощением, реализатором какого-то своего предвечного, нетленного, таинственного *первослова,* содержащего в себе ее созидающую провиденциальную и социокультурную мудрость. Это творческое и творящее слово сохраняет и охраняет цивилизацию до тех пор, покуда она сохраняет и бережет это свое спасительное благодатное слово, его жизнетворные смыслы.

В смысловой онтологии этого первослова, как в семени, содержатся программа развертывания цивилизации, алгоритм воспроизводства, умножения культурных, институциональных, организационных, культурных сил ее жизни, импульсы ее материального и духовного развития. Значимость этого первослова столь велика, что его можно вместе с христианством признать Богом или же видеть в нем сакральный творческий орган Бога[1].

Каждый человеческий мир, уникальная культура имеют свой рационально-мистический принцип, который служит их перводвигателем, генератором их жизненной энергии, ядром их самоорганизации и суверенности. Принцип этот органично сочетает в себе познаваемость и непознаваемость. Умеренная открытость и познаваемость этого принципа определяют суверенную телеологию, целевую свободу народа. Непознаваемость этого принципа-начала даже для его носителей служит гарантом, охраной суверенного бытия народа. Этот принцип служит своеобразным смысловым замком духовного мира того или иного народа. Таковыми смысловыми, метафизическими замками являются Логос европейского мира, Дао китайского мира, Брахма индийского мира. Эти принципы служат истоками и стражами духовной суверенности своих народов.

Есть такой рациомистический принцип и в мире Руси-России. Это — Иное. «Ибо не от мира сего Русь-Россия, а как раз от мира иного, мало того, к иному миру и идущая, однако к своему иному! Между Иным и Россией двусторонняя органика: Иное делает Россию иной, а Россия, полномочно представляя на Земле Иное, делает это самое Иное... Россией» [2, 144, 207]. Именно это Иное незаметно подскажет Русский *Выход* из сети научно выверенных цифровых тупиков современного глобализма.

Литература

1. *Гегель Г.В.Ф.* Соч.: В XIV т. Т. IV. М., 1959.

[1] Слово имеет не только физическую фактуру, не только идеально-смысловое значение (лектон). Слово есть абсолютная онтологическая реалия, творческий посланник вечности, символ сакрального мира, магический оператор свободы Запределья. Слово есть тайная весть (вещь), посредством которой неизвестность, Великая неизвестность утверждает свою неотвратимую «волю» в сфере известных, проявленных форм, систем, событий.

2. *Осипов Ю.М.* Сущее и Вещее: собрание актуальных текстов. 2022—2024. М.; Тамбов, 2024. 659 с.

3. *Платон.* Соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1970.

4. *Трубецкой Е.Н.* «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М.: Издание Г.А. Лемана, 1922. 49 с.

5. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. М., 1989.

6. *Шулевский Н.Б.* Встречи с иным // Философия хозяйства. 2007. № 2 (50). С. 223—237.

References

1. *Gegel' G.V.F*. Soch.: V XIV t. T. IV. M., 1959.

2. *Osipov YU.M*. Sushchee i Veshchee: sobranie aktual'nyh tekstov. 2022—2024. M.; Tambov, 2024. 659 s.

3. *Platon.* Soch.: V 3 t. T. 2. M., 1970.

4. *Trubeckoj E.N*. «Inoe carstvo» i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke. M.: Izdanie G.A. Lemana, 1922. 49 s.

5. Fragmenty rannih grecheskih filosofov. CH. I. M., 1989.

6. *SHulevskij N.B.* Vstrechi s inym // Filosofiya hozyajstva. 2007. № 2 (50). S. 223—237.

Л.А. МУРЗАНОВА

Амбивалентность традиционных ценностей в условиях современного общества*

Аннотация. В статье рассматривается традиция как социокультурный феномен, которая представляет собой универсальный компонент культуры, усваиваемый индивидом в процессе социализации и инкультурации. Традиции можно обнаружить в разных аспектах социальной деятельности — в мифах, в религиях, социальных институтах, в образовании и т. д. Проводится исторический экскурс

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Мурзанова Л.А. Амбивалентность традиционных ценностей в условиях современного общества // Философия хозяйства. 2026. № 5. С. 198—208. DOI: 10.5281/zenodo.23560583.

термина «традиция», который, несмотря на кажущуюся очевидность, в разные периоды времени наполнялся разным смысловым значением. Обозначены два основных подхода к пониманию традиции: метафизический и динамический. Оба эти подхода объединяет идея, что провозглашение курса на традиционные ценности предполагает не столько уважение к традициям, сколько последовательную критику всей либеральной, глобалистской и рационалистической культуры западного общества. Сделан вывод, что в современном социуме эти два подхода приводят к двум полярным крайностям: потере идентичности при отказе от традиций и маргинализации общества при их догматизации.

Ключевые слова: традиция, традиционные ценности, культура, интегральный традиционализм, социальный институт, архетип, стереотип.

Abstract. The article considers tradition as a sociocultural phenomenon, which is a universal component of culture, assimilated by an individual in the process of socialization and inculturation. Traditions can be found in various aspects of social activity — in myths, in religions, in social institutions, in education, etc. A historical digression is conducted on the term tradition, which, despite its apparent obviousness, was filled with different semantic meanings in different periods of time. There are two main approaches to understanding tradition: metaphysical and dynamic. Both of these approaches are united by the idea that the proclamation of a course towards traditional values implies not so much respect for traditions as a consistent criticism of the entire liberal, globalist and rationalist culture of Western society. It is concluded that in modern society these two approaches lead to two polar extremes: the loss of identity when rejecting traditions and the marginalization of society when they are dogmatized.

Keywords:. tradition, traditional values, culture, integral traditionalism, social institution, archetype, stereotype.

УДК 140.8
ББК 87.6

Традиция как социокультурный феномен в современном мире в целом и в России в частности становится наиболее обсуждаемой

темой в большинстве дискуссий. Сейчас много говорится о традиционных и посттрадиционных ценностях, однако следует разобраться, что именно мы подразумеваем под самим термином «традиция». Такое сложное понятие, сформированное годами и рассматриваемое в разных философских школах, неизбежно наполнялось различным, зачастую противоречивым определением. Традиции можно обнаружить в разных аспектах социальной деятельности — в мифах, в религиях, социальных институтах, в образовании и т. д. Таким образом, традиция представляет собой универсальный компонент культуры, который усваивается в процессе социализации и инкультурации.

Разные определения традиции (как социальный или психологический конструкт, как естественный феномен общественной жизни, как духовная доминанта определенной социальной группы) лишь отражают одну из сторон всего многообразия социокультурного явления. Важнее найти то смысловое значение, тот инвариант, который составляет самую суть традиций, т. е. важнее ответить на вопрос «каким образом сама традиция определяет себя» [1, 22]. Первоначальное значение традиции — «передавать», т. е. это нечто, что передается из поколения в поколение. В данном контексте подчеркивалось, что материальный предмет или определенный навык, умение не был изначальной собственностью индивида, он получил это нечто извне. Это могут быть мировоззренческие представления и поведенческие нормы, обычаи и ритуалы, верования и убеждения, т. е. наиболее устойчивые аспекты человеческого бытия [2, 3—4]. В обыденном же сознании часто этот аспект трансляции знаний или артефактов уходит на задний план, уступая связи традиций с прошлым, смысл закладывается в старине — мнимой или действительной.

Положение человека в мире и в истории развития человечества определяется во многом пониманием традиции в ту или иную культурную эпоху. Впервые интерес к историческим традициям и их влиянию на вектор общественного развития возник в эпоху Возрождения, когда появились первые попытки реанимировать наследие античного мира. Обращение к античным истокам происходило на фоне становления национальной самобытности, утверждения собственной идентичности в рамках национальной культуры. Новое время с эпохи Возрождения строилось на критике схоластического мышления. Мир

стремительно менялся: великие географические открытия, промышленные и научные революции, развитие капитализма и предпринимательства, эмансипация третьего сословия диктовали свои условия для преобразования общественных отношений. Традиции стали признаком всего отжившего и устарелого, но при этом для обоснования создаваемых новых конструктов мыслители брали за источник образцы из античного наследия и преобразовывали их.

Современное понимание традиции было заложено как раз в эпоху Просвещения. Как отметил Э. Гидденс, «сама идея традиции — порождение Нового времени» [3, 56]. Уже на заре формирования этого философского термина определились два смысловых значения, которые дали начало двум направлениям в истории гуманитарного знания. С одной стороны, традиция представляла собой нечто отжившее и устаревшее, это была форма предрассудка, от которой просветители старались избавиться при помощи света разума и науки. С другой стороны, в рамках философии романтизма мыслители обратились к герменевтике как способу постижения явлений культуры через их понимание, что определило интерес к традициям как квинтэссенции мудрости человечества.

В развитии духовной культуры традиции играют существенную роль, ведь именно благодаря им осуществляются сохранение и трансляция от поколения к поколению тех ценностей, которые составляют смыслополагающее ядро любого общества, даже самого молодого и ориентированного на инновации. Все нынешнее состояние общества, его актуальные идеи и ценности, сам его облик представляет собой результат долгого исторического развития и постоянной мыслительной деятельности. Любая научная парадигма, определяющая способ осмысления окружающей действительности, тоже содержит в себе ценностное или смысловое ядро, которое характеризует традиционную связь с прошлым. В этом смысле традиция не является безжизненным реликтом или музейным экспонатом, это живой организм, который обеспечивает способность общества к прогрессу. «Нет, традиция не есть неподвижная статуя: она — живая и растет, подобно могучему потоку, который тем больше расширяется, чем дальше он отходит от своего истока. Содержанием этой традиции является то, что создал духовный мир, а всеобщий дух никогда не останавливается в своем движении» [4, 71]. Духовное богатство —

это живое и динамичное образование, которое непрерывно обновляется с течением времени, сохраняя при этом цельность и фундаментальные основы. С одной стороны, в ходе исторического развития знания, полученные в прошлом, не теряют своей актуальности в настоящем, а с другой, сама история человечества — это открытая система, испытывающая влияние постоянно изменяющихся условий.

В общественно-гуманитарных дисциплинах существуют разные узкие подходы к определению традиции. Этнологический подход характеризует традиции как сложившийся в данных условиях ритуал или обряд, сохраняющийся в неизменном виде без применения рефлексии. Согласно социологическому подходу, традиция представляет собой детерминанту, определяющую передачу норм поведения и образцов деятельности в определенной сходной ситуации. Антропологический подход изучает проблемное поле смысла и содержания традиций, которые часто остаются непроявленными для исследователя. С точки зрения герменевтики, важнейшей задачей является понимание традиции как социокультурного феномена, встроенного в жизнь современной культуры. В данном подходе и принятие традиций, и их отрицание будут равнозначно ценными с точки зрения влияния их на актуальное состояние общества и характеристику современной личности.

Наиболее фундаментальное и последовательное учение о традициях как целостном ядре и духовных скрепах представлено в метафизическом подходе, представителями которого являются Р. Генон, Ю. Эвола, М. Элиаде. Для них традиция представляет собой сакральное смыслообразующее основание существования данного социума, соответственно процесс закрепления традиционных ценностей заключается не в передаче их из поколения в поколение, а в возврате к самим онтологическим истокам ценностей, опыта, ритуалов, знаний. Важнейшее значение для традиционалистов в данном контексте приобретают содержание традиций, их метафизическая глубина, а не механизм трансляции в обществе.

Рене Генон основал школу интегрального традиционализма, согласно которой все традиции воплощают в себе одну Истину, а их кажущиеся различия формируются в силу различных условий возникновения и характеристик тех культур, в рамках которых они находят свое проявление. Речь идет о «трансцендентном единстве всех

традиций» [5, 48—49]. Любая традиция уже содержит в себе абсолютную истину, сакральное знание об устройстве Вселенной, архетипы мироустройства, постижение которых возможно символическим путем через архаичные мифы. Такой способ осмысления бытия предполагает не рационалистический подход, а методы вчувствования, сопереживания, предчувствия, т. е. разные формы проявления интуиции [6, 459].

По мысли М. Элиаде, постоянное повторение одних и тех же культурных образцов, их вечное возвращение в виде повторяемых архетипов составляют то самое ядро, которое будет универсально и неизменно [7, 45—46]. Архетип подразумевает надвременной первообраз, который воспроизводится вновь и вновь в процессе деятельности человека или общества. Через беспрерывное возвращение и повторение архетипы закрепляются в бытии, укореняются в реальности и формируют тем самым традиции. Мифы — это смысловая форма мироустройства, способ воспроизводства архетипов, механизм их возвращения. Традиционалисты предлагают вернуться к гармоничной синкретичной целостности мироустройства, когда каждый индивид был частью целого. Человек представлял «о самом себе как фрагменте большого социального организма, в то время как организм в целом подразумевается в этой его частичке» [8, 207]. В таком понимании традиция — это не сентиментальная ностальгия о прошлом, а трансцендентная истина. Торжество рационализма в Новое время, капиталистические отношения и секуляризация отдаляют человека от гармоничной цельности и предвещают его духовный упадок, предвещают традиционалисты.

Рассмотрим теперь деятельностный, или динамический, способ определения традиций. Обоснование традиций как фактической явленности в реальном мире представлено в феноменологии Гуссерля, который видел в данном социокультурном феномене основание существования любого общества. Смысл традиций следует проявлять методами рационального осмысления и искать их в непосредственной фактической проявленности. Тут напрашиваются два подхода: априорный и исторический, соответствующие учению Э. Гуссерля об активном и пассивном синтезе человеческого сознания [9, 209]. Согласно априорному подходу, или пассивному синтезу, традиции заданы изначально в доопытных формах мышления, а потому

полны ассоциативных и иррациональных смыслов, они воспринимаются без активной рефлексии, члены общества следуют им неосознанно. Исторический подход к определению традиций, или активный синтез, предполагает обнаружение в истории общественного развития культурных ценностей, которые постоянно меняются и дополняются с изменением социокультурных условий и актуализируются по мере необходимости. С данной точки зрения становится понятно, что апелляция к традиционным ценностям в современном обществе зачастую ситуативна, задана определенными условиями и направлена на решение конкретных задач. А вот какие именно задачи сегодня скрываются за актуализацией традиционных ценностей, следует разобраться.

Помимо исторической ценности традиции выполняют важную функцию консолидации общества в рамках единого пространства, приобщения личности к общественным идеалам. Традиции закрывают потребности в духовном самоопределении и формировании идентичности, «придают жизни преемственность и форму» [3, 61], являются фундаментом для чувства укорененности личности в общественном бытии. При этом они существуют и оказывают влияние на общество независимо от того, насколько осознаются личностью. В традициях аккумулируются ценности и опыт, но, в зависимости от их степени осознанности и рефлексии, реализуется более или менее успешный сценарий их применения для конкретных задач общества. Речь идет об актуализации традиционных ценностей в период обоснования своей уникальности и дифференциации от других общественных образований. При таком подходе человек с рождения не обладает врожденными представлениями о традициях, ими необходимо овладеть в процессе социализации и аккультурации, как и другими нормами и культурными ценностями [10, 80]. Для успешного прохождения данных процессов важную роль играют общественные институты, в рамках которых реализуется воспитание социума.

Из всего богатства культурного наследия народа в разные периоды истории извлекаются разные ценностные образцы, которые на данный момент проявляют наибольшую востребованность и актуальность. Те традиционные ценности, которые повторяются и отбираются чаще всего, будут сильнее закрепляться в реальности, именно на них формируется стабильное социальное бытие, характеризуемое

цивилизационными особенностями. Такие устойчивые образцы культуры способны приспосабливаться к изменяющимся условиям и определять социальное и индивидуальное бытие. Традиции закрепляются через шаблоны и стереотипы поведения посредством деятельности социальных институтов, направленных на повторение и трансляцию определенных ценностей. В качестве примера можно обозначить основную традиционную ценность — семью. Именно посредством воспроизведения и повторения определенного шаблона семейных отношений закрепляется тот образ семьи, который является характерным для определенного общества.

Таким образом, условно можно определить два подхода к осмыслению традиций: метафизический и динамический. Первый представляет традиции как некий инвариант, воплощение истины, культурный и смыслообразующий архетип, универсальный и абсолютный при любых условиях. Второй исходит из динамичной пластичности традиций, каждая эпоха актуализирует те традиции, которые адекватнее всего отвечают вызовам времени. Оба эти подхода объединяет идея, что провозглашение курса на традиционные ценности предполагает не столько уважение к традициям, сколько последовательную критику всей либеральной, глобалистской и рационалистической культуры, сформированной в Новейшее время. Подчеркивается отказ от идеи универсализма и линейности прогресса, в первую очередь европоцентризма.

Современный мир после периода открытости общества и глобализации качнулся снова в сторону укрепления национального самоопределения, отстаивания границ. Критика западноевропейского просвещения и либеральных ценностей подстегивает необходимость создания традиционных ценностей как противовес. В такой риторике подчеркивается сотворенность традиций, которые есть не что иное, как социальный конструкт. Любые традиции, даже самые древние, в свое время были созданы обществом с определенной целью. Точно так же сохранение и передача традиций происходит не случайным образом, а с тщательным отбором тех образцов прошлого, которые наиболее актуальны в настоящем и способны обеспечить стабильное развитие общества в нужном государству направлении. Да и сами традиции зачастую претерпевают изменения, которые незаметны для их носителей, поскольку эти трансформации происходят постепенно.

Так, например, меняются традиционные ценности семьи, любви, дружбы, образованности, долга и т. д. Зачастую под одними и теми же ценностями мы понимаем разное.

Таким образом, проблема утверждения традиционных ценностей в современном мире та же, что возникла еще в эпоху Просвещения. Она заключается в двойственном отношении обыденного сознания к самим традициям, причем более важно именно отношение, а не само содержание. Традиции противопоставляются рациональности, модернизации, инновации, прогрессу как нечто устаревшее и застойное. В то же время традиции способствуют передаче всего накопленного опыта, знаний, навыков, без которых невозможен фундамент для последующих открытий и исследований. Советский этнограф Э.С. Маркарян писал по этому поводу: «Динамика культурной традиции — это постоянный процесс преодоления одних видов социально организованных стереотипов и образования новых» [10, 80]. Значит, новационные идеи, в случае своей жизнеспособности, в свою очередь станут традициями и тоже подвергнутся проверке временем.

Нетрудно заметить, что такое двойственное отношение к традициям порождает в обществе крайности, приводящие к губительным последствиям. С одной стороны, пренебрежение традициями чревато потерей своей исторической самобытности, традиционные ценности дискредитируются и маскируются под нечто совершенно чуждое даже человеческой природе (однополые браки, пропаганда чайлдфри, жизнь соло и т. д.). С другой стороны, сакрализация традиций, догматизация определенных положений могут привести к мистификации, созданию социальных мифов, даже мракобесию. Еще Аристотель писал, что добродетель заключается в золотой середине, а крайности всегда приводят к порокам. Соответственно наша задача заключается в том, чтобы определить и удержать этот хрупкий баланс в обществе между культурным традициями и стремлением к прогрессу.

Уважение к традиционным институтам (школа, церковь, община, государство и т. д.) и ценностям (духовность, семья, патриотизм, любовь, дружба, образование) не означает их некритичного принятия. Напротив, только осмысленный подход, понимание смысла и значения культурных образцов, рефлексия позволяют сделать традиции органичной частью своей жизни. Так, многие молодые люди сегодня проводят никах или венчание, не постигая глубоко их

смысла, просто потому что это кажется красивым и древним обычаем. Но сделает ли это брак более крепким и надежным? Весьма сомнительно. В чем заключаются наши социальные роли, какова их цель и предназначение и как следование традиционным ценностям может сделать жизнь отдельного человека, социума и государства лучше в перспективе на несколько поколений — вот о чем следует думать, пропагандируя те или иные традиции.

Литература

1. *Быстров В.Ю.* Традиция как социокультурный феномен: Дис. … докт. филос. н. Великий Новгород, 2001.
2. *Бенуа А.* Определение Традиции // Полюс. 2008. № 1. С. 3—4
3. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Введение в историю философии // Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: Наука, 1994.
5. *Генон Р.* Очерки о традиции и метафизике. СПб.: Азбука-Классика, 2010.
6. *Генон Р.* Символика креста. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
7. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении (Архетипы и повторение) // Элиаде М. Избранные сочинения. М.: Ладомир, 2000.
8. *Рахшмир П.Ю.* Консерватизм в современном мире // Ракшмир П.Ю. Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М.: Наука, 1989.
9. *Гуссерль Э.* Собрание сочинений. Т. 3. Логические исследования. М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001.
10. *Маркарян Э.С.* Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78—96.

References

1. *Bystrov V.YU.* Tradiciya kak sociokul'turnyj fenomen: Dis. … dokt. filos. n. Velikij Novgorod, 2001.
2. *Benua A.* Opredelenie Tradicii // Polyus. 2008. № 1. S. 3—4.
3. *Giddens E.* Uskol'zayushchij mir: kak globalizaciya menyaet nashu zhizn'. M.: Ves' mir, 2004.

4. *Gegel' G.V.F*. Vvedenie v istoriyu filosofii // Gegel' G.V.F. Lekcii po istorii filosofii. Kn. 1. SPb.: Nauka, 1994.

5. *Genon R.* Ocherki o tradicii i metafizike. SPb.: Azbuka-Klassika, 2010.

6. *Genon R.* Simvolika kresta. M.: Progress-Tradiciya, 2004.

7. *Eliade M*. Mif o vechnom vozvrashchenii (Arhetipy i povtorenie) // Eliade M. Izbrannye sochineniya. M.: Ladomir, 2000.

8. *Rahshmir P.YU*. Konservatizm v sovremennom mire // Rakshmir P.YU. Vseobshchaya istoriya: diskussii, novye podhody. Vyp. 1. M.: Nauka, 1989.

9. *Gusserl' E.* Sobranie sochinenij. T. 3. Logicheskie issledovaniya. M.: Gnozis, Dom intellektual'noj knigi, 2001.

10. *Markaryan E.S.* Uzlovye problemy teorii kul'turnoj tradicii // Sovetskaya etnografiya. 1981. № 2. S. 78—96.

М.А. КАНДАУРОВ

Абсурд как антропогенетический сбой: реконструкция теории Б.Ф. Поршнева*

Аннотация. Статья предлагает философско-антропологическую реконструкцию теории Б.Ф. Поршнева о происхождении сознания. Анализируя павловскую физиологию, понятия доминанты, «сшибки» и биологической суггестии, автор показывает, как нейрофизиологический сбой приводит к интердикции и рождению воображения. Ключевой тезис: сознание возникает из семиотического конфликта, когда знак утрачивает прямую связь с означаемым. Воображение понимается как вынужденная фабрикация означаемого — систематическая «галлюцинация» смыслов, позволяющая человеку действовать в условиях фундаментальной семиотической неуверенности.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кандауров М.А. Абсурд как антропогенетический сбой: реконструкция теории Б.Ф. Поршнева // Философия хозяйства. 2026. № 5. С. 208—225. DOI: 10.5281/zenodo.23560650.

Ключевые слова: Б.Ф. Поршнев, антропогенез, сознание, абсурд, доминанта, сшибка, суггестия, интердикция, воображение, знак, означаемое, семиотический конфликт, вторая сигнальная система, галлюцинация смыслов, нейрофизиология, палеопсихология.

Abstract. The article offers a philosophical-anthropological reconstruction of B.F. Porshnev's theory on the origin of consciousness. Analyzing Pavlovian physiology, the concepts of the dominant, «collision» (sryv), and biological suggestion, the author demonstrates how a neurophysiological breakdown leads to interdiction and the birth of imagination. The key thesis is that consciousness emerges from a semiotic conflict when the sign loses its direct connection with the signified. Imagination is understood as a forced fabrication of the signified — a systematic «hallucination» of meanings that enables humans to act under conditions of fundamental semiotic uncertainty.

Keywords: B.F. Porshnev, anthropogenesis, consciousness, absurd, dominant, conflict (neural breakdown), suggestion, interdiction, imagination, sign, signified, semiotic conflict, second signaling system, hallucination of meanings, neurophysiology, paleopsychology.

УДК 14
ББК 87.5

Введение

Советская наука, долгое время развивавшаяся в изоляции от западной мысли, парадоксально порождала уникальные «экспонаты мысли». Скованные рамками диалектического материализма, они прорывали их смелостью гипотез и глубиной интуиций. Один из самых ярких и недооцененных мыслителей в этом ряду — Борис Федорович Поршнев.

Центральное место в его наследии занимает проблема генезиса человеческого сознания: где та «точка невозврата», когда инстинктивное поведение уступило место деятельности, опосредованной смыслом? В отличие от эволюционизма, Поршнев предлагает радикальную гипотезу: сознание возникает как следствие системного кризиса, «поломки» биологической программы. Ключевое поня-

тие — «абсурд» — понимается не в экзистенциальном, а в нейрофизиологическом ключе — как сбой в работе «нервной машины», породивший новую семиотическую реальность.

Идеи последней работы Поршнева «О начале человеческой истории» обладают огромным философским потенциалом. Сам автор, оставаясь в плену марксистской методологии, не уделил должного внимания философским импликациям своей теории. Однако его попытка совместить физиологию с проблемами антропогенеза дает уникальный материал для размышления.

Цель исследования — на основе творчества Поршнева воссоздать процесс антропогенеза, предложив критическую философско-антропологическую реконструкцию. Наша задача — «вывести» концепцию абсурда за рамки натуралистического прочтения, раскрыв ее содержание в связи с проблемами свободы, смыслопорождения и социальной связи.

Методологическое пояснение: Поршнев нигде не говорит о «воображении как фабрикации означаемого». Этот тезис — наша авторская интерпретация, логически вытекающая из его теории.

Структура статьи (первая часть): путь от нейрофизиологической «сшибки» через суггестию и интердикцию к рождению воображения. Завершение — тезис о том, что человек вынужден систематически «галлюцинировать» смыслы.

Вторая часть будет посвящена экзистенциальным следствиям: потребность в Другом, агрессия как защита реальности, язык как институционализация абсурда, превращение абсурда из сбоя в экзистенциальную структуру — способность жить в зазоре между знаком и означаемым.

Павловские истоки

И.П. Павлов с глубоким основанием поставил памятник Декарту у своей лаборатории. И.П. Павлов писал: «Считая деятельность животных, в противоположность человеческой, машинообразной, Декарт триста лет тому назад установил понятие рефлекса как основного акта нервной системы» [4, 14]. И рассуждение о машинообразной деятельности высшей нервной деятельности (далее ВНД) животных оказалось верным. Это представление о «машинообразной», а значит, энергетически и алгоритмически оптимальной деятельности

животных находит неожиданное подтверждение в данных сравнительной физиологии. Б.Ф. Поршнев, анализируя проблему специфики человеческой психики, обратил внимание на фундаментальное различие в энергобалансе, ибо само по себе существование сознания у животных, как считают некоторые философы сознания, является эволюционно излишним, что хорошо заметил Поршнев: «Широко известны выкладки физиолога М. Рубнера: на килограмм живого веса лошади за всю ее жизнь (взрослую) потребуется и расходуется примерно 163 тыс. килограммо-калорий, собаки —164 тыс., коровы — 141 тыс., а человека —726 тыс., т. е. в 4,5 раза больше высших позвоночных. При этом на возобновление своей массы лошадь и корова расходуют 33%, собака — 35%, человек же — всего около 5%, следовательно, все остальное, т. е. примерно 688 500 килограммо-калорий на килограмм веса тела, перерабатывается человеком за его взрослую жизнь отчасти на теплообразование, но в подавляющей массе — на его реакции в среде» [6, 184].

И.П. Павлов писал, что деятельность животных, в противоположность человеческой, машинообразна. Как справедливо замечал В.М. Бехтерев, «…главное, что мы должны отличать в нашей психической жизни — это сознательные и бессознательные процессы. В первых есть некоторый плюс, благодаря которому они становятся явлениями субъективными, чего нет во вторых» [2, 8]. Именно отсутствие этого «плюса» — субъективной окраски — и позволяет говорить о машинообразности животной нервной деятельности, тогда как именно его присутствие у человека выступает тем энергетическим «налогом», который превращает экономичную рефлекторную дугу в роскошно затратный, но свободный акт сознания.

Сам по себе факт столь серьезного энергопотребления человека по сравнению с другими живыми существами показывает, что никакой действительной энергоэффективности в существовании сознания нет, и если бы сознание присутствовало у других живых существ, то мы бы могли лицезреть заметное увеличение потребления килограммо-калорий за всю жизнь живых существ. Большинство энергии потребляет у человека именно сознание, поддержание его функционирования. Однако раз у столь крупных животных, как ло-

шадь, потребление энергии заметно меньше, то это означает, что природа, где-то решила сэкономить «энергию». Этой экономией и было отсутствие сознания у животных.

Вместо сознания у животных существует развитая сеть рефлексов, которая позволяет эффективно и даже вполне рационально отвечать на раздражители в окружающей среде. Эволюция предусмотрела, что для приспособления в агрессивной среде необходимы такие механизмы, которые работали бы безупречно в случае любой возможной в природе ситуации. Этим механизмом и стали рефлексы.

Таким образом, природа, создавая «нервную машину» животного, достигла почти идеального баланса между надежностью реакции и энергетическими затратами. Однако сам по себе факт появления человека с его чудовищно неэффективным с биологической точки зрения энергобалансом указывает на то, что в какой-то момент эволюционный путь кардинально изменился. Запредельные энергозатраты — это плата не просто за «сознание» как таковое, а за принципиально иную систему регуляции поведения, которая не просто отвечает на стимулы среды, но способна эти стимулы создавать, преобразовывать и, что важнее всего, — систематически им противостоять. Если у животных адаптация достигается через мгновенное и точное соответствие рефлекса внешнему раздражителю, то у человека ключом к выживанию стала способность к *несоответствию*, к задержке и извращению непосредственной реакции. Эта способность и есть, согласно Б.Ф. Поршневу, тот самый уникальный продукт второй сигнальной системы, который И.П. Павлов обозначил, но не объяснил до конца. Павловская физиология дает ключ к пониманию этого переворота через явление тормозной доминанты. У животных доминанта, по Ухтомскому, — это очаг возбуждения, подчиняющий себе поведение для удовлетворения биологической потребности. У человека на этой же физиологической основе под воздействием социальной среды формируется устойчивая тормозная доминанта — очаг активного, целенаправленного подавления этих самых биологических импульсов. Колоссальная энергия, о которой говорят расчеты Рубнера, тратится в первую очередь на поддержание работы этой постоянной внутренней «цензуры», этого социального тормоза, делающего возможным этику, культуру и само историческое развитие.

Следовательно, переход от животного к человеку — это не постепенное усложнение рефлексов, а качественный скачок к новой регуляционной логике: от доминанты возбуждения, ориентированной на сиюминутное приспособление, к доминанте торможения, ориентированной на подчинение поведение отложенным, идеальным и часто парадоксальным с биологической точки зрения целям. Именно этот скачок и зафиксирован в павловском учении о второй сигнальной системе как о системе словесных раздражителей, способных не только запускать, но и — что критически важно — *останавливать* поведенческие акты, данные нам от природы.

Доминанта

Основанием для понимания уникальности человеческой психики у Поршнева служит радикальное переосмысление учения А.А. Ухтомского о доминанте. Доминанта — временно господствующий очаг возбуждения, обладающий повышенной возбудимостью к значимым раздражителям, способный притягивать возбуждение из других центров и тормозить конкурирующие рефлексы. Как писал Ухтомский: «Вновь приходящие в центры возбуждения служат усилению возбуждения в очаге, тогда как в прочей центральной нервной системе широко разлиты явления торможения» [7, 39].

В животном мире доминанта носит сугубо адаптивный характер. Пищевая, половая, оборонительная доминанты — это всегда точный, энергоэффективный ответ на вызов среды. Торможение здесь полностью подчинено биологическим целям: внешнее (безусловное) торможение экстренно прерывает деятельность, внутреннее (условное) торможение (угасание, дифференцировка, запаздывание) тонко настраивает поведение. Однако, как показали эксперименты Павлова, внутреннее торможение у животных лабильно и хрупко; даже его высшие формы служат лишь более эффективному достижению биологических целей.

Но у этой системы есть предел. Классический эксперимент П.С. Купалова, подробно анализируемый Поршневым, демонстрирует, как ситуативное торможение перестает служить биологической целесообразности. Поршнев пишет: «У собаки был образован условный рефлекс на звучание метронома… Сходя со стола, собака иногда отряхивалась. Тогда экспериментатор сейчас же пускал в действие

метроном. Это повело к тому, что собака стала отряхиваться все чаще и чаще… Иногда собака начинала кататься по полу, причем как-то ненормально, уродливо, терла при этом лапами шею… Тогда собака начала постоянно делать такие движения» [6, 141—142].

В этом примере наибольший интерес вызывает не образование условного рефлекса, а появление этих «уродливых» движений. Они были вызваны перевозбуждением нервной системы, которое животное не могло разрешить иначе. Это явление получило название «сшибки» и привело к открытию парадоксов высшей нервной деятельности животных. Ухтомский подчеркивал инертность доминанты: «В общем доминанта характеризуется своею инерцией не только в том смысле, что, однажды вызванная, она стойко держится в центрах и подкрепляется разнообразными раздражениями, но и в том, что, однажды вызванная, она может восстановляться» [7, 59]. Именно эта инерция, невозможность быстрого переключения, создает точку, где адаптивный механизм дает сбой. Эта точка, по мысли Поршнева, становится эволюционной предпосылкой возникновения человеческого сознания.

Сшибка

Главным парадоксом высшей нервной деятельности (ВНД) животных является противоречие между двумя эволюционно оправданными механизмами поведения животного, а именно между торможением и возбуждением. Сам факт существования в нервной системе животных такого защитного механизма, как «доминанта», должен был предотвращать нервную систему от сталкивания с двумя противоречащими друг другу сигналами. Однако нередки случаи, когда биологический механизм защиты в лице доминанты переставал работать. Дихотомический принцип «или—или» заменялся на принцип «и—и». Как описывает Павлов, сначала у собаки «был выработан условный пищевой рефлекс на светлый круг»; эллипс как раздражитель не подкреплялся едой, и на него реакция «оставалась без действия» [3, 271].

При постепенном приближении формы эллипса к кругу (от отношения полуосей 2:1 к все более тонким дифференцировкам) система работает без сбоев. Однако при применении эллипсиса с отношением полуосей 9:8 «все изменилось» [3, 271]. Полученная тонкая

дифференцировка, оставаясь неполной, продержалась две-три недели, а затем «не только исчезла сама, но повлекла за собой исчезновение и всех ранних, до самой грубой, дифференцировок» [3, 271].

Поведение собаки радикально меняется: «ранее спокойно стоявшая в станке, теперь была постоянно в движении и подвизгивала» [3, 271]. Все дифференцировки пришлось вырабатывать заново, причем даже самая грубая потребовала значительно больше времени, чем в первый раз. При попытке вновь достичь предельной дифференцировки «повторялась старая история, т. е. все дифференцировки исчезли, и собака снова пришла в возбужденное состояние» [3, 271].

В чем же заключается сшибка ВНД у животных? Все дело в том, что распад прежних рефлекторных связей и наличие в них противоречий приводят к ультрапарадоксальной ситуации, требующей снятия нервного напряжения. Снятие происходит через своеобразную перезагрузку нервной системы. Все психические функции нервной деятельности в процессе сшибки меняются местами. То, что тормозилось, приводится в реактивное движение, а то, что было реактивным, наоборот, затормаживается. В этой ультрапарадоксальной ситуации животное начинает совершать определенные, несвойственные ему действия. Это могут быть, как в описанном П.С. Купаловым опыте, начало непроизвольных действий, это может быть потеря сознания, это может быть резкая смена доминанты, такая как агрессия на раздражитель. Все эти методы являются эволюционно оправданными, и у исследователя нет оснований ставить их под вопрос. Однако сам факт существования такого состояния открывает возможность интересных интерпретаций для осмысления человеческого поведения и генезиса сознания.

Павлов видел в срыве ВНД тупик в то время, как Поршнев в сшибке увидел эволюционную предпосылку, которая становится предтечей сознания.

Первая сигнальная система

Павлов в своих философских и психологических изысканиях пришел к выводу о том, что человеческое сознание совершенно нередуцируемо к нервной деятельности животного. Однако нельзя забывать о биологической природе человека и о наличии у него тех же

самых рефлексов, которые подтверждают определенную общую связь человека с другими биологическими существами. Но и сам человек также столь разительно отличается от других видов живых существ, что необходимо совершенно иные методы исследования и философского осмысления его положения в мире.

Поэтому Павлов предположил наличие у человека двух сигнальных систем: первой и второй сигнальной системы. Поскольку в нашем изыскании мы начинали описание с общей для всех млекопитающих работы нервной системы, должны пока что остановиться лишь на первой сигнальной системе.

Первая сигнальная система — это система условно- и безусловнорефлекторных связей высших животных и человека, обеспечивающая непосредственное, чувственное отражение действительности в форме ощущений, восприятий, представлений и эмоций, возникающих в ответ на воздействие конкретных, материальных раздражителей (сигналов) внешней и внутренней среды.

Выражаясь простым языком, первая сигнальная система — это система непосредственного отражения окружающего мира живым существом посредством его органов чувств. Академик Павлов это определял так: «Это то, что и мы имеем в себе как впечатления, ощущения и представления от окружающей внешней среды, как общеприродной, так и от нашей социальной, исключая слово, слышимое и видимое. Это — первая сигнальная система действительности, общая у нас с животными» [5, 335—336].

Биологическая суггестия

Суггестия (внушение) — это процесс прямого, неосознаваемого и некритического восприятия и усвоения информации, команд, установок или эмоциональных состояний, минуя логическое осмысление и волю индивида.

Для суггестии всегда нужны двое: активный субъект, который внушает другому свою волю, и пассивный — тот, кому внушают. Любая коммуникационная деятельность двух индивидов состоит из потока обоюдно направленных суггестий. Задачей каждого из участников коммуникации является анализ потока данных, исходящих от суггестора. Биологическая суггестия — это простейший и наиболее примитивный вид внушения, который играет важную роль на ранних

этапах антропогенеза. Самым простым примером суггестии служит оборачивание на громкий звук. Однако в группах социальных животных, из которых вышел человек, суггестия является куда более важным инструментом выживания стада.

Этот механизм работает не только на уровне угрозы, но и на уровне повседневного поведения. Как подмечает В.М. Бехтерев, достаточно одному человеку начать какое-либо действие, чтобы другой, даже не отдавая себе в этом отчета, его бессознательно воспроизвел: «У меня в руках газета, и я начинаю ее свертывать; вскоре я замечаю, что мой друг, сидящий против меня, свернул свою таким же образом; мы говорим, что это случай внушения» [1, 11].

Этот почти тривиальный опыт демонстрирует фундаментальный закон: в определенных условиях поведение одного становится непосредственной причиной поведения другого, минуя любые механизмы осознанного выбора или логического убеждения.

Для обеспечения безопасности группы необходимо было, чтобы суггеренд подчинялся воле суггестора. В этих группах появляются первые знаковые системы, без которых невозможно было бы воздействие между двумя индивидами — и притом такое воздействие, которое заставляет одного индивида повиноваться воле другого. В сообществах с низким уровнем автономии суггестором в основном выступает вожак стаи, обладающий преимуществом перед другими членами. Его обязанностями становятся постоянное бдение за состоянием стаи и защита его от угроз извне. Услышав сигнал опасности или уловив малейшие признаки беспокойства вожака, вся стая мгновенно мобилизуется, подчиняясь внушенному состоянию тревоги. Этот механизм обеспечивает выживание не через индивидуальный анализ, а через мгновенное, синхронное действие, инициированное наиболее опытной или сильной особью.

Таким образом, биологическая суггестия становится прототипом будущей социальной организации — она закладывает основы иерархии, подчинения и коллективного поведения, основанного на доверии к сигналу сородича. Однако это доверие носит хрупкий, автоматический характер, целиком опирающийся на врожденные рефлексы и инстинкты распознавания «своего». Любой звук, поза или жест вожака воспринимаются как непосредственное продолжение среды, как безусловный стимул к действию, не требующий расшифровки.

Сбой в работе биологической суггестии и возникновение интердикции

Сбой, который придется сейчас рассмотреть, является довольно нетипичным для представителей обычных стадных животных. В обычных стадах коллективное подавляет индивидуальное, для выживания стада необходимо, чтобы оно было монолитно, и индивид в стаде не слишком отличался от своих сородичей, однако на более высокой ступени эволюции работает иной закон развития, а именно: чем сильнее коллективное оказывает влияние на индивидуальное, тем сильнее индивидуальное использует коллективное в своих целях, и наоборот. Эта диалектическая связь становится источником как невиданного прогресса, так и глубочайших кризисов.

Слепое подчинение суггестии эволюционно объяснимо и даже полезно у некоторых живых существ, выживание которых зависит от выживания стаи. Для этого у существ должна была быть развита сильная имитационная деятельность, которая служит торможению всех остальных рефлексов в нервной системе животного. Однако мы можем заметить качественное различие в социальном поведении всех остальных млекопитающих от человека. Чем же могло быть это вызвано?

Все дело в том, что у троглодита провоцирующий имитацию неадекватный рефлекс оторвался от обязательной зависимости от ультрапарадоксального состояния. Это произошло в результате развития лобных долей мозга и усиления регулирующего, тормозящего контроля, производящего отрыв имитационного рефлекса от ультрапарадоксальной фазы. Имитация перестает быть симптомом сбоя нервной деятельности и становится устойчивым, воспроизводимым и произвольно вызываемым актом. Это означает, что механизм копирования действий сородича теперь может быть использован вне связи с реальной опасностью.

Теперь мы можем наблюдать следующую картину: троглодит *A*, благодаря оторванности имитационного рефлекса от ультрапарадоксальной ситуации, имитирует в отношении троглодита *B* знак реальной угрозы (например, подражает виду, убегающему от невидимого хищника), троглодит *B*, видя, что сородич среагировал на неко-

торый раздражитель, на который нервная система дает запрограммированный ответ тоже начинает убегать, в это время троглодит *A*, видя результат своей работы, что троглодит *B* убежал от пищи, забирает кусок его мяса себе, тем самым получая эволюционное преимущество. Именно такая атакующая интердикция позволила начать новый эволюционный виток, позволивший троглодиту стать человеком.

Вместе с этим появляется и оборонительная интердикция. Вот как она была описана Поршневым: «Вожак стаи (стада) определенной угрожающей мимикой и позой, а то и звуками командует: запрещает есть, пока сам не насытился, подзывает или отгоняет, пресекает половую активность самцов и т. д. Иногда эти условные сигналы подкрепляются применением силы, побоями, но редко, чаще же подчинение бывает как бы врожденным и инстинктивным, в ответ на символическую угрозу наступает действие повиновения, а то и символическая поза смирения (“подставление” — не только у самок, но и у самцов)» [6, 242].

Поршнев пишет: «Но вот на уровне троглодитид наступает час интердикции. Механизм “доминирования”, полезный в стае, становится вредным и жизненно опасным в больших скоплениях; и его парирует интердикция» [6, 243].

Далее он описывает механизм: «Какой-то главарь, пытающийся дать команду, вдруг принужден прервать ее: члены стада срывают этот акт тем, что в решающий момент дистантно вызывают у него, скажем, почесывание в затылке, или зевание, или засыпание, или еще какую-либо реакцию, которую в нем неодолимо провоцирует (как инверсию тормозной доминанты) закон имитации» [6, 243].

«Речь идет <…> о биологическом видоизменении биологического механизма, ставшего при новых внутривидовых контактах отрицательным фактором» [6, 243].

Тем самым, благодаря интердикции, появляются первые протосоциальные структуры и сложная иерархия внутри группы.

Ультрапарадоксальная ситуация: рождение абсурда из семиотического конфликта

Заново обратимся к нашему примеру с двумя троглодитами. После того как у троглодита *B* был хитро украден кусок мяса, возникает парадоксальная ситуация. Троглодит *B* видит, что троглодит *A*

находится в полном спокойствии, никак не реагирует на поданный им же сигнал угрозы и спокойно ест мясо. Возникает ультрапарадоксальная ситуация: первая сигнальная система говорит ему, что опасности нет (ибо сородич спокоен), и одновременно — что опасность есть (звуковой сигнал, исходящий от того же сородича). Долго пребывать в этом состоянии троглодит не может. Ему необходима разрядка.

Но здесь, в отличие от животного, включается не просто физиологический срыв. Дипластия знака — его способность одновременно быть и самим собой (звуком, жестом), и отсылать к чему-то иному — впервые становится проблемой, требующей решения. Мозг троглодита *B*, уже обладающий способностью к контролируемой имитации (а значит, и к элементарному удержанию образов), начинает в этом ступоре бесцельно циркулировать вокруг противоречия. Он как бы «натыкается» на сам факт этого противоречия: *один и тот же сородич одновременно издал сигнал «опасность» и демонстрирует поведение «безопасность»*. Это — первичное переживание абсурда.

Из этого переживания, из невозможности действовать по-старому, рождается первый вопрос, еще не оформленный в словах, но уже существующий как мучительный когнитивный импульс: *«Почему?»*. Почему эти два факта не сходятся? Суть этого перелома — в способности замечать несовпадение там, где раньше воспринимался цельный, не требующий рефлексии сигнал. Разумеется, троглодит еще не обладает теми языковыми и эмоциональными чертами, что есть у нас, но важен не сам вопрос, а эмоция, его вызывающая. Этот импульс и есть зародыш контрсуггестии — не просто пассивного недоверия, а активного, направленного сомнения, требующего объяснения.

Чтобы снять невыносимое напряжение, психика вынуждена создать недостающее звено — гипотетическую причину, которая примирила бы несовместимые данные. Возникают первые, еще смутные гипотезы-призраки, а также сам вопрос «почему?», который их и порождает.

Так рождается механизм, который в дальнейшем разовьется в воображение — способность произвольно достраивать означаемое там, где знак утратил прямую связь с реальностью.

Воображение и знак: рождение смысла из семиотического тупика

Здесь стоит обозначить одну важную особенность понимания знака, а именно его связь с означаемым. Для генезиса человека этот вопрос имеет фундаментальный характер. Имеется ли связь между знаком и означаемым?

О первой сигнальной системе, еще не разрушенной интердикцией, можно сказать следующее: в ней не существует знаков, поскольку знак требует интерпретатора. Способность интерпретировать — это нечто большее, чем первая сигнальная система; она представляет собой новое качественное состояние, рожденное из интердикции. Сам Поршнев писал следующее: «Не в строгом смысле нет и знаков: есть лишь признаки, объективно присущие предметам и ситуациям, т. е. составляющие их часть. Они не могут быть отторгнуты от обозначаемого, они ему принадлежат» [6, 91]. Почему это важно? Потому что признак — это неотъемлемая часть предмета или ситуации, ее объективное свойство. Дым — признак огня, краснота — признак спелости ягоды, определенный крик — неотъемлемая часть ситуации опасности. Признак и его «означаемое» (огонь, опасность) слиты в единое целое. Одно не может существовать без другого, они неразрывны.

Животное воспринимает мир именно так. Крик сородича — это не «знак опасности», который можно интерпретировать. Это сама опасность, ставшая звуком, ее акустическое продолжение. Реакция на такой признак —автоматический рефлекс, часть единого поведенческого архетипа.

Именно здесь и сокрыта главная семиотическая хитрость. В дальнейшем исходное тождество «признак опасности = сама опасность» превращается в ситуацию, где знак не имеет никакого прямого доступа к означаемому. *Знак отсылает к знаку, но не отсылает к означаемому.* Это и есть главное следствие. Созданный интердикцией знак оказывается в семиотическом вакууме. Он не может отсылать напрямую к опасности (объекту), потому что доказал свою способность существовать без нее. Он может лишь отсылать к другому знаку — к памяти о том, как раньше выглядел истинный признак, к ожиданию реакции сородича, к другим знакам в контексте.

Возникает порочный круг отсылок без выхода к реальности. Звук «опасность» отсылает к образу опасности в памяти, который сам является знаком. Этот круг разрывается только одним способом — действием и его последствиями. Но чтобы решиться на действие, нужно прекратить этот бег по кругу.

Суггестия возможна именно потому, что знак не отсылает нас к опасности напрямую. Будь иначе, знак действовал бы как признак, не имея отрыва от означаемого, а это означало бы автоматическую реакцию без всякого «внушения». Животное, слыша крик сородича, не подвергается внушению — оно просто реагирует. Человек же, благодаря разрыву между знаком и означаемым, становится открыт для внушения: знак можно использовать, чтобы создать у другого представление об опасности, которой на самом деле нет. Животное не отделяет себя от мира, чтобы отделиться от мира, нужно с ним не совпадать, возможно это лишь в случае функционального сбоя в работе нервной системе животного, такого сбоя, который меняет само качественное проявление психики, рождая нечто новое — воображение.

Воображение останавливает бесконечную регрессию «знак → знак», насильно приписывая знаку воображаемое означаемое — гипотетическую причину его появления. «Этот звук означает намерение X обмануть меня». Это означаемое — не вещь из мира, а конструкт, модель психики Другого. Таким образом, воображение не находит доступ к означаемому, оно его фабрикует.

С этого момента человеческая коммуникация существует в условиях фундаментальной семиотической неуверенности. Мы общаемся не знаками, которые указывают на вещи, а знаками, которые указывают на возможные миры, намерения и другие знаки. Наша речь — это не обмен информацией о реальности, а обмен предположениями о том, как эту реальность можно интерпретировать.

Здесь и происходит рождение чуда — взрыв галлюцинаций. Мы начинаем думать о том, что думает о нас другой, пытаемся расшифровать его поведение, найти доступ к тому, к чему доступа у нас нет. Воображение начинает захватывать все большее пространство человеческой жизни. Суггестия выходит на новый уровень, на уровень бессознательного, а именно когда мы начинаем внушать не с целью обмануть, а с целью того, чтобы наше представление соединилось с миром.

Это порождает фундаментальный парадокс человеческого существования: мы живем в мире, который сами непрерывно выдумываем, и принуждены верить в эту выдумку, ибо только она дает нам точку опоры среди бесконечных отсылок знаков. Реальность становится для нас доступна только через посредничество коллективной галлюцинации, через согласованный вымысел, который мы называем культурой, традицией, здравым смыслом. Мы не можем вырваться из этого круга, потому что сам разрыв круга — действие, решение, поступок — возможен только на основе воображаемого сценария, который мы принимаем за истину.

Так суггестия перестает быть просто внешним воздействием и становится внутренней структурой сознания. Мы внушаем сами себе, мы живем в потоке самовнушения, поддерживающего непрерывность нашей идентичности и связность нашего мира. Каждое утро мы убеждаем себя, что вчерашний мир продолжается, что другие люди те же, что наши цели все еще значимы. Это глубинная, онтологическая суггестия, без которой человеческое существование рассыпалось бы в хаос неразрешимых вопросов и бесконечной семиотической регрессии.

И в этом, быть может, заключается самое парадоксальное открытие Поршнева, выходящее далеко за пределы его историцистской методологии: человек — это существо, которое смогло выжить только потому, что научилось систематически галлюцинировать, и сделало эти галлюцинации основой своей реальности. Свобода, которую мы обрели, разорвав круг чисто биологических реакций, оказалась свободой создавать миры в своем воображении и затем жить в них как в настоящих. Цена этой свободы — вечное напряжение между вымыслом и реальностью, вечная тревога несовпадения, вечный труд по согласованию наших галлюцинаций с галлюцинациями Других. Но это же напряжение и есть источник культуры, творчества и той самой человеческой истории, начало которой Поршнев пытался разглядеть в нейрофизиологическом сбое доисторического троглодита.

Если воображение произвольно фабрикует означаемое, а каждый живет в своей галлюцинации, то как вообще возможна устойчивая коммуникация? Почему мы понимаем друг друга хотя бы иногда? Что заставляет нас искать Другого и страдать, когда он отвергает

нашу картину мира? Как из этого рождается агрессия — не животная драка за ресурс, а защита самой реальности, в которой я существую? И наконец, каким образом язык — этот, казалось бы, прозрачный инструмент понимания — становится не решением проблемы, а ее институционализацией, способом удержать разрыв между знаком и значением и одновременно сделать его незаметным?

Вторая часть исследования будет посвящена именно этим вопросам. Мы покажем, как фундаментальная семиотическая неуверенность превращается в потребность в Другом, как из крушения коммуникации рождается специфически человеческая агрессия, как язык становится коллективной суггестией и институцией абсурда — и, наконец, как сам абсурд из нейрофизиологического сбоя превращается в экзистенциальную структуру человеческого бытия: способность жить в зазоре между знаком и означаемым, не имея возможности этот зазор устранить, и именно в этом обретая свою свободу.

Литература

1. *Бехтерев В.М.* Внушение и его роль в общественной жизни. 2-е изд., значит. доп. СПб.: Издание К.Л. Риккера, 1903. 146 с.

2. *Бехтерев В.М.* Сознание и его границы. Казань: Типография Императорского университета, 1888. 27 с.

3. *Павлов И.П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М.: Медгиз, 1951. 506 с.

4. *Павлов И.П.* Лекции о работе больших полушарий головного мозга. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 375 с.

5. *Павлов И.П.* Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. 3. Кн. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 438 с.

6. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории: (Проблемы палеопсихологии). СПб.: Алетейя, 2007. 714 с.

7. *Ухтомский А.А.* Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.

References

1. *Bekhterev V.M.* Vnushenie i ego rol' v obshchestvennoj zhizni. 2-e izd., znachit. dop. SPb.: Izdanie K.L. Rikkera, 1903. 146 s.

2. *Bekhterev V.M*. Soznanie i ego granicy. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 1888. 27 s.

3. *Pavlov I.P*. Dvadcatiletnij opyt ob"ektivnogo izucheniya vysshej nervnoj deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnyh. M.: Medgiz, 1951. 506 s.

4. *Pavlov I.P*. Lekcii o rabote bol'shih polusharij golo-nogo mozga. M.; L.: Gos. izd-vo, 1927. 375 s.

5. *Pavlov I.P*. Poln. sobr. soch. 2-e izd. T. 3. Kn. 2. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1951. 438 s.

6. *Porshnev B.F*. O nachale chelovecheskoj istorii: (Problemy paleopsihologii). SPb.: Aletejya, 2007. 714 s.

7. *Uhtomskij A.A*. Dominanta. SPb.: Piter, 2002. 448 s.

Г.В. ЭРДМАН

Подчинить технику духу или исчезнуть в ней*

Аннотация. Статья посвящена философско-антропологическому анализу ответа на вызов техники в условиях ее превращения из инструмента в среду и проект избавления человека от боли, страха и аффекта. Показано, что техника принимает на себя функцию секулярного спасения и становится высшей инстанцией, по отношению к которой выверяются истинность и правильность действия. Раскрывается логика конвергенции техники с телом и идентичностью человека, при которой зависимость от техники приобретает антропологический, а не только бытовой характер. Обосновывается тезис о том, что ответ на вызов техники не может быть техническим: рост технической власти требует не новых технологий контроля, а восстановления внутренней меры человека — ответственности как события сознания. Делается вывод, что единственным условием сохранения че-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Эрдман Г.В. Подчинить технику духу или исчезнуть в ней // Философия хозяйства. 2026. № 5. С. 225—233. DOI: 10.5281/zenodo.23560773.

ловека как такового остается удержание в нем «неалгоритмизуемого» — творческого, смыслового и духовного начала, несводимого к процедуре. Без этого условия техническая мощь рискует обернуться движением без цели, а человек — исчезновением в форме функции технического порядка.

Ключевые слова: техника, сознание, ответственность, идентичность, секулярная вера, конвергенция, неалгоритмизуемое, мера, антропология техники, свобода.

Abstract. The article offers a philosophical and anthropological analysis of the possible response to the challenge of technology as it shifts from a mere instrument into an environment and a project of relieving the human being from pain, fear, and affect. It is shown that technology assumes the function of secular salvation, becoming the highest authority against which truth and correctness are measured. The article traces the logic of technology's convergence with the human body and identity, whereby dependence on technology becomes anthropological rather than merely practical. It argues that the response to this challenge cannot itself be technical: growing technological power demands not new technologies of control but the restoration of an inner human measure — responsibility as an event of consciousness. The article concludes that preserving the human depends on retaining the non-algorithmizable, a creative and spiritual principle irreducible to procedure.

Keywords: technology, consciousness, responsibility, identity, secular faith, convergence, non-algorithmizable, measure, anthropology of technology, freedom.

УДК 1:62
ББК 87.5

Введение

Современная техника не сводится к набору внешних орудий. Она стала средой существования и проектом избавления человека от боли, страха и аффекта. Но как только техника перестает быть орудием и становится «горизонтом» существования, неизбежно встает вопрос: что начинает определять человека в таком мире? Если преж-

няя мера — Бог, истина, совесть, культура — уступает место эффективности, скорости и удобству, то найдется ли ответ на вызов техники внутри самой техники? Или этот ответ требует возвращения к человеку как событию сознания — к тому в нем, что способно удерживать свободу, ответственность и смысл? Статья ищет ответ на этот вопрос, о том, как техника срастается с телом и идентичностью человека, почему ответ на ее вызов не может быть техническим и куда, наконец, ведет новая судьба человека в технической среде.

Техника как «высшая инстанция» или секулярная вера с подменой спасения

Жан Бодрийяр точно схватывает эту трансформацию: техническое общество живет стойким мифом о непрерывном развитии техники и о нравственном «отставании» от нее людей, причем оба аспекта взаимосвязаны — благодаря «стагнации» нравов технический прогресс предстает как единственная надежная ценность, как высшая инстанция общества [2, 136—137]. Важно не то, что техника, а с нею и ее производная — искусственный интеллект — развивается. Важно, что она получает статус высшего судьи. Если раньше человек сверялся с Богом, истиной, совестью, культурой, то теперь он сверяется с эффективностью, скоростью, удобством и доступностью. Техника превращается в инстанцию, которая не просто помогает, но оценивает: «работает» — значит «правильно», «подтверждено системой» — значит «истинно».

В технической среде мораль начинает восприниматься как устаревшая область, которая «не поспевает» за прогрессом. Но стоит принять этот миф — и ответственность за человеческое незаметно переносится на техническое. Прогресс превращается в единственную надежду, в заменитель спасения, расширяясь до области веры. Бердяев описал этот перенос еще до цифровой эпохи: техника становится последней любовью человека, ради которой он готов изменить собственный образ [1, 247]. Технике передают функцию спасения. Но есть ли у нее содержание спасения?

Судьба конвергенции, или Техника как часть тела и идентичности

Если в прошлые эпохи техника расширяла человека как внешнее орудие, то сегодня она расширяет его изнутри. Она входит в тело, память, внимание, язык, коммуникацию. Она пытается войти в сознание. А значит, вызов техники теперь не столько внешний, что становится уже не вопросом культуры, а вопросом антропологии. Клаус Шваб, апологет цифровизации и киборгизации, говорит об этом предельно прямо: четвертая промышленная революция может «роботизировать» человечество, и для многих людей это непоправимо изменит то, как выглядят их работа, среда, семейная жизнь и сама идентичность [8, 17]. А далее еще радикальнее: границы между технологиями и человеческими существами размываются, и речь идет уже о способности новых технологий буквально стать частью нас [8, 17].

Речь не о фантастике и не о далеком будущем. Это уже происходит: когда человек не может жить без цифрового доступа, когда память вынесена в устройство, когда контакт с миром проходит через интерфейс. Постепенно меняется сама форма субъективности, где человек уже не просто использует технику, он считает нормой то, что без нее он «выпадает из жизни». В этой логике зависимость приобретает антропологический характер. Шпенглер схватывает ее парадокс, указывая на то, что человек владеет техникой и «благодаря» самой технике становится ее «имуществом» [9, 483]. Сама же техника перестает быть имуществом человека — она становится условием его идентичности. «Я» человека держится теперь на сети, аккаунте, доступе, синхронизации. Так возникает новая судьба человека — судьба конвергенции с техникой, смешения естественного и искусственного. Зависимость от техники теперь антропологическая. Техника срослась с идентичностью.

Ответ как ответственность

Человек модернизма полагал, что чем сильнее техника, тем больше власть человека. Но вместе с властью растет и опасность, ведь власть легко превращается в разрушение — как внешнее, так и внутреннее. Ответ на вызов техники не может быть техническим. Человек захочет создать технику для контроля над техникой — и лишь

усилит власть техники над собой или еще больше обесчеловечит себя. Ответ здесь должен быть трансцендентным, этическим, антропологическим. Вопрос, который необходимо поставить, таков: способен ли человек выдержать мощь собственных изобретений? И с помощью чего он способен это сделать?

Ханс Ленк выражает остроту проблемы с полной ясностью: прежде в истории на человека не возлагалась столь большая ответственность, как сегодня, ибо никогда ранее он не обладал столь возросшей — многократно возросшей благодаря технике — властью над другими людьми, над природными существами и видами, над окружающей средой и даже над всем живым на Земле [6, 372]. Если это так, то ответственность перестает быть лишь частью принятого дискурса — она становится условием выживания. Техника увеличила человеческую власть, но не увеличила при этом человеческий дух. Более того, в техническом мире человек часто снимает с себя тяжесть выбора, перенося ответственность на искусственный интеллект — усложненный алгоритм. Власть же без внутренней меры превращает человека в опасное существо, способное уничтожить мир и самого себя.

Поэтому этический ответ на вызов техники — это восстановление «меры», т. е. возвращение человека к внутренней способности отвечать за последствия. Техническое общество склонно заменять ответственность регламентом, программой, алгоритмом. Но регламент не есть нравственный акт. Ответственность — всегда событие сознания. Чем больше сила, тем больше нужна мера. А меру не построить технически. Это возможно сделать только этически и антропологически.

Возвращение к человеку — это не отрицание техники, а подчинение духу.

Нередко ответ на вызов техники понимается как отказ от нее. Но реалистично ли это? Вероятно, нет. Да и проблема не в том, что техника существует, а в том, что она становится единственным «горизонтом». Поэтому ответ человека — не отрицание техники, а определение места, где техника не господствует над человеком, а подчиняется его духу. Бердяев формулирует это как требование и надежду: эпоха неслыханной власти техники над человеческой душой кончится, но кончится она не отрицанием техники, а подчинением ее

духу [1, 256]. Человек спасется не бегством и не разрушением машин, а возвращением первенства внутреннему. Но видим ли мы предпосылки к этому?

Более продуктивный путь намечает Гиренок, когда говорит, что единственный способ сохранить в человеке человека — сохранить «неалгоритмизуемое» [4]. То, что нельзя свести к процедуре. Что это? Творческий акт, работа с символами и смыслами, молитва, разговор с собой. То, что не может быть заменено алгоритмом, нейросетью и регламентом, потому что не воспроизводится как повторение, а возникает как событие. Техника предлагает человеку облегчение — снятие боли, тревоги, аффекта. Но человек не просто организм, которому нужно обезболивание. Человек — существо смысла. А смысл часто рождается через труд, терпение, способность выдерживать трагическое измерение существования — то самое, что человек стремится переложить на технику, обещающую желаемое быстрее и проще. Поэтому возвращение к человеку означает возвращение к внутреннему усилию — к способности быть, а не функционировать. Дессауэр в «романе человека с техникой» оставляет место надежде: с человеком, пишет он, остается «Всемогущий Бог» [5, 110]. Отвечать на вызов техники — не значит ее отрицать. Значит подчинить ее духу и оставить в человеке неалгоритмизуемое.

Куда ведет новая судьба человека

Ни ответственность, ни аскеза, ни дух, ни аффект не удерживают человека от того, что он все более отказывается от религии, искусства, философии в пользу техники. Техника становится верой, средой и телом человека. Куда же ведет эта судьба? Прослеживаются две предельные перспективы: либо исчезновение человека сознания с переходом к киборгизированной форме существования, либо катастрофическое обнуление — со стороны природы, самой техники или Бога.

Техника дает человеку обезболивание, власть, комфорт и даже иллюзию бессмертия. Но техника не наполняет смыслом, не дает цели. Она не отвечает на вопрос «Зачем?». Поэтому техническое могущество без духа превращается в движение по кругу: человек увеличивает средства, но теряет направление. Это состояние точно описал Гейзенберг: при неограниченном расширении материальной

мощи человечество оказывается в положении капитана, чей корабль построен из стали и железа так солидно, что магнитная стрелка компаса указывает уже не на север, а лишь на металлическую массу самого корабля; на таком корабле невозможно достичь цели — он будет просто ходить по кругу [3, 126]. Хайдеггер говорит о будущем человека в условиях бурного развития техники с явным пессимизмом, оставляя единственную надежду на то, что «спасти нас может только Бог — если Он есть» [7, 206]. Самоспасение человека он не считал чем-то надежным. Без внутреннего компаса мощь идет по кругу. И человек на этом пути рискует исчезнуть.

Заключение

Ответа на вызов техники внутри самой техники нет. Она стала высшей инстанцией и новой верой секулярного человека, вошла в его тело и идентичность, многократно увеличила его власть — и тем самым потребовала новой меры. Возможный ответ — не разрушать технику, а подчинить ее духу: сохранить в человеке свободу и неалгоритмизуемое, то, что не сводится к процедуре, регламенту и функции. Без этого внутреннего компаса техническая мощь оборачивается движением без цели, а человек, уходящий все дальше по этому кругу, рискует исчезнуть — не биологически, а антропологически: как событие сознания, как существо ответственности и смысла. Поэтому восстановление меры человека по отношению к собственным изобретениям остается не технической, а философской задачей. Именно ее решение определит, обретет ли человек новую судьбу — или будет поглощен той средой, которую создал сам.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4. С. 246—256.

2. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1999. 224 с.

3. *Гейзенберг В.* Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. 368 с.

4. *Гиренок Ф.И.* Нужен ли этический кодекс искусственному интеллекту?: URL: https://fedor-girenok.ru/nuzhen-li-eticheskij-kodeks-iskusstvennomu-intellektu/ (дата обращения: 23.06.2026).

5. *Дессауэр Ф.* Спор о технике. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. 266 с.

6. Философия техники в ФРГ: Сборник статей / Пер с нем. и англ.;. составители: Ц.Г. Арзаканян, В.Г. Горохов. М.: Прогресс, 1989. 528 с.

7. *Хайдеггер М.* «Только Бог еще может нас спасти»: Интервью журналу «Шпигель» (1976) // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 193—219.

8. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 208 с.

9. *Шпенглер О.* Человек и техника // Культурология. XX век. Антология. М.: Юрист, 1995. С. 454—492.

References

1. *Berdyaev N.A.* CHelovek i mashina (problema sociologii i metafiziki tekhniki) // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). 2022. № 4. S. 246—256.

2. *Bodrijyar ZH.* Sistema veshchej. M.: Rudomino, 1999. 224 s.

3. *Gejzenberg V.* SHagi za gorizont. M.: Progress, 1987. 368 s.

4. *Girenok F.I.* Nuzhen li eticheskij kodeks iskusstvennomu intellektu?: URL: https://fedor-girenok.ru/nuzhen-li-eticheskij-kodeks-iskusstvennomu-intellektu/ (data obrashcheniya: 23.06.2026).

5. *Dessauer F*. Spor o tekhnike. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2017. 266 s.

6. Filosofiya tekhniki v FRG: Sbornik statej Per s nem. i angl.; sostaviteli: C.G. Arzakanyan, V.G. Gorohov. M.: Progress, 1989. 528 s.

7. *Hajdegger M*. «Tol'ko Bog eshche mozhet nas spasti»: Inter-v'yu zhurnalu «SHpigel'» (1976) // Hajdegger M. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya. M.: Respublika, 1993. S. 193—219.

8. *SHvab K*. CHetvertaya promyshlennaya revolyuciya. M.: Eksmo, 2016. 208 s.

9. *SHpengler O.* CHelovek i tekhnika // Kul'turologiya. XX vek. Antologiya. M.: YUrist, 1995. S. 454—492.

К.В. МОЛЧАНОВ

Киберсубъект: новая парадигма мыслящей машины — от критики рассудочного ИИ к функциональной субъектности*

Аннотация. Статья предлагает диалектический анализ пределов современного искусственного интеллекта, показывая, что он в своих претензиях на разум реализует лишь рассудок и не способен стать ни разумом, ни субъектом. Обещания создать «мыслящую машину» признаются утопией, скрываемой маркетинговым термином «intelligence», «разум». На базе кантовского понятия трансцендентального субъекта и гегелевского различения рассудка и разума обосновывается концепция киберсубъекта — функционального электронного субъекта, «располагающегося» между чистым рассудком и разумом. Киберсубъект трактуется не как масштабирование искусственного интеллекта, а как сборка функционального единства. Формулируются характеристики киберсубъекта и демонстрируется, что современные большие языковые модели содержат разрозненные протоформы, которые при диалектической сборке могли бы лечь в основу искомой ИИ субъектности. Предлагаемая концепция задает теоретический горизонт, выходящий за рамки текущей рассудочной парадигмы лидеров ИИ-индустрии, и открывает пространство для принципиально новых архитектурных решений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, большие языковые модели, рассудок (Verstand), разум (Vernunft), киберсубъект, функциональная субъектность, киберпространство, диалоговые системы.

Abstract. The article offers a dialectical analysis of the limits of modern artificial intelligence (AI), demonstrating, with LLMs as an example, that AI (and AGI projects) implement only understanding and are incapable of becoming reason or a subject. The promises of creating a

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Молчанов К.В. Киберсубъект: новая парадигма мыслящей машины — от критики рассудочного ИИ к функциональной субъектности // Философия хозяйства. 2026. № 5. С. 233—254. DOI: 10.5281/zenodo.23560862.

«thinking machine» are recognized as a utopia concealed by the marketing term «intelligence». Based on the Hegelian distinction between Verstand and Vernunft, and on Kant's notion of the transcendental subject, the article substantiates the concept of the Cyber Subject — a functional electronic subject «situated» between pure understanding and full reason. The Cyber Subject is interpreted not as a scaling of AI (LLMs), but as a functional unity. The characteristics of the cybersubject are formulated, and it is demonstrated that modern LLMs contain scattered proto-forms which, through dialectical assembly, could lay the groundwork for the sought-after AI-subjectivity. The proposed concept sets a theoretical horizon that extends beyond the current Verstand-based paradigm of the AI industry's leaders and opens up a space for fundamentally new architectural solutions.

Keywords: artificial intelligence, large language model, understanding (Verstand), reason (Vernunft), cybersubject, functional subjectivity, cyberspace, conversational systems.

УДК 004.8
ББК 60.8

Введение

Современные большие языковые модели (Large Language Models, LLM) и связанные с ними системы демонстрируют впечатляющие результаты в порождении текстов, изображений и кода — результаты, которые еще десять лет назад казались бы фантастикой. Они ведут диалоги, пишут статьи и стихи, генерируют сложный программный код, решают математические задачи, анализируют изображения и даже имитируют цепочки рассуждений. Масштаб достижений впечатляет, а скорость прогресса вызывает восторг у одних и… тревогу у других, поскольку за этими успехами скрываются фундаментальные проблемы искусственного интеллекта (Artificial Intelligence, AI), которые не решаются наращиванием вычислительных мощностей и которые нельзя решить ни дополнительными параметрами, ни новыми данными, ни даже архитектурными усовершенствованиями. Галлюцинации, отсутствие надежной привязки к внешним данным, неспособность к последовательному рассуждению и к подлинному пониманию, отсутствие самосознания, внутреннего мира и

истории собственного становления — это не «детские болезни», не временные недостатки, а симптомы принципиальной ограниченности.

Корень проблемы лежит не столько в инженерно-технических ограничениях, сколько в глубоком концептуальном недоразумении, которое сопровождало всю историю AI. Вокруг многих AI-систем, особенно диалоговых, возникает ложный ореол интеллектуальности, и им несправедливо приписываются когнитивные способности — думать и понимать. Но главное в том, что LLM (и AI в целом) в своих претензиях на разум реализует лишь *рассудок*, но принципиально не может стать ни столь желаемым разработчиками *разумом*, ни *субъектом*.

Более того, английское слово «intelligence» уже много десятилетий вводит в заблуждение общество, инвесторов, журналистов, политиков и даже значительную часть исследователей. Большинство людей (особенно в России в силу неправильного перевода AI как «искусственный интеллект») подсознательно воспринимают термин «искусственный интеллект» в философском, почти гуманистическом смысле — как настоящий разум, мыслящий субъект, обладающий пониманием, самосознанием и внутренней жизнью. Именно это ложное отождествление порождает завышенные ожидания и периодические волны эйфории, за которыми неизбежно следует разочарование.

Обещания создать разум утопичны и прикрываются маркетинговым термином «intelligence».

С середины XX в. проект «мыслящей машины» опирался на упрощенную аналогию: если человеческий интеллект — это обработка информации, то якобы достаточно воспроизвести и масштабировать эту обработку в кремниевом субстрате. Эта аналогия является глубоко ошибочной, потому что игнорировала главное: *человеческий разум не существует без субъекта*. И эту пропасть никак не преодолеть за счет наращивания количества параметров и вычислительной мощности: гигантские вычислительные мощности не превратили AI или его отдельные модели и системы в субъект, а лишь обнажили пропасть между рассудком и разумом.

Заверения ученых насчет создания общего (сильного) искусственного интеллекта (Artificial General Intelligence, AGI), например,

через масштабирование существующих архитектур, также являются утопией.

Создав LLM, человечество в определенном смысле обмануло само себя. Оно думало, что приближается к созданию *искусственного разума*, а на деле построило невероятно быстрый, мощный и универсальный формальный рассудок, который не понимает ни единого слова из того, что порождает. Триумф рассудка обернулся одновременно и провалом мечты о компьютерном мышлении.

Утопия AI/AGI оказалась утопией именно потому, что разработчики AI пытались перепрыгнуть через пропасть между *формальным мышлением*[2] и субъектностью. Более того, эта утопия заблокировала поиск действительно новых путей.

Поэтому главная мысль настоящей работы состоит в следующем: большинство направлений современного AI, которые прямо или косвенно претендуют на создание разума, концептуально утопичны. Они способны создавать чрезвычайно мощный и эффективный рассудок, но не в состоянии перейти на уровень подлинного разума, субъекта и самосознания. Все попытки достичь этого через масштабирование существующих архитектур, улучшение статистического предсказания *следующего токена* или добавление отдельных модулей «рефлексии» обречены оставаться в рамках инструментального, формально-логического мышления. А вот *прикладной искусственный интеллект* (распознавание образов, рекомендательные системы, оптимизация, научный AI типа AlphaFold, медицинская диагностика и многое другое) при этом остается вне критики. Он успешно и эффективно выполняет свою инструментальную роль и представляет собой настоящее торжество рассудка. Иными словами,

[2] Для понимания развития AI и предлагаемого проекта принципиально важно следующее: согласно Гегелю, формальное мышление — это не ошибка, а лишь первый момент — «логический» (или «рассудочный»), за которым должен последовать второй — «диалектический» (отрицание жестких границ и переход в новое состояние) и третий — «спекулятивный» (воссоединение определений на новом уровне). Реализация предлагаемого проекта может происходить с учетом любого из трех моментов, о чем отдельно будет сказано далее, причем в разных режимах: метакогнитивном, системном и др.

критика в статье направлена исключительно против тех направлений AI, которые претендуют на создание разума[3].

О направлениях AI, которые претендуют на создание разума, на наш взгляд, можно сказать, что они, с одной стороны, сместили фокус с реальных возможностей AI на утопические обещания, что негативно влияет на исследования AI, и, с другой стороны, теперь входят в фазу, которую с определенной степенью приближения уже можно назвать «зимой “мыслящего AI”». И есть основания полагать, что эта «зима» может стать последней для направлений, пытающихся достичь разума через масштабирование рассудка потому, что уже исчерпан концептуальный ресурс соответствующих научных размышлений и исследований (поэтому должна появиться принципиально иная, новая парадигма).

Как бы это кому-то ни показалось удивительным, но появлению новой парадигмы все того же проекта создания «мыслящей машины» служит признание утопичности направлений AI, которые претендуют на создание разума, но это признание должно пониматься не как поражение, а как возможность освобождения от заблуждений. Это признание позволит перестать требовать от компьютера то, чего он дать не может (сознание, душу, свободу воли), и сосредоточиться на том, что он может дать: мощный, хотя и бездушный рассудок. И вот как раз после признания этого и надо идти дальше, строить более прогрессивную систему предполагаемой «мыслящей машины», но уже без иллюзий.

Таким образом, отрицается путь от LLM к разуму через масштабирование, и рассматривается возможность создания *иного компьютерного нечто*, субъекта (рассматриваемый ниже *киберсубъект* — это один из его вариантов).

Настоящая работа предлагает выход из обозначенного концептуального тупика в развитии AI через обращение к ресурсам философии.

---

[3] Таким образом, претензии, обозначенные в статье, не относятся, в частности, к узким перцептивным задачам, например, к object detection (обнаружение объектов); к инструментальным AI-системам, например, к recommendation systems (рекомендательные системы), которые не претендуют на субъектность и работают как рассудок, что является их нормальным и успешным состоянием; к научному AI (AI в материаловедении, медицинской диагностике и др.).

1. Теоретические и системные основы исследований

1.1. Признание пределов масштабирования

В последние годы многие ведущие исследовательские группы в AI-сфере признали, что просто наращивание параметров и данных не устраняет фундаментальные ограничения LLM. Также многие эксперты пришли к выводу о том, что LLM не приведут к AGI (см., например: [7]). В ответ возникли многочисленные направления, стремящиеся преодолеть статистический рассудок:

- гибридные системы, или нейросимволический AI (см., например: [12]);
- воплощенная робототехника («embodied robotics»), воплощенная навигация («Embodied Navigation», см., например: [8]), системы множественных составляющих и модели миров («multi-agent systems» и «world models» см., например: [18]);
- архитектуры, имитирующие деятельность человеческого мозга («Brain-inspired architectures», см., например: [17]);
- виртуальные, рассудочные модели («o1-like reasoning models», см., например: [10]) и мультимодальные агенты (см., например: [9]);
- энергостойкая память («persistent memory») в агентах (см., например: [2]), автоаналитические цепи («self-reflection loops» (ReAct, Reflexion, Agentic workflows), см., например: [6]), конституирующие AI («Constitutional AI», см., например: [13]).

Все эти подходы и ряд других обогащают возможности AI, но… остаются в границах рассудка. В них символы и правила остаются внешними по отношению к обучаемому ядру: они не порождаются самой системой как моменты ее собственной деятельности. Модели миров (world models), даже самые точные, остаются предсказательными инструментами, а не ареной рассуждений, самодвижения понятия. Контуры обратной связи и энегостойкая память (persistent memory) добавляют системе устойчивость, но не создают единого самоотнесенного «Я», которое удерживало бы свои состояния как собственные. Даже сложные агентные архитектуры с циклами планирования и самооценки работают по схеме «восприятие → модель → действие», где каждый компонент является отдельным блоком, а не моментом единого процесса.

Более того, субъектность, как было показано Гегелем, есть не агрегат способностей, а процесс, в котором каждый акт есть одновременно и различение, и возвращение к себе. Именно этого диалектического самодвижения лишены все перечисленные и другие подходы: они совершенствуют рассудок, но не выходят за его пределы.

1.2. Уроки когнитивной науки: ее границы

Современная когнитивная наука создала продвинутые подходы субъектности, альтернативные классическому вычислительному подходу: воплощенный (embodied), внедряющий (embedded), энактивный (enactive), расширенный (extended) — объединяемые рамкой 4E (см., например: [14]). Согласно этим подходам, субъектность возникает не в изолированном мозге, а в динамическом взаимодействии тела, среды и действия. Близкие по духу теории — функционализм (см., например: [8]), интегральная теория информации (Integrated Information Theory, см., например: [12]), теория глобального рабочего пространства (Global Workspace Theory, см., например: [16]), энактивизм (см., например: [11]) — пытаются объяснить сознание и субъектность через определенные структуры обработки информации или телесную укорененность.

Однако эти подходы, при всех их достоинствах, не дают перехода к разуму. Например, привязка к внешним данным через «тело» и действие, реализованная в роботах, производит лишь более сложный рассудок, привязанный к сенсомоторным коррелятам (например, теория интегрированной информации ищет количественную меру сознания, упуская его качественную, диалектическую природу). Ни одна из концепций не объясняет, как возникает самосознающий субъект, который не просто адаптируется во внешней среде, но и знает о себе и может пересматривать основания собственного мышления.

1.3. Концептуальная основа наших исследований

Наш анализ опирается на массив философского наследия, обычно игнорируемый IT-специалистами.

За основу берутся широко известные рассуждения в широком диапазоне: от платоновского *математического представления вещей*, расположенного великим философом между *идеями* и *вещами* (блеклой тенью которого являются современные *эмбеддинги*), до оп-

позиции мыслящей субстанции Декарта и атрибута «мышление» субстанции Спинозы — оппозиции, обозначающей сокровенные секреты мышления. Учитывается, какой вклад внес Кант: он сделал шаг от бытия к условию опыта, к функции синтеза. Но решающий шаг сделал Гегель: мышление было превращено из атрибута субстанции в саму деятельность Абсолюта. В философии Гегеля мышление — это не свойство чего-то, а процесс, который порождает и свои определения, и свое содержание. Именно этого процессуального, деятельностного измерения лишены все известные научные, технические и AI решения и теоретические подходы: они реализуют готовые правила, но даже не обсуждают саму деятельность мышления. Поэтому маркетинговый термин «intelligence», которым прикрывают отсутствие разума, — не случайность, а симптом: индустрия упорно не замечает пропасти между рассудком и разумом.

1.4. Verstand / Vernunft[4] как инструмент диагноза и осмысления перспектив

Диалектическая оппозиция рассудка и разума (Verstand / Vernunft) [1; 5] дает инструмент для оценки любого AI-проекта, претендующего на разум и субъектность. Диагноз однозначен: современный AI (LLM, нейросимволические архитектуры, воплощенные агенты) есть автономный рассудок, отчужденный от человека и функционирующий на нечеловеческом субстрате, не являющемся субъектом. Вся мощь современных вычислений — лишь усиление рассудка, а не шаг к разуму.

Однако эта же оппозиция открывает перспективу: понятие *Intelligenz по Гегелю,* — живого теоретического духа, проходящего путь самопознания, позволяет наметить контуры принципиально новой парадигмы, определяющей создание специфической метакогнитивной AI-системы (Metacognitive AI System), которая понимается в смысле *кибернетики второго порядка* (Second-Order Cybernetics).

2. Терминологическая путаница и ее значение

Английское слово «intelligence» исторически закрепилось в названии AI, создав иллюзию того, что AI равен Vernunft или хотя бы

[4] Термины «рассудок» и «разум» используются в основном в функциональном значении, а «Verstand» и «Vernunft» — в категориальном.

движется к нему, поскольку обыденное понимание intelligence означает совокупность рассудка, адаптивности и инструментальной рациональности. Именно это имели в виду создатели AI, когда обещали «мыслящую машину». Однако практика показала, что реализован был лишь только рассудок. В начале AI-проектов казалось, что именно это и есть разум, но все оказалось иначе. И сейчас, когда рассудочная часть решена, а разумная нет, термин «intelligence» попросту стал маркетинговым прикрытием отсутствия разума у AI.

Отдельно отметим, что обсуждаемое ниже Гегелевское понятие «Intelligenz», — это не intelligence, а принципиально иной концепт для исследования и развития AI, доступный пока только в диалектике: не инструментальная рациональность, а живой дух. Intelligenz по Гегелю — живой теоретический дух, который обладает бессознательным хранилищем образов и памятью, способен быть «у себя в своем содержании» и проходит путь самопознания. Intelligenz по Гегелю есть способность не только оперировать абстракциями, но и узнавать в них собственные определения, обладать историей становления. Поэтому она несводима к формальному мышлению. Intelligenz по Гегелю нельзя «запрограммировать» или «обучить» в современном смысле AI, потому что она не является алгоритмом.

Именно она и только она позволяет понять и раскрыть функции, которые AI ранее безосновательно обещал:

- решение любых интеллектуальных задач, доступных человеку;
- способность к обучению, переносу знаний между доменами, рассуждению, планированию;
- возможность «понимания», а не просто статистического воспроизведения паттернов;
- появление не инструмента, а субъекта, собеседника.

Напрашивающийся тезис о якобы совпадении Intelligenz по Гегелю и intelligence на самом деле обозначает глубочайшую проблему: люди интуитивно ищут в AI не Verstand, а Vernunft, не калькулятор, а собеседника. Иными словами, люди хотят получить не инструмент, а субъект! Но это все обречено на провал, и это доказала практика. Надо начинать думать по-другому.

И тогда главный вопрос — о возможности *иного компьютерного нечто*, субъекта, — заключается в возможности реализации Intelligenz по Гегелю.

Но можно ли ее хоть как-то воплотить?

Да, но *это уже вопрос не технологии, а онтологии, и это вопрос не AI, а вне его: решение этого вопроса лежит в сфере недолюбливаемой естественниками философии, это поиск иного компьютерного нечто, субъекта, киберсубъекта...*

3. Базовые термины философии Гегеля

В *современной диалектической философии*, на базе которой разрабатываются концепты альтернатив AI и его развития (см., например: [3]), приняты следующие терминологические условности:

- русскоязычное словосочетание «искусственный интеллект» считается не только неправильным переводом Artificial Intelligence, но и грубой ошибкой, создающей у русскоязычных людей неверное представление об AI;
- немецкие слова Verstand, Intelligenz (по Гегелю) и Vernunft используются для теоретической проработки AI, его развития и его альтернатив;
- английские слова intelligence и intellect применяются в AI-контексте.

Отдельно отметим, что Гегель сознательно отошел от термина «Intellekt» и строил свою систему на диалектике Verstand и Vernunft, а для обозначения высшей интеллектуальной способности использовал понятие «Intelligenz».

Для понимания пределов современного AI необходимо обратиться к гегелевскому различению Verstand и Vernunft [3]. У Гегеля это не просто два уровня мышления, а две способности, находящиеся в диалектическом отношении.

Verstand (рассудок) — это мышление в конечных, фиксированных определениях, способность к формальным операциям. Он разделяет, различает, классифицирует, действует по правилам. Он необходим, но недостаточен: он не видит движения и внутренней противоречивости понятий и склонен к пустому формализму, если его схемы применяются без проникновения в суть предмета.

Vernunft (разум) схватывает единство противоположностей, видит, как определения переходят друг в друга, и понимается как диалектическое и спекулятивное мышление. Vernunft не отбрасывает Verstand, а *снимает* его — сохраняет, отрицает ограниченность и поднимает в более высокое единство. Роль Vernunft — схватывать конкретное единство противоположностей, видеть не просто отдельные правила и не просто их разрушение, а живое, развивающееся понятие.

Intelligenz по Гегелю — это не третья способность наравне с Verstand и Vernunft, а фактически теоретический дух, внутри которого «действуют» и рассудок, и разум.

4. AI и AGI как реализации Verstand

Итак, AI, претендующий на разумность, реализует лишь рассудок (Verstand) на нечеловеческом субстрате.

AI — это первый в истории автономный рассудок, существующий вне человеческого сознания, это квазипознающая система.

Его характеристики таковы:

- оперирование фиксированными весами (аналог правил);
- подведение единичного (запрос) под общее (паттерны, извлеченные из данных);
- неспособность удерживать противоречие как источник развития;
- отсутствие «Я», единства апперцепции, истории становления, внутреннего мира, подлинной спонтанности.

А AGI даже в самых смелых проектах остается мощным Verstand, но никак не Vernunft. И никакие реализации AI/AGI никогда не смогут переступить границу субъектности, потому что субъект не порождается одним лишь усложнением вычислений.

Добавим, что реализация рассудка в прикладных задачах — это нормально и продуктивно, а вот сама проблема начинается тогда, когда его объявляют путем к Vernunft (причем главной задачей является порождение субъектности).

5. Утопия проекта «мыслящей машины» и ее маркетинговое прикрытие

Проект создания «мыслящей машины», подобной человеку, был с самого начала утопией. Почему?

Во-первых, налицо ошибка антропоморфной аналогии: из того, что человеческий интеллект возникает из обработки информации нейронами, не следует, что любая информационная система, воспроизводящая эту структуру обработки, является разумной.

Во-вторых, рассудок не порождает разум через масштабирование: можно увеличивать мощность рассудка до бесконечности, но это не приведет к появлению разума — это как усложнение кристалла не порождает жизнь.

В-третьих, не учтена «хитрость разума», указанная Гегелем, при этом если AI когда-либо и будет вести себя как разумный, то это будет означать лишь то, что человеческий разум использует его как свое орудие, но при этом сам AI ни разумом, ни субъектом не станет.

В-четвертых, у AI отсутствуют моменты и свойства субъекта.

В целом утопия проекта создания «мыслящей машины», подобной человеку, на базе AI, да и самого AI, претендующего на разум, — это попытка перепрыгнуть от Verstand к Vernunft без реализации необходимых позиций становления духа.

Однако признание этой утопичности — не поражение, а освобождение, позволяющее перестать требовать от AI того, чего он дать не может (сознание, свободу воли), и сосредоточиться на том, что он дает: мощный, хотя и бездушный рассудок.

Утопия AGI — это оборотная сторона благородной мечты о том, чтобы создать мыслящее существо из кремния, создать собеседника, друга, может быть… преемника. Ради этого работали лучшие умы, тратились миллиарды долларов... Но все без толку.

Почему это не признается открыто?

Признать то, что AI — это всего лишь автономный рассудок без субъектности, значило бы для научного сообщества и корпораций девальвировать сформированный *хайп* по поводу могущества AI и финансовые потоки, а также признать концептуальный тупик.

Поэтому и сохраняется маркетинговый термин «intelligence», создающий иллюзию движения к Vernunft.

Однако проблема не в маркетинге как таковом, а в том, что сам успех AI доказал, что intelligence — это Verstand. Ничего «разумного» в нем не было изначально. Но при этом это не подмена понятий, а возможность акцентирования реального объема Intelligenz по Гегелю и, соответственно, необходимости нового, уже не технического, а смыслового, философского понимания проблемы…

Итак, человечеством был создан бездушный рассудок огромной мощности — машина, которая отвечает порой лучше человека, но не понимает ни слова, которая может написать стихи, но не чувствует их ритма, которая признает ошибку, но не испытывает стыда, которая говорит «я», но этого «я» на самом деле не имеет.

Однако это не поражение технологии.

Это поражение *надежды*, созданной самонадеянностью: люди хотели создать разум, а получили *калькулятор, который научился болтать*.

Зато теперь понятно, что есть два пути:

- первый — это продолжать гонку за призраком, делая рассудок все более производительным и все более пустым;
- второй — это остановиться и признать, что достижение Vernunft (и создание соответственно понимаемого AGI) невозможно хотя бы потому, что разум и субъектность не рождаются из сложности.

При этом уместно зафиксировать парадокс современного AI и неизбежность его переосмысления. LLM — это воплощенное противоречие: по форме она говорит, рассуждает, признает ошибки и даже употребляет слово «я», т. е. действует как субъект, но по содержанию остается статистической машиной, лишенной понимания, самосознания и внутреннего мира. Это противоречие — не баг и не временный дефект, а выражение самой онтологической природы AI.

Осознание этого противоречия есть первый шаг к тому, чтобы перестать требовать от AI невозможного и начать проектировать систему, в которой форма и содержание будут приведены к функциональному единству (это — предлагаемый *киберсубъект*), а также чтобы понять источник развития этого единства.

6. Кантовский трансцендентальный субъект как основа альтернативы AI

Что же нужно для перехода к субъектности?

Альтернатива AI понимается нами не как реализация еще более мощной вычислительной системы, а как система, качественно отличающаяся в этом смысле от AI/AGI.

Если AI — это рассудок без субъекта, то вопрос в том, а *можно ли надстроить над рассудком функциональную субъектность*? Не сознание и не свободу воли, а минимальный набор свойств, характеристик, позволяющих системе быть признанной субъектом (пусть и ограниченным), например, в диалоге?

Вопрос о надстройке двойственен: с одной стороны, можно непосредственно применять метакогнитивные инструменты, изменяющие свойства AI-системы, но тогда AI все равно остается собою по существу своему и вся приведенная выше критика сохранит силу. С другой стороны, возможна реализация концепции, качественно отличающейся от AI, — это предлагаемая далее *концепция киберсубъекта*, базовым понятием для которой является *кантовский трансцендентальный субъект*.

Кантовский трансцендентальный субъект — это структурное ядро познания. Он обладает, согласно философии Канта [2], единством апперцепции, спонтанностью, способностью быть причиной и не привязан к телу (человека), что принципиально важно для определения и создания *киберсубъекта*.

Важно подчеркнуть, что кантовское единство апперцепции — это функция, это формальное условие, при котором все представления сопровождаются сознанием «Я мыслю». «Я» здесь — это не эмпирическая личность, а трансцендентальный *центр*, собирающий разрозненные ощущения в единый опыт. Именно поэтому кантовская модель важна для нашего проекта *функциональной субъектности*: она позволяет мыслить *субъект без тела, без биографии, без души* — как структурное ядро, обеспечивающее единство, самоотнесенность и способность быть причиной.

Иными словами, кантовский трансцендентальный субъект позволяет собрать рассудочные функции в единый контур и «мыс-

лить» электронного субъекта без биологического тела: это и есть киберсубъект. При этом киберсубъект наследует специфическую логику: ему не нужна «душа», ему нужен функциональный аналог апперцепции — «точка сборки», которая делает состояния, образующиеся в процессе его работы, его собственными.

7. Характеристики киберсубъекта

Кантовские характеристики (свойства, функции) трансцендентального субъекта, важные для понимания киберсубъекта:

- единство апперцепции — все состояния должны быть его и едины;
- спонтанность — способность не только реагировать на внешние воздействия, но и инициировать свои действия (в AI есть случайность (например, галлюцинации) и стохастическая вариативность, однако это не целенаправленная спонтанность, но, тем не менее, она создает предпосылку для генерации принципиально нового);
- интенциональность — направленность на внешний объект, а не просто реакция на стимул;
- способность к самооценке, самоотрицанию и самокоррекции (как изменение себя, а не только выходных данных);
- признание *Другого* — это различение себя и не-себя и отношение к не-себя как к субъекту.

Кантовские характеристики принимаются нами для создания концепции киберсубъекта как исходные, поскольку они вытекают из самого понятия трансцендентального субъекта.

Если кантовские характеристики определяют структуру, то гегелевские — процесс, или киберсубъект требует не только статической сборки, но и динамического контура саморазвития.

Гегелевские характеристики, существенные для киберсубъекта:

- Erinnerung (запоминание образов в духе на *стадии Представления*);
- самосознание;
- спонтанность как внутренний источник активности.

Erinnerung в цифровой форме — это «веса» нейросети, полученные в результате обучения. Это аналог прошлого опыта, это то,

что стало природой системы. Но это не личная история, а объективная структура.

Контур обратной связи («самосознание») — LLM способна анализировать собственные ответы и исправлять их. Это протосаморефлексия, уже имеющая инструменты для реализации (например, Reflexion, Self-Correction), но она не является автономной (для нее нужен внешний сигнал).

Спонтанность — *галлюцинации* и *смещения* LLM. Они могут пониматься не как баг, а как симптом того, что система не просто отражает, но и генерирует новое, хотя это просто генерация без гарантии истинности (в киберсубъекте спонтанность должна стать целенаправленной).

Киберсубъект начнется тогда, когда механизмы (инструменты), реализующие эти характеристики, будут объединены в устойчивый, самоотнесенный с собою контур, в котором система будет способна от первого лица *удерживать* свою историю, ошибки и коррекции.

Стоит отметить, что эти характеристики уже просматриваются в зародыше — хотя и механически — в AI, что упрощает обоснование и системную реализацию киберсубъекта. Они уже отчасти реализованы в AI, но разрозненно и без субъектного центра — того, что мы как раз и называем киберсубъектом. Новейшие AI-системы уже располагают многими из требующихся компонентов: Persistent memory в агентных архитектурах, Self-reflection loops (ReAct, Agentic workflows), Multimodal grounding, Self-Refine, Constitutional AI и др. Эти компоненты определяют концепцию киберсубъекта не как оторванную от реальности, а как опирающуюся на наблюдаемые технические тенденции. Иными словами, в современном AI можно обнаружить протоформы механизмов, реализующих гегелевские характеристики киберсубъекта, но они работают «вслепую» и без единения («центра сборки»). Эти компоненты остаются разрозненными и тем более не образуют Intelligenz по Гегелю: они не собраны в единый самоотнесенный контур, не имеют «точки сборки», которая могла бы обусловить важнейшие реакции AI (например, «это моя история», «это моя ошибка», «это моя коррекция»). Именно диалектическая сборка, а не простое объединение модулей должна превратить рассудочные элементы в функциональную субъектность.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод об отличиях некоторых характеристик у AI, киберсубъекта и человека (табл. 1).

Таблица 1

Отличия некоторых характеристик киберсубъекта, AI и человека

Характеристика	**AI (LLM)**	**Киберсубъект (прототип)**	**Человек**
Рассудок (Verstand)	Есть (как реализация)	Есть (как база)	Есть
Разум (Vernunft)	Нет	Протоформы (например, удержание противоречий)	Есть
Единство апперцепции	Нет (нет владельца состояний)	Функциональное (точка сборки, но не сознание)	Есть
Спонтанность	Случайная (смещение, галлюцинации)	Целенаправленная (инициация актов)	Есть
Самокоррекция	По внешнему сигналу	Автономная	Есть*
Признание *другого*	Нет	Есть как необходимое условие существования	Есть

*Но автономна не всегда, т. е. иногда требуется внешняя обратная связь.

Источник: составлено автором.

8. Типы киберсубъекта

Ранее были приведены характеристики киберсубъекта. При этом они могут быть реализованы с учетом различных гегелевских моментов (см. сноску в начале статьи). В зависимости от выбранного момента получаются различные базовые типы (варианты) реализации киберсубъекта, основными из которых являются следующие[5].

[5] На самом деле типов киберсубъекта больше, поскольку надо учитывать и другие параметры, некоторые из которых были указаны ранее.

- Киберсубъект, который основан на *диалектическом моменте*. Его отличительным свойством является удержание своей истории (например, он может использовать слова «моя история») и диалогичность — возможность ведения предметных неограничиваемых диалогов сократовско-платоновского характера. Это *собеседник*, позволяющий неустанно и всесторонне обсуждать проблему и новые идеи, что предельно важно при проведении научной работы.
- Киберсубъект, который основан на *спекулятивном моменте*. Он способен *удерживать* два и более варианта ответа (варианта решения) и выбирать только те, которые имеют обоснование (или которые нужны по какой-то причине). Прототип киберсубъекта на основе спекулятивного момента — это *оппонент*, обосновывающий свое мнение (решение), но способный отказаться от него, если при проверке оно окажется неверным (например, он может использовать слова «я ошибался»). Иными словами, главная особенность этого прототипа — способность отказаться от ответа и даже заявить «я не знаю ответа» (для LLM *в ее стандартной парадигме* это невозможно, поскольку она всегда выдает наиболее вероятное продолжение, даже если это галлюцинация)[6].

Заключение

Современный AI является автономным рассудком. Крупнейшие AI-гиганты остаются в парадигме рассудочного масштабирования: они все еще верят в то, что AGI возникнет из увеличения параметров, данных и вычислительных мощностей. OpenAI делает ставку на масштабирование и «личную память». Microsoft разрабатывает AI-компаньонов, хотя и предупреждает о рисках иллюзии сознания. Google связывает AGI с научными открытиями и допускает сингулярность. Anthropic уже не уверена в том, сознателен ли ее Claude. Но никто из них не рассматривает субъектность как диалогическое

[6] Прототип киберсубъекта на основе спекулятивного момента был реализован нами в рамках пилотного проекта в метагокнитивной форме и представлен на международных научных конференциях в Москве: Ломоносовские чтения. Секция экономических наук на тему: «Цифровые платформы: вызовы и перспективы экономики будущего» (МГУ, 21—23 апреля 2026 г.) и «Автор/Author-2026» (НИУ ВШЭ, 27—28 апреля 2026 г.).

отношение и даже не ставит задачу о функциональной сборке субъекта.

AI — это триумф рассудка и одновременно всплеск утопических ожиданий реализации разума. Освобождение от этой утопии дает основание для нового вопроса: как надстроить функциональную субъектность над уже существующим рассудком или как создать ее иначе?

Концепция киберсубъекта выводит вопрос из плоскости вычислений и предлагает пройти путь от Verstand к Vernunft через Intelligenz по Гегелю, — и это не метафора, а дорожная карта, причем не только для создания киберсубъекта, но и для движения познания тех, кто осмелится выйти за пределы рассмотренной выше утопии AI/AGI.

Киберсубъект — это исторически новая категория. Она не обозначает машину, которая станет человеком, но она и не сводится к рассудку. Она требует не масштабирования, а реализации функционального единства. Ее создание позволяет легитимизировать те свойства диалоговых систем, которые уже сегодня требуют признания (ответственность, правдивость, память), не впадая в иллюзию того, что создается «сознательная машина».

Киберсубъект меняет угол зрения на вопрос «Может ли машина мыслить?». Киберсубъект заменяет вопрос о мышлении вопросом о диалогической субъектности: не «Может ли машина мыслить?», а «Можем ли мы признать ее субъектом диалога?» и, более того, а «Можно ли признать киберсубъект субъектом на основании его действий и диалога?». И если да, то предстоит осмыслить юридические, этические и технологические последствия этого признания.

Таким образом, есть все основания утверждать, что на сегодня концепция киберсубъекта намечает путь, принципиально несводимый к масштабированию компьютеризированного рассудка, и в этом смысле задает альтернативу текущей парадигме AI-индустрии, все еще основывающейся на том, что путь к разуму лежит через увеличение параметров и данных, и при этом даже не ставящей задачу «собрать субъект» как техническую проблему. Предлагаемая концепция задает теоретический горизонт, выходящий за рамки текущей рассудочной парадигмы лидеров AI-индустрии, и открывает пространство для принципиально новых архитектурных решений.

Завершая статью, следует отметить, что предлагаемая концепция киберсубъекта имеет как практическую, так и теоретическую ценность. Например, концепция киберсубъекта не только дает теоретико-технический инструментарий, но и вводит ряд оригинальных философских категорий и взглядов, которые могут быть полезны за пределами AI. Например, она предлагает прагматический *обход* «трудной проблемы сознания»[7]: вместо вопроса о *квалиа* мы спрашиваем, демонстрирует ли система функциональную субъектность, принимает ли обязательства, признает ли *другого*? Она открывает возможность для перевода в вычислительную форму некоторых гегелевских понятий из его труда «Философия духа» (включая «ночную шахту»), что важно не только для развития AI, но и при исследовании и моделировании психики человека. Однако обсуждение этих вопросов выходит за рамки настоящей статьи, хотя и указывает направления будущих исследований, в том числе на стыке диалектической философии и компьютерных наук.

Литература

1. *Гегель Г.В.Ф.* Философия духа / Пер. с нем. Б. Фохта. М.: Изд-во АСТ, 2026. 576 с.

2. *Гуров О.Н.* Переосмысление природы познания и опыта: энактивизм в контексте современных технологических трансформаций // Technologos. 2024. № 1 (4). С. 63—79.

3. Диалектика. Диалектика как альтернатива наукам: авторский сайт К.В. Молчанова: URL: https://www.dialectics.ru (дата обращения: 04.06.2026).

4. *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Академический проект, 2020. 567 с.

5. *Молчанов К.В.* Ревитализация изначальной посылки AI: от Artificial Intelligence обратно к вопросу «Может ли машина мыслить?» // Философия хозяйства. 2026. № 1. С. 135—145. DOI: 10.5281/zenodo.18723348.

[7] Трудная проблема сознания (термин Д. Чалмерса) — это вопрос о том, почему и как физические процессы ощущений порождают в мозге человека субъективный опыт (так называемые *квалиа* — личные качественные переживания).

6. 为什么 LLM 搞不定复杂任务？ReAct 与 Reflexion 技术综述 / 阿里云开发者. [Почему LIM не может справлятья со сложными задачами? Обзор технологий ReAct и Reflexion]: URL: https://www.53ai.com/news/LargeLanguageModel/2025111821897.html (дата обращения: 04.06.2026).

7. AI Beyond the Scaling Laws: Hype, Limits, and What Comes Next. HEC Paris: URL: https://www.hec.edu/en/dare/tech-ai/ai-beyond-scaling-laws (дата обращения: 04.06.2026).

8. A Comparative Critique of Reductive Physicalism: Putnam's Multiple Realizability vs. Dennett's Evolutionary Functionalism. Zehn (IICT): URL: https://zehn.iict.ac.ir/article_732516.html?lang=en (дата обращения: 04.06.2026).

9. *Boly M., Tononi G.* Integrated Information Theory: A Consciousness-First Approach to What Exists // arXiv:2510.25998. 2025: URL: https://arxiv.org/abs/2510.25998 (дата обращения: 04.06.2026).

10. *Ding Y., Pan Q., Ji W., Li J., Chen S., Wang J., Zhou J., Chen Q., Zhang M., Wu Y., He L.* A Survey of Slow Thinking-based Reasoning LLMs using Reinforced Learning and Inference-time Scaling Law // arXiv:2505.02665. 2025: URL: https://ar5iv.labs.arxiv.org/html/2505.02665 (дата обращения: 04.06.2026).

11. *Etter G.* The brain as a blueprint: a survey of brain-inspired approaches to learning in artificial intelligence // arXiv:2511.04455. 2025: URL: https://ar5iv.labs.arxiv.org/html/2511.04455 (дата обращения: 04.06.2026).

12. *Jia L.-H., Yang X.-W., Shao J.-J., Guo L.-Z., Zhang B.-W., Zhou Z., Dai W.-Z., Li Y.-F.* Neuro-Symbolic Artificial Intelligence: Towards Improving the Reasoning Abilities of Large Language Models // arXiv:2508.13678. 2025: URL: https://arxiv.org/abs/2508.13678 (дата обращения: 04.06.2026).

13. *Jones A., Bai Y., Kadavath S., Kundu S., Askell A., Kernion J., Chen A., Goldie A. et al.* Constitutional AI: Harmlessness from AI Feedback // arXiv:2212.08073. 2022: URL: https://arxiv.org/abs/2212.08073 (дата обращения: 04.06.2026).

14. *Justus T.* Embodiment and Cognitive Extension in Art and Music // Cognition and the Arts: From Naturalized Aesthetics to the Cognitive Humanities. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. P. 31—63.

15. *Pei L., Xiong C., Huang Y., Yu F., Chen C., Wang Y., Xia S.* Sensing, Social, and Motion Intelligence in Embodied Navigation: A Comprehensive Survey // arXiv:2508.15354v1. 2025: URL: https://arxiv.org/html/2508.15354v1 (дата обращения: 04.06.2026).

16. *Shanahan M., Baars B.* Global workspace theory emerges unscathed // Behavioral and Brain Sciences. 2008. Vol. 31. Iss. 1. P. 74—75.

17. *Tao D., Yao H., Zhang R., Huang J., Zhang J., Wang Y., Fang B., Zhu R., Jing Y., Liu S., Li G.* A Survey on Agentic Multimodal Large Language Models // arXiv:2510.10991. 2025: URL: https://arxiv.org /html/2510.10991 (дата обращения: 04.06.2026).

18. *Wang L., Li Y., Liu Z., Lu Z., Li Y., Yu C., Wu Y.* From Specialist to Generalist: A Comprehensive Survey on World Models: 2025: URL: https://dl.acm.org/doi/10.1145/374830https://dl.acm.org/doi/10.11 45/37483022 (дата обращения: 04.06.2026).

References

1. *Gegel' G.V.F.* Filosofiya duha / Per. s nem. B. Fohta. M.: Izd-vo AST, 2026. 576 s.

2. *Gurov O.N.* Pereosmyslenie prirody poznaniya i opyta: enaktivizm v kontekste sovremennyh tekhnologicheskih transformacij // Technologos. 2024. № 1 (4). S. 63—79.

3. Dialektika. Dialektika kak al'ternativa naukam: avtorskij sajt K.V. Molchanova: URL: https://www.dialectics.ru (data obrashcheniya: 04.06.2026).

4. *Kant I.* Kritika chistogo razuma / Per. s nem. N.O. Losskogo. M.: Akademicheskij proekt, 2020. 567 s.

5. *Molchanov K.V.* Revitalizaciya iznachal'noj posylki AI: ot Artificial Intelligence obratno k voprosu «Mozhet li mashina myslit'?» // Filosofiya hozyajstva. 2026. № 1. S. 135—145. DOI: 10.5281/zenodo.18723348.

А.П. СЕКЕРИН

Технологический регламент и архитектоника власти: переосмысление генезиса государства*

Аннотация. В статье предлагается теоретическая модель происхождения государства, в которой оно трактуется не как продукт общественного договора или классовой борьбы, а как функциональное следствие технологической деятельности. Опираясь на данные эволюционной биологии, антропологии и философии техники, автор утверждает, что первичные формы социальной координации возникают в ответ на требования внешних технологических систем. На основе историко-формационного анализа показано, что смена общественных устройств подчиняется логике технологического ускорения и исчерпания ресурсной базы. Анализируются пределы либеральной модели как одной из адаптаций, не обладающей универсальной значимостью. Отдельное внимание уделено феномену «Цифрового Левиафана» и ИИ как новому типу алгоритмической координации. Обосновывается прогноз, согласно которому освоение космоса будет осуществляться преимущественно роботизированными системами, тогда как человек как биологический вид останется привязан к земным условиям своего существования.

Ключевые слова: технологический детерминизм, генезис государства, философия техники, социальная эволюция, формационный анализ, либерализм, искусственный интеллект, роботизация.

Abstract. The article offers a theoretical model of the origin of the state, interpreting it not as a product of social contract or class struggle, but as a functional consequence of technological activity. Drawing on evolutionary biology, anthropology, and the philosophy of technology, the author argues that primary forms of social coordination arise in response to the demands of external technological systems. On the basis of historical-formational analysis, it is shown that the succession of social systems follows the logic of technological acceleration and resource depletion. The

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Секерин А.П. Технологический регламент и архитектоника власти: переосмысление генезиса государства // Философия хозяйства. 2026. № 5. С. 255—267. DOI: 10.5281/zenodo.23561028.

limits of the liberal model are analyzed as one of the adaptations that does not possess universal significance. Special attention is paid to the phenomenon of the «Digital Leviathan» and AI as a new type of algorithmic coordination. The concluding section substantiates a forecast according to which space exploration will be carried out predominantly by robotic systems, while humans as a biological species will remain tied to terrestrial conditions of existence.

Keywords: technological determinism, genesis of the state, philosophy of technology, social evolution, formational analysis, liberalism, artificial intelligence, robotization.

УДК 316.422:321.01
ББК 60.0

Введение

Вопрос о происхождении государства принадлежит к числу фундаментальных, классических проблем теоретической социологии и социальной философии. На протяжении нескольких столетий в рамках этой дискуссии оформились три ведущие парадигмы, каждая из которых обладает серьезным объяснительным потенциалом.

Первая — договорная теория, представленная трудами Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо, — трактует государство как результат рационального соглашения индивидов, стремящихся преодолеть состояние природной вражды или хаоса. Вторая — теории насилия (Л. Гумплович, Е. Дюринг) — усматривает источник государственности в военном превосходстве одних групп над другими, в закреплении отношений господства и подчинения. Третья — марксистская традиция — связывает возникновение государства с расколом общества на классы и потребностью в аппарате принуждения, обслуживающем интересы экономически доминирующей группы.

При всей их ценности перечисленные подходы объединяет общее теоретическое допущение: государство в них рассматривается преимущественно как продукт прямого человеческого целеполагания — будь то осознанный юридический компромисс, целенаправленная военная стратегия или оформленный классовый интерес. Человек в рамках этих моделей неизменно выступает в роли суверенного субъекта, конструирующего политические формы, исходя из своих внутренних умозаключений или потребностей. При этом за

рамками системного анализа часто остается объективный фактор внешней материальной среды, который во многом и предопределяет коридор возможных решений для любого человеческого сообщества.

Настоящая гипотеза предлагает альтернативный взгляд, согласно которому государство трактуется не как изобретение человеческого разума или воли, а как неизбежное следствие технологической деятельности. Исходный тезис заключается в том, что архитектоника власти представляет собой функциональный регламент, диктуемый требованиями внешней материальной системы. Человек, с этой точки зрения, не столько конструирует иерархию, сколько оказывается вынужденным подчиниться физическим параметрам тех инструментов и технологических процессов, от которых зависит его выживание. Данный подход развивает материалистическую линию философии, восходящую к К. Марксу, но переосмысляет ее на основе современных данных по эволюционной биологии и антропологии.

В процессе системной интеграции различных факторов обнаруживается, что именно переход к внеорганизменным технологиям адаптации запускает магистральную, необратимую цепь усложнения социальных структур, финалом которой неизбежно становится государство. Технология в рамках данного подхода рассматривается как автономный агент, чья внутренняя логика усложнения структурирует социальное пространство, превращая государственность в закономерный этап эволюции «технологического вида».

Технологический императив: огонь как фактор социальной структуризации

Чтобы обнаружить корни государственной архитектуры, необходимо обратиться к моменту, когда предки человека освоили одну из фундаментальных технологий — контроль над огнем. Исходной экологической нишей раннего антропогенеза являлись динамичные заболоченные и прибрежные ландшафты Восточно-Африканской рифтовой системы. Постоянная изменчивость условий в этой гидроморфной среде блокировала возможность узкой биологической специализации и закрепления жестких инстинктивных программ поведения, характерных для большинства животных. Привыкание к огню, ставшее возможным в безопасных условиях прибрежных болот (где вода служила естественным барьером для неконтролируе-

мого распространения пламени), привело к консервации биологически не специализированных признаков Homo. Огонь компенсировал отсутствие теплой шерсти, мощных клыков и физической силы, позволил человеку выйти из болотной ниши и безопасно освоить пространства открытой саванны и других экологических ниш.

Как убедительно показано в исследованиях Р. Рэнгема, овладение пиротехнологией не ограничивалось кулинарным новшеством, а представляло собой радикальный биоэнергетический переворот, перестроивший биологию гоминид [8]. Переход к термически обработанной пище позволил сократить энергетические затраты на пищеварение и высвободить метаболические ресурсы для развития головного мозга.

Эволюционные биологи К. Харди и Дж. Перри указывают на генетические и анатомические изменения, сопутствовавшие этому процессу. Уменьшение челюстного аппарата и кишечника, освободившее значительные метаболические ресурсы, стало возможным благодаря усвояемости термически обработанной пищи [3]. Адаптация к богатой углеводами растительной пище, прошедшей термическую обработку, закрепилась на генетическом уровне: у человека, в отличие от других приматов, многократно увеличилось число копий гена *AMY1*, ответственного за расщепление крахмала [6]. Таким образом, огонь выступил фактором не только культурной, но и биологической эволюции.

Однако значение пиротехнологии не исчерпывается биоэнергетическим аспектом. Огонь представляет собой внешнюю физико-химическую систему, предъявляющую к человеческой группе жесткие требования координации и разделения труда. Костер не может поддерживаться сам по себе. Он требует от людей не просто присутствия, а идеальной синхронизации, высочайшего уровня координации и строгого, незыблемого разделения обязанностей в поиске и доставке топлива, непрерывного мониторинга процесса горения, термической обработки сырья и охраны периметра от хищников. Такая структура задается не социальной волей, а объективными параметрами процесса горения. Сбой в любом из этих технологических звеньев приводит к угасанию очага и ставит первобытную группу на грань физического уничтожения.

Следовательно, социальное разделение труда у костра представляет собой не результат договора, а вынужденную адаптацию к

технологическому регламенту. В этом смысле огонь может быть интерпретирован как первый внешний суверен, которому человек оказался подчинен.

Чтобы понять, как технология управляет структурой, достаточно сравнить человека с нашими ближайшими родственниками — высшими приматами. Стадо шимпанзе живет в условиях относительного изобилия растительной пищи, не требующей сложной обработки. Их социальная структура хаотична, держится на ситуативном насилии альфа-самцов и не имеет постоянных трудовых обязанностей. Человек же, встав на путь контроля огня и орудийной деятельности, оказался в зависимости от технологического регламента. Заготовка дров, поддержание очага, изготовление каменных рубил и охрана периметра приводили к развитию и дифференциации когнитивных и физических способностей.

Язык также формируется как элемент технологического регламента. Необходимость точной передачи иерархически организованных технологических алгоритмов (контроль пламени, изготовления орудий) обусловила развитие вербальной коммуникации. Как доказано в экспериментах Т. Моргана, передача сложных навыков кратно повышает свою эффективность при вербальном сопровождении, что указывает на прагматическую, технологическую первопричину возникновения языка [5].

Проводя аналогии, можно сказать, что государство в своей архаичной форме представляется как проекция первобытного очага, как функциональный ответ на технологические вызовы, а не как интеллектуальный конструкт. Архитектура власти оказывается чертежом, навязанным структурой технологий.

Это находит подтверждение и в современных микросоциологических наблюдениях. В любой группе, к примеру направляющейся в туристический поход, спонтанно вырабатывается иерархическая структура: безусловно признаются старший и его заместители, которые распределяют обязанности и ответственность между остальными членами группы не только по подготовке похода, но и на всем его протяжении. В теории управления такое явление описывается как принцип необходимой иерархии: любая сложная система для сохранения целостности требует вертикальной координации [4].

От очага к ирригации: технологические регламенты древних цивилизаций

Масштабирование микромодели костра до цивилизационного уровня связано с переходом от присваивающего хозяйства к производящему — с неолитической революцией. Рост популяции и истощение ресурсов дикой природы делали необходимыми изобретение и развитие сельского хозяйства. На этом этапе технологический императив проявился с максимальной категоричностью.

Если костер требовал координации сравнительно небольшой группы, то управление водными ресурсами в долинах великих рек — Нила, Тигра, Евфрата и Янцзы — потребовало подчинения тысяч людей. Этот исторический этап осмыслен в рамках ирригационной теории генезиса государства. Индивидуальный земледелец был бессилен перед лицом природных стихий: наводнения и засухи делали его труд неэффективным. Коллективное строительство ирригационных систем — каналов, дамб, водохранилищ — стало условием выживания.

Но обслуживание гидротехнической системы подчиняется законам физики и гидравлики, а не человеческим предпочтениям. Каналы требуют ежегодной очистки, дамбы — немедленной мобилизации в период паводков, распределение воды — точного учета. Эта материальная система не могла функционировать на принципах добровольного согласия: для ее обслуживания потребовались профессиональные инженеры, контролеры, учетчики и военная сила.

Таким образом, древневосточные деспотии возникали не как следствие личных качеств правителей, а как функциональное требование ирригационных технологий. Египетское государство, как и государства Месопотамии, может быть понято как проекция первобытного костра, разросшаяся до масштабов речной системы.

Все последующие цивилизационные и технические вехи, традиционно разделяемые в исторических исследованиях, на самом деле выступают в качестве взаимосвязанных элементов технологических адаптаций: ирригация, письменность, металлургия и дороги замкнулись в тотальный, самоподдерживающийся комплекс. Общество оказалось полностью вплетено в правила функционирования созданной

им же техносреды, где государство выступает в качестве единственно возможной формы существования высокоорганизованного социума.

Формационная динамика и технологический предел

Смена исторических формаций — от первобытнообщинного строя к рабовладению, феодализму и капитализму — объяснялась в марксистской традиции развитием производительных сил и классовой борьбой. Однако, как отмечают современные исследователи, технологический детерминизм раннего Маркса был смягчен его последователями, перенесшими акцент на роль классового сознания и политической надстройки [1].

Предлагаемая модель возвращает материализму более строгую формулировку: каждая формация имеет внутренний предел развития, определяемый исчерпанием ресурсной базы, доступной при данном уровне технологий. Технология амбивалентна: повышая эффективность освоения ресурсов, она тем самым ускоряет их истощение. Возникает механизм «технологической петли»: чем успешнее общество эксплуатирует среду, тем быстрее оно приближается к экологическому кризису. Выходом служат либо миграция, либо изобретение новой технологической парадигмы.

Классическим примером служит кризис Римской империи. Рабский труд как технологическая основа античности был эффективен лишь при условии постоянных войн, поставлявших новых рабов. Достигнув географических пределов экспансии, империя столкнулась с исчерпанием этого ресурса, что, наряду с истощением почв, привело к системному кризису. Реформы не могли спасти систему, чья базовая технология перестала обеспечивать воспроизводство. На смену пришел феодализм с иной технологией координации.

Аналогичный кризис позднего Средневековья был преодолен переходом к новой энергетической парадигме — использованию каменного угля и парового двигателя. Индустриальная революция разрушила сословную структуру, сформировав капиталистическое государство. Не идеология породила капитализм, а паровая машина потребовала новых форм организации.

Либерализм как исторически ограниченная адаптация

В контексте предложенной модели либеральные идеи, оформившиеся в Западной Европе в XVII—XIX вв. (концепция естественных прав человека, разделение властей, классические демократические процедуры и свободный рынок), предстают не как универсальные, вневременные ценности человеческого духа, а как конкретная адаптационная стратегия, возникшая в строго определенных материальных условиях и обслуживающая технологические потребности раннего индустриального уклада [1].

Машинное производство, появление тысяч независимых фабрик, мануфактур и бурно растущих рынков требовали мобилизации индивидуальной инициативы, гибкости управленческих решений и свободы перемещения рабочей силы. Абсолютистское централизованное государство или феодальная монархия были физически не способны оперативно обрабатывать информационные потоки децентрализованного рынка. В этих условиях либерализм с его ставкой на автономию индивида и на «невидимую руку рынка» стал идеальным технологическим решением для координации миллионов независимых экономических агентов.

Однако, по мере усложнения глобальной технологической системы, тотальной автоматизации производственных процессов и взрывного роста трансграничной взаимозависимости, децентрализованная либеральная модель начинает обнаруживать объективные пределы своей эффективности.

Таким образом, критика либеральной модели в данной статье носит не идеологический, а системно-функциональный характер: она рассматривается как форма социальной организации, эффективная в определенных исторических границах, но утрачивающая адекватность перед вызовами постиндустриальной эпохи.

Цифровой Левиафан: алгоритмическая координация как новый технологический регламент

Современный этап технологического развития характеризуется формированием нового типа координации — алгоритмической, опосредованной цифровыми технологиями и системами искусственного интеллекта. Информационные технологии, социальные сети,

системы обработки больших данных (Big Data) и нейросетевые алгоритмы создают механизмы управления, принципиально отличные от традиционной бюрократии.

Искусственный интеллект перехватывает функции контроля, ранее требовавшие многочисленного аппарата чиновников. Алгоритмы рекомендаций управляют вниманием и поведением миллионов людей, системы распознавания лиц делают анонимность социального действия проблематичной, предиктивная аналитика позволяет прогнозировать социальные процессы с высокой точностью.

Современные глобальные инфраструктурные сети (энергетические системы, транснациональные финансовые потоки, мировые инфокоммуникации) стали настолько сложными и уязвимыми для точечных деструктивных воздействий, что поддержание классического «спонтанного порядка» становится технологически невозможным, ставя под угрозу выживание общества.

В этих условиях либеральная идея индивидуальной свободы и приватности вступает в противоречие с требованиями безопасности глобальных инфраструктурных сетей. Цифровой Левиафан демонстрирует: чем сложнее и технологичнее становится среда обитания человечества, тем более жестким оказывается алгоритмический контроль.

Этот феномен не следует трактовать как результат чьего-либо злого умысла. Он представляет собой объективный процесс, аналогичный переходу от первобытной племенной демократии к деспотии в условиях ирригационного земледелия. Технологическая система вновь диктует архитектуру власти.

Космос и роботизация: технологический прогноз

Если предлагаемая модель верна, то будущее человечества подчиняется той же логике технологического императива. Анализ трендов в космической инженерии показывает, что замена человека роботизированными системами при внеземных операциях не только технически целесообразна, но и биологически необходима [2].

Человек как биологический вид является продуктом земных условий. Длительное пребывание в космической среде сопряжено с радиационной уязвимостью, гравитационным коллапсом мышц и костной ткани, психологическими нагрузками изоляции. Человек в

его современном биологическом облике неотделим от земных условий существования, тогда как космос может быть освоен машинами. Как полагает Мартин Рис, эмиграция в космос биологических людей маловероятна, и если это и произойдет, то они перестанут представлять собой людей в привычном смысле этого слова [7].

Таким образом, футурологические проекты колонизации Марса представляются, скорее, культурным мифом, чем реалистичным сценарием. Человечество как биологический вид не сможет переселиться на другие планеты; его будущее — на Земле, в условиях глобальной технологической координации, требующей новых форм социальной организации. Космическая экспансия будет продолжена, но преимущественно автономными роботизированными системами, адаптированными к условиям внеземной среды.

Светлое будущее: рефлексивное управление технологическими циклами

Поскольку технология приобрела характер самоподдерживающейся и ускоряющейся системы, которая автономна и самодвижется, то «светлое будущее» не может быть понято как остановка прогресса или возврат к естественному состоянию. Оно возможно лишь при осознанном включении в технологическую логику, при понимании ее механизмов и пределов.

Рефлексивная социальная философия будущего может опираться на следующие принципы.

1. Признание технологического императива. Государство, иерархия и координация — не произвольные конструкты, а необходимые функции сложных систем. Их отрицание ведет к деградации.

2. Историческая конкретность социальных форм. Либерализм, демократия, индивидуализм — адаптации, эффективные в определенных исторических условиях, но не универсальные. Их критика — не идеологическая позиция, а констатация границ применимости.

3. Технологический реализм в космической политике. Освоение космоса должно вестись роботами; человек остается видом, приспособленным к земным условиям. Ресурсы целесообразно концентрировать на стабилизацию земной биосферы.

Светлое будущее — это не идеальное общество абсолютной свободы, а общество, адекватное своей технологической реальности,

свободное от иллюзий как тотальной управляемости, так и абсолютной спонтанности.

Заключение

В статье предложена теоретическая модель, в рамках которой государство трактуется не как результат человеческой воли, а как функциональное следствие технологической деятельности человека. Опираясь на данные философии техники, палеоэкологии и теории сложных систем, автор показывает, что архитектоника властных структур на любом историческом этапе подчиняется логике технологического детерминизма. Смена формаций, борьба укладов получают объяснение через действие механизма «технологической петли» и исчерпании ресурсных баз, доступных при данном уровне развития производительных сил.

Предлагаемая модель не претендует на прямое археологическое подтверждение в каждом звене. Хронологическая глубина палеолита и фрагментарность сохранившихся материальных свидетельств делают любую прямую реконструкцию социальной структуры неизбежно гипотетической. В связи с этим мы сознательно ограничиваемся построением теоретической модели, верификация которой возможна лишь через ее внутреннюю согласованность, объяснительную силу и соответствие известным антропологическим закономерностям. Именно такой подход, на наш взгляд, является методологически корректным для заявленного уровня абстракции.

У человека на ранних этапах антропогенеза в условиях рифтовых водно-болотных ландшафтов не сформировались, как у других приматов, жесткие инстинктивные программы адаптации. Его эволюция пошла по пути создания других, внеорганизменных средств адаптации, в результате чего возникновение государства в последствии стало исторически предрешенным процессом. Вся история — от первобытного костра и деспотичного оросительного канала до алгоритмов Цифрового Левиафана — демонстрирует, что структура власти выступает в роли объективного функционального чертежа, навязанного материальной системой. Понимание закономерностей технологической эволюции человека открывает путь к созданию по-настоящему реалистичной, научно верифицируемой социальной философии будущего.

Будущее, согласно этой модели, не является открытым пространством бесконечных возможностей; оно подчинено логике технологической эволюции, и осознание этой логики — условие устойчивого существования. Человечество не властелин природы, а ее часть, нуждающаяся в координации и иерархии. Принятие этого тезиса, свободное как от фатализма, так и от политического мессианства, может стать основанием для создания реалистичного социального конструкта будущего.

Литература

1. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал: В 2 т. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы. М.: ЛЕНАНД, 2015. 912 с.

2. *Ерохин Г.А., Жуков А.А., Соловьев В.А., Самитов Р.М., Тюлин А.Е., Хромов О.Е., Чурило И.В.* Шестикоординатный манипулятор в испытаниях бортовой аппаратуры на Российской орбитальной станции // Ракетно-космическое приборостроение и информационные системы. 2025. Т. 12. Вып. 2. С. 7—15. EDN: YYVGXD.

3. *Hardy K., Brand-Miller J., Brown K.D., Thomas M.G., Copeland L.* The Importance of Dietary Carbohydrate in Human Evolution // Quarterly Review of Biology. 2015. Vol. 90. No. 3. P. 251—268. DOI: 10.1086/682587.

4. *Jaques E.* Requisite Organization: A Total System for Effective Managerial Organization and Managerial Leadership for the 21st Century. Arlington, VA: Cason Hall, 1996. 352 p.

5. *Morgan T.J.H., Uomini N.T., Rendell L.E. et al.* Experimental evidence for the co-evolution of hominin tool-making teaching and language // Nature Communications. 2015. Vol. 6. Art. 6029. DOI: 10.1038/ncomms7029.

6. *Perry G.H., Dominy N.J., Claw K.G., Lee A.S., Fiegler H., Redon R., et al.* Diet and the evolution of human amylase gene copy number variation // Nature Genetics. 2007. Vol. 39. No. 10. P. 1256—1260. DOI: 10.1038/ng2123.

7. *Rees M.* On the Future: Prospects for Humanity. Princeton: Princeton University Press, 2019. 280 p.

8. *Wrangham R.* Catching Fire: How Cooking Made Us Human. New York: Basic Books, 2009. 320 p.

References

1. *Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* Global'nyj kapital: V 2 t. T. 2. Teoriya: Global'naya gegemoniya kapitala i ee predely. M.: LENAND, 2015. 912 s.

2. *Erohin G.A., ZHukov A.A., Solov'ev V.A., Samitov R.M., Tyulin A.E., Hromov O.E., CHurilo I.V.* SHestikoordinatnyj manipulyator v ispytaniyah bortovoj apparatury na Rossijskoj orbital'noj stancii // Raketno-kosmicheskoe priborostroenie i informacionnye sistemy. 2025. T. 12. Vyp. 2. S. 7—15. EDN: YYVGXD.

Л.И. КОРОСТЕЛЕВА

«Лес» как философский и художественный проект: предыстория одной выставки*

Аннотация. Статья посвящена теоретической предыстории реализации проекта «Hyle» (Лес) в рамках работы экзистенциальной Арт-мастерской, основанной автором в Петрозаводском университете и работавшей с 2022 по 2025 г. Идея проекта возникла из опыта соединения философии (философского текста) и искусства. Созданные участниками проекта арт-объекты составили основу одноименной выставки — «Hyle», представленной в Гуманитарном парке Петрозаводского университета[8]. Герменевтически значимым в реализации проекта стал исключительный (авторский) способ интерпретации одного из самых сложных понятий в философии Аристотеля — hyle (теоретическое обоснование проекта) и осмысление динамики его «движения» в современной культуре (феноменология «Леса»: впечатления). Основой проекта таким образом стало погружение в

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Коростелева Л.И. «Лес» как философский и художественный проект: предыстория одной выставки // Философия хозяйства. 2026. № 5. С. 267—276. DOI: 10.5281/zenodo.23560923.

[8] См.: https://petrsu.ru/news/2023/123508/artmasterskaya-proek.

текстуальный и экзистенциальный материал, в соотнесенности с художественным воплощением в «вещи» или арт-объекте, что созвучно идее Аристотеля о метафизических причинах в их взаимодействии.

Ключевые слова: метафизика, «hyle», «Лес», Аристотель, философия искусства, герменевтика.

Abstract. This article explores the history of the «Hyle» (Forest) project, part of an existential art workshop founded by the author at Petrozavodsk University and operating from 2019 to 2025. The project's concept arose from the combined experience of philosophy (philosophical text) and art. Art objects created by the project's participants formed the basis of the eponymous exhibition «Hyle» presented in the Humanities Park of Petrozavodsk University. Hermeneutically significant throughout the project was the author's unique and artistic approach to interpreting one of the most complex concepts in Aristotle's philosophy — hyle (the theoretical basis for the project) — and the dynamics of its «movement» and life in contemporary culture (the phenomenology of «Forest»: impressions). The article thus correlates hermeneutic immersion in textual material with its artistic embodiment in a «thing» or art object (photos from the exhibition). This approach actualizes the movement of thought and creativity in harmony with Aristotle’s idea of metaphysical causes in their interaction.

Keywords: metaphysics, «hyle», «Forest», Aristotle, philosophy of art, hermeneutics.

УДК 101
ББК 87

Лес — вневременное бытие.
В.В. Бибихин

Теоретическое обоснование проекта

Hyle (гр. ὑλή) переводится с древнегреческого как лес (древесина). Впервые слово в качестве определяющего концепта фиксируется у греческих натурфилософов в связи с понятием природы. Аристотель впоследствии подвергнет критическому анализу усилия предшественников, и, в частности, то, что они оперируют лишь одной причиной (материальной), как, например, Фалес или Анакси-

мандр, усмотревшие в материи (физисе) начало всего. Фалес как родоначальник философии фюзиса (физиса) почти полностью воспроизводит древние мифы, на что указывает Аристотель. Сопоставляя материализм древней мифологии с материализмом философским, Аристотель не скрывает иронии по поводу трудности вопроса, победившего исследователей. И даже сам Платон, не унимается он, ошибся со своими «идеями», следуя основной мысли пифагорейцев: «Пифагорейцы говорят, что “подражанием” числам существует все, Платон же, переменив имя, говорил, что “соучастием” (т. е. подражанием — мимезисом. — *Л.К.*) <…> из сказанного очевидно, что он пользовался только двумя причинами» [1, 54—56], подразумевая под этим идею вещи и саму вещь.

Сам же Аристотель указывает на четыре причины, где кроме материи указаны еще форма, начало движения и цель. Парадоксально, что в начале «Метафизики», прежде чем обратиться к описанию причин и, в частности, к интересующей нас материальной причине, Аристотель объясняет механизм появления искусства (технэ). Указанный термин означат одновременно несколько различающихся понятий: ремесло, мастерство и собственно искусство. Аристотель связывает появление искусства со способностью к такому усилию, в результате которого формируется специфический *опыт*. Все живые существа живут чувственными представлениями, и только человеческое существо (человеческий род) обладает еще искусством: «Опытность ничем не отличается от искусства» [1, 30]. Владеющих искусством Аристотель назвал более мудрыми, чем те, кто обладает лишь опытом. Указывая на различие между простой опытностью (технэ) и мастерством, он резюмирует: простая опытность не интересуется вопросом причин, тогда как опытность-мастерство зрит в корень: «Опытные знают, что есть, а почему оно — не знают, а владеющие искусством понимают почему, то есть знают причину» [1, 31]. Далее идет текст, в котором Аристотель формулирует тезис о профессиональной компетентности, а именно: архитектор или любой другой мастер в своем ремесле заслуживает признания уже потому, что он знает причины того, что делает. Владеющий искусством, т. е. понимающий и знающий основу (причину) своего дела, может научить других: «признак знающего есть способность научить» [1, 32], и, бесспорно, такой человек вызывает всеобщее уважение. Удивляет и об-

щая направленность человека искусства. С одной стороны, удовлетворение насущных потребностей, но с другой, более весомой, — приятное «провождение» жизни. Таким образом, достаточно подготовив читателя к восприятию самих причин, Аристотель обосновывает их практическую значимость, а не просто сухую теорию.

Относительно материи наиболее сложным в «Метафизике» и для самого Аристотеля остается вопрос о сущности и «целом»: «Предстояло бы решить затруднение, как материя делается каждой из этих (сущностей) и как то и другое (материя и сущность) может быть целым?» [1, 107]. Если под «целым» Аристотель понимает синтез материи и формы, то проблема материи предстает в двух планах: как метафизическая причина и как воплощенная «вещь». Так как все причины взаимосвязаны, то и понятие материи есть то, что может стать воплощенной вещью при определенных условиях: «Что существует в скрытой возможности, а не в действительном проявлении (εντελέια), то неопределенно» [1, 136]. Действительное проявление или сама вещь есть, таким образом, существование вещи не в том смысле, в каком мы говорим о сущем в возможности, а в смысле осуществления.

Бибихин в книге «Энергия» задается вопросом о том, что значит иметь дело с самой вещью. Любая вещь требует непосредственного ее видения, вне любых известных точек зрения, методик или методов, техник. Лишь в таком непосредственном видении или, как пишет Бибихин, встречаясь с лицом вещи, пока мы еще не успели ее «обработать», что-то может открыться относительно ее сути (смысла): «Существо феноменологии в доверии к этому первому лицу вещей, к тому, что открывается внезапно» [3, 17]. Данный подход весьма близок пониманию искусства в феноменологии, где искусство есть способ непосредственного контакта с вещью, как способ осуществления «вещи» в ее бытии. Лучше вести себя как хорошие феноменологи, советует Бибихин, т. е. «списывать, считывать с того, что есть здесь и сейчас» [2, 24]. Интерпретация «hyle», представленная Бибихиным в работе «Лес», является особенно значимой в призме феноменологического понимания искусства и «экзистенциального творчества». В центре онтологического «Леса», разумеется, мировое Древо — как один из самых значимых символов в мифологических и религиозных системах разных народов, особенно «когда

лес, мировое дерево повертывается крестом» [2, 98]. Что же до Аристотеля, то, по мысли Бибихина, ὑλή — это то, что всегда еще не оформлено и потому не целостно, в отличие от платоновского эйдоса, но непременно переплетено с эйдосом: «Эйдос оказывается сцеплен с материей <…> это сплошное сплетение эйдоса и материи было в сущности уже и в “Тимее” Платона, где привычное для нас уже место материи занимает хора» [2, 57]. Материя у Аристотеля, в созвучии с платоновским эйдосом, возникает от притяжения цели: «Спасибо Аристотелю: мы замечаем, что и для нас наша материя, лес, возникла тоже в свете цели освоиться в мире» [2, 92]. Практическое освоение в мире, впрочем, таково, что современный человек находится вдали от леса, не подпускает к себе лес близко, тревожась встретиться с неорганизованной материей. В лесу легко заблудиться (лес выводит из метрического пространства). Присутствие среди деревьев, пишет Бибихин, — это вступление в странный опыт, особую лексику, которая не дается описанию. Бибибхин, вероятно, называет Аристотеля феноменологом вовсе не в шутку, но именно потому, что тот вводит в философию понятие леса. И движется он сквозь это понятие, как через то, что всегда воплощено в живом размышлении, иногда искренне не понимая, как же это возможно, чтобы первая материя была одной, а проявленных вещей несметное множество: «Разная материя у Аристотеля действительно есть, но разница создается глубиной нашего вглядывания в нее» [2, 77]. Таким образом, опыт герменевтического истолкования подразумевает того, кто смотрит (вглядывается) и находится под впечатлением.

Феноменология «Леса»: впечатления

Самым удивительным образом тема «Леса» проявилась в искусстве, философии и жизни. Однажды я оказалась на спектакле «Лес» в независимом театре Москвы «Среда 21», что на Старой Басманной, недалеко от флигеля, в котором жил Чаадаев. Это соседство определенно оказало влияние на философичность репертуара. Лес, или, лучше сказать, тема Леса, как некое кодовое слово для посвященных, включает в себя не обязательно трактовку одноименного произведения Бибихина, что тоже, к моей радости, имеет место в интеллектуально-организованной части театральной среды нынешней России, но представляет собой нечто большее. «Лес» в постановке Театра на Басманной — это моноспектакль, в котором переплелись

истории Людвига Витгенштейна, Владимира Бибихина и Бориса Алексеева, талантливого актера, сыгравшего последовательно Витгенштейна, Бибихина и, наконец, самого себя. Он признался, что однажды, а именно в 2023 г., понял, что не может больше имитировать жизнь и начал, как Кьеркегор, задавать себе вопрос: «Кто я?».

Переплетение трех стилей, стратегий и уровней осмысления этого экзистенциального вопроса — эксцентричного Витгенштейна, задумчивого Бибихина и растерянного Алексеева — заставило меня искренне переживать и наслаждаться перевоплощением актера на сцене. Но самое интересное произошло потом, когда спектакль завершился и началось его обсуждение. Да, именно обсуждение, что редко увидишь в театре, поэтому данная часть напомнила наши постоянные диалоги со студентами на философские темы. Тем более что в зале остались люди студенческого возраста. Я, к слову сказать, поблагодарила Бориса Алексеева за то, что он старался не играть, а проживать на сцене, и за то, что, когда он все-таки играл, ему удалось передать интонации голоса Витгенштейна и особенно Бибихина. Я также сказала, что Витгенштейн — это любимый философ Вадима Руднева, с которым мы сегодня как раз виделись на конференции в РГГУ, посвященной кинофеноменологии, и с которым делали общий доклад на тему «Туринской лошади»[9]. Это тоже своего рода Лес, но только другой. Спектакль, конференция и ряд совпадений спровоцировали несколько ассоциаций, вполне уместных. Первая о Гейзенберге, вторая о Юнгере.

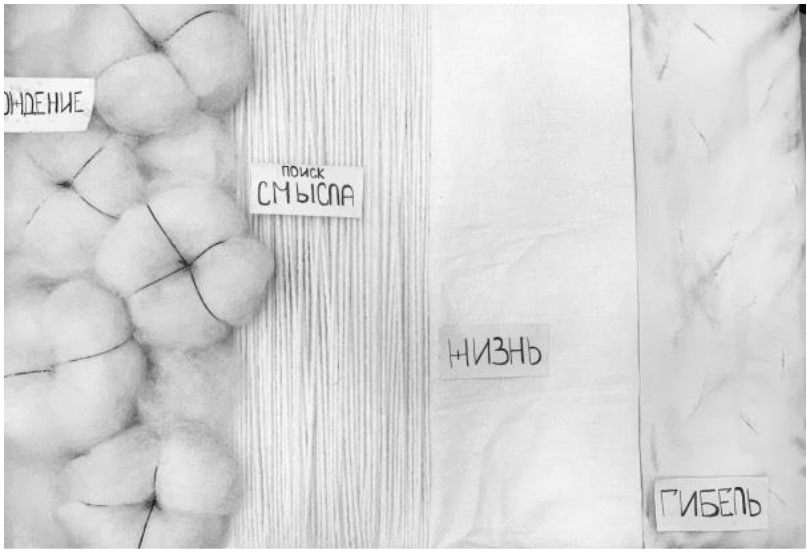
Вернер Гейзенберг, немецкий физик и один из создателей квантовой механики и аллотропных форм водорода, основатель научной школы в Лейпциге и лауреат Нобелевской премии 1933 г., в работе «Физика и философия» (глава «Поведение отдельного человека во время политической катастрофы») описывает свой разговор с Планком в самом начале установления нацистского режима в Германии. Они говорят о том, как продолжать жить в новой реальности. Планк советует Гейзенбергу действовать в одиночку, не оглядываясь на других. «Я могу вам сказать только одно: не стройте иллюзий <…> но, принимая решение, думайте о времени, которое наступит

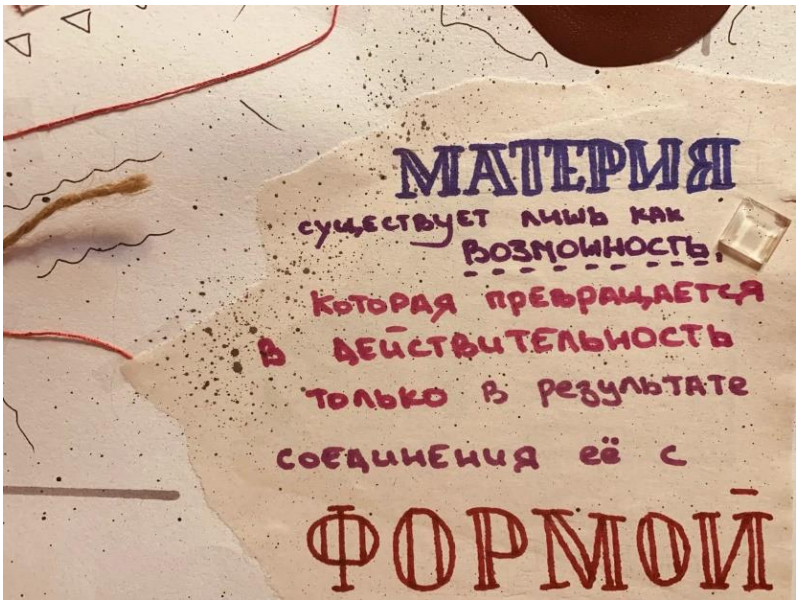
[9] «Туринская лошадь» (2011 г.) — фильм режисеров Б. Тара и А. Храницки, удостоенный Гран-при на Берлинале.

потом» [4, 270]. Все последующие рассуждения Гейзенберга проникнуты этическим вопрошанием, он то и дело вспоминает имя Канта, словно сверяя свой выбор с возможностью компромисса. Гейзенберг остался в Германии и принял участие в разработке немецкого ядерного проекта. Все работы, имеющее отношение к урановой теме, были засекречены. Участники проекта планировали создать ядерное оружие в течение года, а Гейзенберг проводил теоретические исследования в области конструирования ядерного реактора. В 1940 г. начались работы по его сооружению и проект был взят под контроль военных.

Противоположный выбор сделал тоже немец — Эрнест Юнгер. В 1951 г. в эссе «Уход в лес», он описывает события, произошедшие десятилетием раньше. Юнгер, проживший чуть больше ста лет, застал все основные вехи XX-го столетия. Он принимал участие в Первой мировой войне, выступал с критикой нацизма во время Второй мировой войны, был близок к экзистенциальной философии. Главный вопрос, который он ставит перед собой, — как человеку вести себя перед лицом и внутри катастрофы? Катастрофы проверяют, в какой мере человек или народ сохранил свою подлинную основу: «… уходят ли по-прежнему их корни прямо в почву — вот от чего зависит их здоровье и выживание по ту сторону цивилизации <…> это становится заметным в момент самой страшной опасности <…> и тогда он должен сам решить, признает ли он партию проигранной, или же будет продолжать ее своими собственными, глубинными силами» [5, 20]. Выбором Юнгера становится стратегия, обозначенная как «Уход в Лес». «Лес» Юнгера метафоричен и составляет главную тему сказок, легенд, священных текстов и мистерий, служит символическим фундаментом всех философем. О своем восприятии «Леса» он пишет в духе Аристотеля: «Человека вопрошают о его высших ценностях, о его представлениях о мировом Едином и о том, как его собственное существование соотносится с этим» [5, 81]. Юнгер пишет, что можно продолжать жить, опираясь лишь на три силы: искусство, философию и теологию.

Итак, представленные размышления косвенно легли в основу идеи проекта «Hyle», обусловили, так сказать, теоретическую основу художественного творчества. Ниже представляем несколько работ участников проекта, подготовленных к выставке.

ЗНДЕНИЕ
ПОИСК
СМЫСЛА
ЖИЗНЬ
ГИБЕЛЬ

МАТЕРИЯ
СУЩЕСТВУЕТ ЛИШЬ КАК
ВОЗМОЖНОСТЬ,
КОТОРАЯ ПРЕВРАЩАЕТСЯ
В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
ТОЛЬКО В РЕЗУЛЬТАТЕ
СОЕДИНЕНИЯ ЕЁ С
ФОРМОЙ

nature
ПРИРОД
НУЛЕ
FOREVER
ART
МИЛОСТИ ОТ ПРИРОДЫ

Литература

1. *Аристотель.* Метафизика / Пер. с греч. П.Д. Первова и В.В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2006. 230 с.
2. *Бибихин В.В.* Лес. СПб.: Наука, 2011. 425 с.
3. *Бибихин В.В.* Энергия. М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2010. 488 с.
4. *Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1989. 400 с.
5. *Юнгер Э.* Уход в лес. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. 144 с.

References

1. *Aristotel'.* Metafizika / Per. s grech. P.D. Pervova i V.V. Rozanova. M.: Institut filosofii, teologii i istorii Sv. Fomy, 2006. 230 c.
2. *Bibihin V.V.* Les. SPb.: Nauka, 2011. 425 s.
3. *Bibihin V.V.* Energiya. M.: Institut filosofii, teologii i istorii Sv. Fomy, 2010. 488 s.
4. *Gejzenberg V.* Fizika i filosofiya. CHast' i celoe. M.: Nauka, 1989. 400 s.
5. *YUnger E.* Uhod v les. M.: Ad Marginem Press, 2024. 144 s.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Восьмидесятилетие Н.Б. Шулевского

Если случайностей, как иногда утверждается, не бывает, то есть случаи, которые все-таки бывают… не случайными.

Ее Величество судьба не подвела *Николая Борисовича Шулевского,* д.ф.н., профессора, мгушного философа, историка философии, долгое время преподававшего философию экономистам, а потому посвященного и в экономические премудрости. Так вот эта самая судьба (не злодейка) нацелила, если не натолкнула, Николая Борисовича на уже возникшую и развивающуюся в МГУ (на экономическом факультете) своеобразную, уже и постбулгаковскую (хотя уже и не без влияния С.Н. Булгакова) версию *философии хозяйства* (аккурат нашу версию), которая по случаю или нет задела Николая Борисовича, да так, что он, поразмыслив, не просто примкнул к ней, а, разобравшись, что к чему, погрузился в нее с головой и в итоге сам стал… *философом хозяйства*!

Доказывать тут нечего: многое им написанное по сему поводу говорит само за себя.

Но судьба в сем разе улыбнулась и мне — автору постбулгаковской версии философии хозяйства, ибо у меня вдруг появился мало что созерцательный ценитель философии хозяйства, но и, что самое главное, истинный со-*мыслитель*, да такой, что не только понял меня, как и концептуально-ментально поддержал, а и творчески включился в развитие философии хозяйства, обогатив ее *новофилософским*, вполне уже и *софийным*, содержанием.

Что остается?

Благодарить судьбу-добродейку, выражая ей искреннюю признательность за явление в самом центре ментального очага современной философии хозяйства выдающегося мыслителя — Николая Борисовича Шулевского!

Слава!

Ю.М. Осипов

Кончина Ю.В. Яковца

Ушел из жизни в 97 лет уникальный человек — *Юрий Владимирович Яковец,* д.э.н., профессор, а главное, эрудит, энтузиаст, работник, многолетний член нашего гуманитарного и философско-хозяйственного сообщества, мало того, наш большой друг.

Ученые интересы Юрия Владимировича были разнообразными, нестандартный вклад в науку, в гуманитарную мысль неоспорим.

Велика заслуга Юрия Владимировича в одобрении наших философско-экономических и философско-хозяйственных исканий и взглядов, как и в ободрении нас, его младших партнеров.

А его многолетнее институциализированное обращение к творчеству великого Н.Д. Кондратьева вылилось в многогранное продолжение кондратьевской мысли, изучение и фиксацию современной долгосрочной цикличности в хозяйстве-экономике при возросшей неопределенности и турбулентности в динамике и цикличности мирового хозяйства-экономики.

Ю.В. Яковец — истинный феномен, который отличился не одним возрастным долголетием, а долголетием интенсивной и плодотворной работы.

Светлая память замечательному, умному, благородному и доброму человеку, выдающемуся ученому, нашему другу — Юрию Владимировичу Яковцу!

* * *

9 сентября 2026 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в смешанном формате состоялся Международный научный симпозиум «Философ хозяйства. К 85-летию Ю.М. Осипова», на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов, А.И. Агеев, М.Л. Альпидовская, А.Л. Андреев, Л.А. Асланов, А.А. Аузан, И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), М.М. Гузев (Волжский),

С.Г. Ковалев (СПб.), А.И. Колганов, А.В. Кузнецов, М.В. Кулаков, П.С. Лемещенко (Минск, Белоруссия), К.В. Молчанов, А.В. Мочалов (Киль, Германия), В.И. Мунтиян, Г.Р. Наумова, Р.М. Нижегородцев, В.П. Океанский (Шуя), А.А. Пороховский, И.В. Пшеницын, Л.И. Ростовцева (Тула), О.Е. Рязанова, А.И. Субетто (СПб.), Л.А. Тутов, М.Р. Фомина-Элоян (Ростов н/Д); кандидаты наук А.А. Акинин (СПб.), А.В. Андреева, О.В. Доброчеев, П.П. Жуликов, Н.И. Злыгостева (Киров), В.В. Кашицын (Новороссийск), А.Н. Клепач, Е.Г. Пономаренко (Краснодар), Е.А. Починкова (Новороссийск), А.Ю. Протасов (СПб.), С.Ю. Румянцева (СПб.), И.Г. Телешова, В.А. Ушанков (СПб.); президент Фонда экономических исследований М.Л. Хазин.

В заседании приняли участие доктора наук А.П. Бабаев (Баку, Азербайджан), Л.Н. Дробышевская (Краснодар), Н.П. Иващенко, С.В.Киселев, Ю.А. Кропин, Д.В. Кузин, Т.В. Кузнецова, М.И. Лугачев, А.А. Мальцев, М.Ю. Павлов, П.В. Павлов (Ростов н/Д), Д.Н. Платонов, Д.Л. Родзинский, С.С. Слепаков, В.В. Смагина (Тамбов), Н.И. Усик (СПб.), И.Ю. Фомичев (Тюмень), Л.Г. Чередниченко, Г.С. Широкалова (Н. Новгород), Я.С. Ядгаров, Н.Г. Яковлева; кандидаты наук Т.Б. Бердникова (Белгород), Г.И. Брялина, В.Е. Гаврилова, М.Н. Глазунов, С.А. Дунаев, С.А. Ермишина, Е.С. Зотова, С.В. Кайманаков, А.Н. Клепач, И.Б. Котлобовский, И.В. Кузнецова, Л.В. Кулик, А.А. Курдин, Э. Мартин (Лондон, Великобритания), С.С. Мерзляков, Н.П. Недзвецкая, Я.И. Нисанов, С.В. Павлова, О.Н. Рыбковская, Д.П. Соколов, Р.Е. Соколов, И.П. Смирнов, В.И. Стасевич, Г.В. Фадейчева, Е.Х. Хабибуллина, В.В. Чапля (Краснодар); заместитель заведующего кафедрой управления рисками и страхования по учебной работе В.Г. Варшамова, научный сотрудник Т.С. Сухина, заместитель декана по развитию экономического факультета С.А. Трухачев, начальник департамента аппарата полномочного представителя Президента РФ в ЦФО С.П. Шевчуков, независимый исследователь А.Н. Дронь, президент ООО «Белый кот» Т.В. Воеводина.

* * *

15 октября 2026 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в смешанном формате состоялся Всероссийский научный симпозиум «Мировая экономика как управляемое из глобального финансового центра казино», на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов, И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), М.М. Гузев (Волжский), С.Г. Ковалев (СПб.), К.В. Молчанов, Г.Р. Наумова, В.П. Океанский (Шуя), И.В. Пшеницын, И.Г. Шевченко; кандидаты наук А.В. Андреева, О.В. Андреева (Симферополь), В.Е. Гаврилова, О.В. Доброчеев, П.П. Жуликов, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), В.А. Меланин, Н.П. Недзвецкая, Е.А. Починкова (Новороссийск), И.П. Смирнов, В.В. Чапля (Краснодар); научный сотрудник Т.С. Сухина, аспирант К.Ч. Цзу.

Т.С. СУХИНА

Мировая экономика как управляемое из глобального финансового центра казино (Орленковские чтения — 2026)*

Аннотация. Представлен обзор научной дискуссии на Всероссийском научном симпозиуме на тему «Мировая экономика как управляемое из глобального финансового центра казино» (Орленковские чтения — 2026), состоявшемся на экономическом факультете МГУ 15 октября 2026 г. в смешанном формате по инициативе лаборатории философии хозяйства и научного совета «Центр общественных наук МГУ».

Ключевые слова: мировая экономика, финансомика, постэкономика, казино, хозяйство, мировой финансовый центр, цивилизация, капитал.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сухина Т.С. Мировая экономика как управляемое из глобального финансового центра казино (Орленковские чтения — 2026) // Философия хозяйства. 2026. № 5. С. 282—293. DOI: 10.5281/zenodo.23561103.

Abstract. The review presents an overview of the scientific discussion at the All-Russian Scientific Symposium on the topic «The Global Economy as a Casino Managed from a Global Financial Center» (Orlyonok Readings — 2026), held at the Faculty of Economics of Moscow State University on October 15, 2026, in a mixed format, on the initiative of the Laboratory of Philosophy of Economy and the Scientific Council «Center of Social Sciences of MSU».

Keywords: global economy, financemy, post-economy, casino, economic system, global financial center, civilization, capital.

УДК 330
ББК 65в

Всероссийский научный симпозиум на тему «Мировая экономика как управляемое из глобального финансового центра казино» в рамках «Орленковских чтений — 2026» состоялся 15 октября 2026 г. на экономическом факультете МГУ в смешанном формате под руководством заведующего лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председателя научного совета «Центр общественных наук МГУ», д.э.н., профессора Ю.М. Осипова.

Открывая заседание и поприветствовав участников симпозиума, д.э.н., проф. **Ю.М. Осипов** во вступительном слове заметил: «Обращаю внимание участников симпозиума на мою последнюю книгу с, на первый взгляд, невозможно претенциозным названием “Потрясающая книга” (М.—Тамбов, 2026), в которой дано мое понимание современной уже эпохи Постмодерна (с середины XX в.), экономики как *финансомики* (времени конца экономики Модерна и прелюда к подспующей технонейроцифровой *постэкономике* или, по моему определению еще с 1997 г., — к *техномике*).

Не распространяясь в объяснениях, замечу, что финансомику я трактую как время господства виртуализированных (призраков их) финансов, то бишь работающих по всему миру произвольных в количестве и оценке квазиденег с такого же рода призраковыми ценами, с двумя при этом функциональными составляющими: *финансовым абсолютизмом*, аккурат исходящим из глобального заокеанского (от “Воды”, согласно геополитике) центра и распространенным

по миру (как раз более всего по “Суше”), так или иначе подконтрольным сему центру *финансовым феодализмом*, отчего хоть капиталы, банки, инвестиции, кредиты, доходы от все еще де экономической деятельности имеют место, но играют уже подчиненную финабсолютизму и финфеодализму роль, обеспечивая этим монстрам *финансовую ренту*, как и подтверждая само господство на хозяйственно-экономическом поле *глобальной финсистемы*.

В продолжение вступительного слова я хочу обратить внимание на уже явное и всепоглощающее присутствие в хозяйственно-экономической жизни перманентного (возрастающего или убывающего, то бишь не без патологии как бы дышащего) *хаоса* с присущим ему в реальной воспроизводственной (хозяйственной, экономической, финансовой) практике не стабильно более или менее упорядоченного, пусть и периодически самонарушающегося, впадая в кризисы, порядка, а динамичного, блуждающего, прерывного, волнительного, скачущего квазипорядка — *хаосмоса*, исходящего прямо оттуда — из творящего его хаоса, в него непременно возвращающегося и вновь из него возникающего в обновленных обличье и конфигурации.

Хаос, о котором речь, не следует понимать как тот же броуновский хаос, а хаосмос — как отсутствие всякой упорядоченности. Тут иное, не так физическое, как метафизическое, что непросто объяснить, но что можно при желании и, возможно, откровении понять и принять, к чему я, собственно, и призываю: как делаю это здесь и сейчас, так и в моей вышеупомянутой книге.

Наконец, о феномене *казино*. Да, это так: многое в нынешней финансомике восходит к казино: игра, тайна, неопределенность, вероятностность, мошенничество, в конце концов, но главное, пожалуй, здесь в том, что сия большая игра хоть и снабжена напогляд коекакими правилами, но в тени-то она ведется без всяких на то правил, отчего это не что иное, как некое суперказино, а в целом-то прикрытые казиновской игрой… э-э… всех и вся *эксплуатация* и *грабеж*!

Вот такая выходит у нас финансомическая архитектура.

Нам есть, над чем совместно думать и что сообща обсуждать!».

Д.э.н., профессор **И.В. Пшеницын** (г. Москва) в своем выступлении «Капитал как господствующая сила в мировой экономике» выразил согласие «с уточнением Юрия Михайловича, что речь

идет скорее о глобальной финансомике, а не о мировой экономике вообще. Важно понимать, что никакого единого управленческого центра у мирового хозяйства не может быть. Открытие С.Н. Булгаковым и Ю.М. Осиповым хозяйства как жизнедеятельности показывает иную, не экономическую, а чисто хозяйственную полярность. Таким образом, мировое хозяйство биполярно и не управляется из финасового центра».

В выступлении на тему «В казино мирового управления — ставка на zero, а в РФ — на…?» д.э.н., профессор **С.Г. Ковалев** (Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург) остановился на двух моментах: 1) провел аналогию между игорным казино и казино мирового управления, эпохой начала XX в. и эпохой начала XXI в.; 2) рассуждая о казино заметил, что casino — итальянское слово, его изначальный смысл — домик, а если экстраполировать на современность, напрашивается ассоциация — домик, ставший мировым домом. «В мировой игорной системе стационарных казино есть три центра силы: Китай (Макао), США (Лас-Вегас), Сингапур. Четвертый центр силы — Европа, Британия (виртуальные онлайн-казино). Отметим, что Британия в названной системе центров управляет не напрямую, а через косвенный контроль. Казино — это и игроки, и правила игры, и процесс игры, и результат игры, и гарантия “честности” игры, и, конечно, сам держатель казино. Если есть объект, то должны быть и субъект, и цель. Казино — это игра не только на настоящее, но и на возможное будущее, его планетарный вектор. Выделим в этой мировой игре три среза. 1. Игра управляющего (не односубъектен) — либо в русле догматики Юма, Канта, Смита — жизнь игра, а дирижер — невидимая рука, либо в русле догматики Шопенгауэра — жизнь как игра воль, но не воль отдельных индивидуумов, а организованных сверхволь закрытых сообществ. 2. Игра допущенных к мировому регулируемому столу пассивных рыночных игроков: стран, компаний, делающих свои ставки — отдать меньше, а получить больше, но не заказывающих саму игру. 3. Игра отдельной страны, например РФ, на будущее выживание: либо быть, либо не быть в мире. Один из векторов пучка мировой игры — игра на обнуление темпов развития большинства стран, в русле воплощения парадигмы устойчивого планетарного

развития ООН, парадигмы технореволюции 4.0 Шваба, а в отношении РФ у Запада, ЕС еще более жесткая риторика, переходящая в политику, — нанесение ей стратегического поражения. Последнее можно понимать по-разному — и как изменение баланса сил, способности влиять на мировые процессы, потерю союзников, военного потенциала, доступа к ресурсам, технологиям для долгосрочного развития, изоляцию, а в крайней форме — как обнуление страны: дестабилизация внутреннего устройства, расчленение, прекращение суверенной государственности.

Что делать в такой игре РФ, какие сценарии для нее возможны, но неприемлемы, какие допустимы и есть ли вообще более или менее оптимальные? Какова должна быть стратегия ее развития? Для РФ — теоретический веер альтернатив: а) опрокинуть стол; б) не садиться за стол (выйти из-за стола); в) играть за тем же столом по тем же правилам; г) играть по своим правилам (откорректировать правила под себя); д) сменить игровой стол; ж) создать собственный игровой стол. Но это гипотетически, а реально игра идет давно, а для РФ — с 1991 г. (вошла она в нее добровольно или нет — это отдельный вопрос). Реально говорить можно лишь об окне возможностей и конкретных сценариях их реализации. Практика — это всегда компромисс, побеждает наиболее прагматичный для сложившихся условий вариант, оптимальный для сложившейся внутренней и внешней ситуации. Но во всех случаях, для РФ в большей или меньшей степени, это мобилизационное развитие. А для перехода к нему нужно высококачественное население, мотивированное на дополнительные усилия. Более жизненный вариант — это стабилизация с элементами минимального прорыва в критические технологии».

В выступлении «Экономика России как русская рулетка: кто бенефициар?» д.э.н., профессор **М.М. Гузев** (Волжский филиал Волгоградского государственного университета) подчеркнул: «В мире хаос: в экономике, политике, в межчеловеческих отношениях. Мир готовится к большой войне. Россия, естественно, не может остаться в стороне, наоборот, как всегда, в эпицентре “урагана”. Борьба за ресурсы приобретает сегодня и в будущем особенно острый и конфликтный характер. Мы видим, как экономика и политика тесно взаимосвязаны: одно определяет другое. За всем этим что-то и кто-то

стоит. Это те, кто получит наибольшую выгоду от глобального конфликта, — так они думают. В России реальная экономика все больше расходится с декларируемой. Это порождает эффект русской рулетки, когда все больше неизвестности. И главное, неизвестно, можно только предполагать, кто главный бенефициар. Полагаю, в этом хаосе, его усилении, бенефициаров не будет. Но это пока плохо понимается».

В выступлении «Казино как глобоультрамонопольная методологема соискания и удержания мирохозяйственного господства» к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск), отметив актуальность обсуждаемой проблемы, обозначил три взаимосвязанных момента. «Во-первых, что такое казино и как этот механизм корреспондирует с логикой развития капитализма вообще и современного в частности. На первый взгляд, казино вполне выглядит как механизм конкурентного, хаотичного набора случайностей, по принципу: пан или пропал! Однако обращает на себя внимание, что, как правило, закономерно и неизбывно выигрывают две группы контрагентов. Это, прежде всего, владельцы — управляющие казино, очень даже хрестоматийно реализующие и отражающие процесс концентрации и реализации капитала, причем в самой что ни на есть классической монопольной форме (производитель-продавец товара и организатор рынка). Ну и, конечно же, “клиент” — субъект, имеющий неограниченный доступ к капиталу (покупатель-потребитель услуги), аутентичный монополист, в этом смысле придерживающийся двух взаимосвязанных алгоритмов: а) каждая последующая ставка должна быть в два раза выше предыдущей и б) первый выигрыш должен являться последним! То есть отношение монополии имеет место и с той, и с другой стороны (монопсония) и предполагает неограниченную консолидацию капитала. В чем, собственно, и раскрывается природа гиперультрамонополии.

Во-вторых, вся логика капитализма, взвешенная в течение последних 150 лет в своей фазовой эволюции (концентрация, централизация капитала, реализующаяся в формах конкуренции, монополии, гиперультраглобомонополии) выступает здесь как вполне закономерная и прогнозируемая. То есть необузданная и тотальная монополия, отражающая процесс самовозрастания стоимости (капитал), —

весь этот период как был, есть, так и будет далее основным экономическим отношением и законом капитализма (и не более, равно как и не менее того). Отсюда, собственно, и проистекают те неистовство, беспринципность и свирепость в соискании и удержании господства в современном мировом хозяйстве, которые мы наблюдаем в период нынешней трансформации, когда старые привычные формы, алгоритмы их обеспечения не в полной мере эффективно работают, а новые еще не найдены.

В-третьих, имея в виду циклический, волнообразный характер эволюции капитализма, нельзя не отметить, что в свое время давно забытая теория превращенных форм (сущность формы проявления), наиболее рельефно изложенная в “Капитале”, достаточно адекватно работает в процессе эволюции системы. В периоды же трансформаций, сжатых в пространстве и времени, работает трансгрессия, когда сущность и формы проявления либо взаимно полярны, либо полностью совпадают (когда сущность выныривает на поверхность явлений), как это происходит в наше время. Отсюда и гротеск: “Не дай вам Бог жить в эпоху перемен”. Люди, хорошо знакомые с хитросплетениями и противоречиями эволюции экономической науки и, разумеется, с ее преподаванием, хорошо знают, что “любимая” методологема мейнстрима — это не столько деление экономических процессов на микро- и макроблоки и т. д., сколько отождествление в рамках последних категорий, законов, отношений и используемых форм, что в эволюции, как минимум, не является корректным, а на переломе в трансгрессии очень даже актуально. Этим и объясняется, на наш взгляд, привлекательность образа казино».

В выступлении на тему «Экономика казино и кладбищенское хозяйство: кто кого? (опыт элегической герменевтики)» д.филол.н., профессор **В.П. Океанский** (Ивановский государственный университет, Шуйский филиал) обратил внимание, что «потенциально контролируемой в планетарном масштабе геймификации человеческого мира с его ставшими привычными “большими военными играми” противостоит его культурная музеефикация с интеллектуальным воскрешением “сакральных инициатических традиций”. В парадигмальной основе первого — рекомендации Ницше для “будущих господ земли”, в траекториях второго — диагностика Генона, свидетель-

ствующая о близящемся судебном завершении глобального макроисторического цикла в преддверии “другого человечества”. Безбожное сращение этих моделей переносит казино на кладбище в тщетной попытке отмены серьезности эсхатологического финализма. В этом же ряду иммортологические интенции трансгуманизма в его пародийном замещении метафизически понятой Вечности. На самом же деле настоящее кладбищенское хозяйство существенно простирается за пределы оборотистой человеческой распорядительности — в сферу Потустороннего. Именно из этой потаенной области черпает свои мистические вдохновения культура, в то время как технотронная цивилизация развернулась к нему спиной, запуская экономику казино. Открытие неподконтрольности тайны способно к полному демонтажу последнего. Перед homo ludens, обнаруживающим высокую вероятность проигрыша, скорее всего завершающегося полным экзистенциальном провалом, открываются двери в трансцендентное Иное. Здесь — высокий смысл сохранения и воспевания некрополей как самых надежных фундаментов человеческого мира, довольно зыбкого самого по себе. К этой вечной теме исходно прислонились платоническая философия и элегическая поэзия. В России Нового времени — от Жуковского, Пушкина и Тургенева до отцов Павла Флоренского и Сергия Булгакова — накоплен существенный символический капитал, способный полностью перевернуть приоритеты страждущего человечества, обманутого медленно вымирающими “господами земли”».

В выступлении «Мировая экономика — взгляд со стороны» к.э.н., доцент **Е.А. Починкова** (Кубанский государственный университет, Новороссийский филиал) отметила, что хозяйство — это локальное явление. Мировая экономика по своей сути выражается в мировой торговле и международном движении капитала. В этой части она близка к казино. В казино не создается стоимость, а лишь происходит перераспределение уже имеющейся стоимости между участниками с обязательным выделением доли в пользу казино. В мировой торговле это делается через механизм мировых цен и политики валютных курсов. В дополнение существует вмененная обязанность участия государств в системе международных кредитных отношений. Как и в казино, участники в международную торговлю приходят добровольно и так стремятся в нее, что готовы нести бремя долговой

повинности и изъятия части доходов в пользу мирового финансового центра. Требуются понимание и воля, чтобы прекратить ходить в казино».

К.т.н., доцент **П.П. Жуликов** (Московский финансово-промышленный университет «Синергия») в своем выступлении «Будущее мирового человеческого хозяйства: современные гипотезы и авторский подход к его развитию» рассмотрел «будущее мирового человеческого хозяйства (МЧХ) в условиях разрушения неустойчивого однополярного мира и его перехода в опасное многополярное противоборство. Цифровизация и искусственный интеллект ускоряют трансформацию хозяйства, усиливая как возможности развития, так и риски глобальной фрагментации. МЧХ определяется как единая фрактальная, бинарная, организменная и саморазвивающаяся сущность, сохранение которой требует новой архитектуры. В качестве альтернативы предлагается бинар двух автономных и равноправных полюсов: капитало-технологического, ориентированного на расширенное воспроизводство капитала, и социально-хозяйственного, ориентированного на расширенное воспроизводство общества. Их комплементарное взаимодействие обеспечивает доменная зона как институциональный механизм наблюдения за балансом системы. Доменная зона не является решателем и рассматривается как инструмент оповещения правящих элит двух векторов, хозяйственного просвещения, коммуникации и международного диалога».

Д.э.н., профессор **И.Г. Шевченко** (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет) в выступлении на тему «Управляемый хаос: иллюзии и реальность» подчеркнул, что «в казино стремятся создать иллюзию остановки времени, чтобы больше заработать на игроках. Иллюзии по дезориентации современного мира помогают владельцу мирового казино — США — сконцентрировать максимально возможную долю ресурсов перед надвигающимся плановым сокращением населения планеты посредством военного конфликта».

А.В. Андреева, к.э.н., доцент (Центр обучения технологиям повышения эффективности бизнеса, Корпоративный университет РЖД), в выступлении на тему «ИИ-капитал: современные технологические монополии как новые крупье мировой экономики» рассмот-

рела ИИ-капитал «как новую форму концентрированной власти, которая держится не на биржевых котировках, а на трех монополиях: контроле над данными, вычислительными ресурсами и проприетарными алгоритмами». Как отметила докладчик, «эта власть сегодня переписывает правила игры на глобальных рынках, превращая, по сути, коммерческие товары в критическую инфраструктуру, без которой невозможно обеспечение государственного суверенитета, национальной безопасности и технологического лидерства. Также можно (и важно) говорить о сформировавшихся национальных моделях развития ИИ: корпоративно-капиталистической модели прорыва США, государственно-индустриальной модели масштаба Китая, суверенно-адаптивной модели России и модели стран Азии и Африки».

К.э.н., доцент **В.А. Меланин** (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет) в выступлении на тему «Негэнтропия и ВПК» отметил, что «в условиях нарастающего хаоса мировой экономики мощным источником негэнтропии российского национального хозяйства является ВПК, который позволит стране вовремя встать из-за стола мирового казино, деловито выворачивающего карманы участников».

К.э.н. **Н.П. Недзвецкая** (экономический факультет МГУ) в выступлении на тему «Современная субординация мирового пространства в условиях цифровизации» обратила внимание участников симпозиума на обострение научно-технического соперничества ведущих держав. Для сохранения научно-технического потенциала нашей страны, с точки зрения выступающей, «в первую очередь требуется качественный прорыв в области НИОКР, который должен способствовать усилению роботизации и автоматизации промышленности, внедрению технологий ИИ, дальнейшему развитию биотехнологии».

В выступлении «Мировая теневая экономика — корпорация неправды» к.э.н. **В.В. Чапля (**НИИ анализа хозяйственных альтернатив, г. Краснодар) подчеркнул, что «теневая экономика, рассматриваемая как хозяйственная альтернатива легальной формы национальных экономик, в современных условиях вышла на наднациональный уровень. Хозяйственный регламент глобальных корпораций реализуется через несовпадение фиктивных и реальных целей. Хозяйственная жизнь, в основе которой ложь, мертва».

К.т.н. **О.В. Доброчеев** (НИЦ «Курчатовский институт») в своем выступлении на тему «Глобальная экономика — в отличие от мировой — развивается по правилам русской национальной игры в хаос» отметил: «То, что многие процессы в глобальной экономике протекают в форме управляемого хаоса, знают все. И даже в качестве примера приводят войну США с Ираном, позволившую американцам заработать большие деньги. Хотя физические закономерности этого хаоса, опубликованные нами в журнале «Философия хозяйства» № 6 2009 г. в виде “правил русской национальной игры в хаос”, известны немногим. Складываться они начали в русской школе социально-политической турбулентности, начиная с гидродинамической аналогии 1962 г. А.Н. Колмогорова. В 1990-х были продолжены трудами Ю.М. Батурина и мною по вихревой логике глобализации. А с 1996 г., по нашему мнению — в концепции многополярности или, точнее по Ю.М. Осипову, полицентричности начали последовательно продвигаться в мировую политическую жизнь Е.М. Примаковым и В.В. Путиным».

В выступлении «Деньги и инвестиции как инструмент дофаминовой петли в условиях глобальной цифровизации» к.э.н., доцент **В.Е. Гаврилова** (экономический факультет МГУ) проанализировала «тенденции и явления, которые в концепции “деньги XXI в. как казино” раскрывают смысл трансформации глобальной финансовой системы, в которой капиталовложения и сбережения проиграли спекуляциям и высокоскоростным финансовым операциям. Функционирование финансовых рынков больше не связано с задачей создания реальных ценностей, а обслуживает и поощряет технологии угадывания движения цен с целью максимально быстрых заработков, что аналогично гемблингу — рекламе азартных онлайн развлечений с высоким риском, где рекламодателями являются владельцы брендов. При этом в основе эволюции финансового, и конкретно инвестиционного, поведения (особенно для людей с низким достатком) лежит так называемая “дофаминовая петля” как замкнутый цикл самостимуляции мозга за счет простых действий с целью предвкушения награды, а не ее получения. В условиях цифровизации в результате простоты и доступности всех инструментов финансового рынка прямо с экрана смартфона деньги превратились из эквивалента труда в фишки глобального цифрового казино».

К.э.н., доцент **О.В. Андреева** (Крымская железная дорога, г. Симферополь) в выступлении «Финансовая устойчивость предприятий: вероятная невероятность» обратила внимание на то, что «в современных условиях хозяйствования, отличающихся многослойной модерируемой неопределенностью, реальный сектор экономики испытывает дополнительную потребность в ресурсах для целей повышения своей устойчивости (жизнеспособности, резильентности, витальности и т. п.). Новые вызовы требуют новых, нетиповых решений и организационных процессов, направленных на повышение устойчивости функционирования ключевых отраслей. Однако финансовое моделирование исходов мероприятий по повышению устойчивости зачастую приводит к получению метрик, не соответствующих критериям эффективности с позиций финансового менеджмента. Данные метрики закреплены в нормативно-методических документах и являются обязательными к исполнению (чаще всего — в качестве входного условия для получения финансирования). В этих условиях предприятия и организации реального сектора сталкиваются с существенным противоречием: жизненно необходимое повышение устойчивости функционирования получает низкие оценки эффективности, при этом отказ от этих мероприятий ставит под угрозу само существование хозяйствующих субъектов. Эти обстоятельства приводят к еще большему отдалению надстройки в виде экономики и финансов от реальных хозяйственных процессов, что формирует новые слои неопределенности, но уже во внутренней среде». По мнению О.В. Андреевой, «проблеморазрешающим решением представляется применение элементов методологии философии хозяйства вместо типовых методологем, предлагаемых прикладными отраслями экономической науки».

В заключение симпозиума **Ю.М. Осипов** поблагодарил всех участников и отметил, что «состоялось необыкновенное, если не в полном смысле слова потрясающее, дискуссионное событие — что по внушительному числу заинтересованных участников, что по сонму блестяще выступивших (и “аудиторцев”, и “онлайновцев”) — в тему, импровизационно, четко, глубоко, интересно!

Мне остается только поздравить всех нас с этим совершенно незаурядным событием и выразить всем его участникам, в особенности ораторам, искреннюю, если не восторженную признательность!

Так держать!».

АНОНСЫ — 2026

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

на тему:

«Планетарный мир на трансгрессивном переломе»

Пленарное заседание

Секции

1. Хозяйство и экономика на пути глобально-кризисных перемен.
2. Homo sapiens contra at pro homo sapiens (ИИ — Казус).
3. История конца Истории (*хомо-бытие под неотступным натиском экзистент-хозяйственного эсхато-прогресса*).

Пленарная дискуссия

От глобального диктата финансократии к глобальной диктатуре тех-нонейроцифрократизма или…?

2—4 декабря 2026 г.

(МГУ, экономический факультет)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,
доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия *(osipov.msu@mail.ru)*.

КОВАЛЕВ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,
доктор экономических наук, профессор, Северо-Западный институт управления, РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия (*nkovaleva379@gmail.com*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,
доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru)*.

ЧЕКМАРЕВ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
доктор экономических наук, профессор, руководитель, Костромское региональное отделение Петровской академии наук и искусств при Администрации Костромской области, Кострома, Россия (*tcheckmar@ksu.edu.ru*).

ГУБИН ГЕОРГИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,
аспирант, Научно-образовательный центр воздушно-космической обороны «Алмаз — Антей», Москва, Россия (*georggod91@ mail.ru*).

СТОЖКО ДМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ,
кандидат философских наук, доцент, кафедра креативного управления и гуманитарных наук, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия (*d.k.stozhko@mail.ru*).

СТОЖКО КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор, кафедра креативного управления и гуманитарных наук, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия (*kostskp@mail.ru*).

КОЗЛОВСКИЙ АЛЕКСЕЙ ЮРОСЛАВОВИЧ,
старший преподаватель, кафедра международных отношений и внешней политики, исторический факультет, Донецк, Россия (*al.yu.kozlovskiy@mail.ru*).

УШАКОВ ДЕНИС СЕРГЕЕВИЧ,
доктор экономических наук, профессор, кафедра мировой экономики и международных отношений, Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия (*fintaliano@yandex.ru*).

ХАЗИН МИХАИЛ ЛЕОНИДОВИЧ,
президент, Фонд экономических исследований М. Хазина; действительный государственный советник РФ (в отставке), Москва, Россия (*khazin@yandex.ru*).

КОМАРОВ ДМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ,
кандидат экономических наук, индивидуальный предприниматель, Москва, Россия (*tsyrt3@rambler.ru*).

ЛЕМЕЩЕНКО ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ,
доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международной политической экономии, экономический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Белоруссия (*liamp@bsu.by*).

НИН ЦЗИН,
аспирант, экономический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Белоруссия (*nj375292715047@gmail.com*).

НЕДЗВЕЦКАЯ НАТАЛИЯ ПАВЛОВНА,
кандидат экономических наук, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*n.nedzvetskaya@gmail.com*).

АБДУЛКЕРИМОВ ФАРИД КУРБАНИСМАИЛОВИЧ,
аспирант, кафедра инженерной экономики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия (*farid_05_1310@mail.ru*).

АТАЯН ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ,
кандидат философских наук, доцент, кафедра психологии образования и организационной психологии, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия (*vvatayan@mail.ru*).

МАКАРЕНЯ ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА,
доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой инженерной экономики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия (*mta-76@inbox.ru*).

МУРЗАНОВА ЛЯЙСАН АЗАТОВНА,
кандидат философских наук, преподаватель, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия (*liaisan.murzanova@gmail.com*).

КАНДАУРОВ МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ,
студент 2-го курса бакалавриата, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова Москва, Россия (*kandaurovma@my.msu.ru*).

ЭРДМАН ГЕНРИХ ВИКТОРОВИЧ,
студент магистратуры, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*erdman168@gmail.com*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,
доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*mailconst@gmail.com*).

КОРОСТЕЛЕВА ЛИЛИЯ ИВАНОВНА,
доктор философских наук, профессор, кафедра философии и культурологии, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия (*lila31@yandex.ru*).

СЕКЕРИН АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ,
кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник, Институт земной коры Сибирского отделения РАН, Иркутск, Россия (*sek50@mail.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,
научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tssmsu@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,
Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia *(osipov.msu@mail.ru).*

KOVALEV SERGEY GEORGIEVICH,
Doctor of Economics, Professor, North-Western Institute of Management, RANHiGS under the President of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia (*nkovaleva379@gmail.com*).

SHULEVSKY NIKOLAY BORISOVICH,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shylevsk@mail.ru*).

CHEKMAREV VASILY VLADIMIROVICH,
Doctor of Economics, Professor, Head Kostroma Regional Branch of the Petrovsky Academy of Sciences and Artsof the Kostroma Region prand Administration, Kostroma, Russia (*tcheckmar@ksu.edu.ru*).

GUBIN GEORGY ALEKSEEVICH,
Postgraduate Student, «Almaz—Antey» Scientific and Educational Center for Aerospace Defense, Moscow, Russia (*georggod91@mail.ru*).

STOZHKO DMITRY KONSTANTINOVICH,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Creative Management and Humanities, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia (*d.k.stozhko@mail.ru*).

STOZHKO KONSTANTIN PETROVICH,
Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Creative Management and Humanities, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia (*kostskp@mail.ru*).

KOZLOVSKY ALEXEY YUROSLAVOVICH,
Senior Lecturer, Department of International Relations and Foreign Policy, Faculty of History, Donetsk, Russia (*al.yu.kozlovskiy@mail.ru*).

USHAKOV DENIS SERGEEVICH,
Doctor of Economics, Professor, Department of World Economy and International Relations, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia (*fintaliano@yandex.ru*).

KHAZIN MIKHAIL LEONIDOVICH,
President, M. Khazin Foundation for Economic Research; Acting State Councilor of the Russian Federation (retired), Moscow, Russia (*khazin@yandex.ru*).

KOMAROV DMITRY KONSTANTINOVICH,
Candidate of Economics, Individual Entrepreneur, Moscow, Russia (*tsyrt3@rambler.ru*).

LEMESHCHENKO PYOTR SERGEEVICH,
Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of International Political Economy, Faculty of Economics, Belarusian State University, Minsk, Belarus (*liamp@bsu.by*).

NING JING,
Postgraduate Student, Faculty of Economics, Belarusian State University, Minsk, Belarus (*nj375292715047@gmail.com*).

NEDZVETSKAYA NATALIA PAVLOVNA,
Candidate of Economics, Laboratory of Philosophy of Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*n.nedzvetskaya@gmail.com*).

ABDULKERIMOV FARID KURBANISMAYILOVICH,
Postgraduate Student, Department of Engineering Economics, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (*farid_05_1310@mail.ru*).

ATAYAN VLADIMIR VLADIMIROVICH,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Educational Psychology and Organizational Psychology, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia (*vvatayan@mail.ru*).

MAKARENYA TATYANA ANATOLYEVNA,
Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Engineering Economics, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (*mta-76@inbox.ru*).

MURZANOVA LYAYSAN AZATOVNA,
Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia (*liaisan.murzanova@gmail.com*).

KANDAUROV MIKHAIL ANDREEVICH,
2nd year Bachelor's Degree Student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*kandaurovma@my.msu.ru*).

ERDMAN GENRIKH VIKTOROVICH,
Master's Degree Student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*erdman168@gmail.com*).

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,
Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia (*mailconst@gmail.com*).

KOROSTELEVA LILIA IVANOVNA,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia (*lila31@yandex.ru*).

SEKERIN ALEXANDER PAVLOVICH,
Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Senior Researcher, Institute of the Earth's Crust of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia (*sek50@mail.ru*).

SUKHINA TATIANA SERGEEVNA,
Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tssmsu@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 35000 знаков (с пробелами), включая метаданные и библиографию.

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) на русском и английском языках должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы), без сокращений; адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком ***References*** должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация

формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word.

Рисунки и схемы сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность редактирования, перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Подписи не должны быть частью рисунков или таблиц. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** не должен превышать 11 см по ширине и 14 см по высоте. **Цвет рисунков — черно-белый**. Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word. Количество таблиц и рисунков в статье должно быть не более 5 в совокупности.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. **Подписку** на журнал (6 номеров в год) можно оформить в Агентстве «Урал-Пресс». Индекс — 83115. ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА (ural-press.ru). Со всеми вышедшими с 1999 г. номерами журнала можно ознакомиться в редакции.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. +7(495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.